

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 45

Научный журнал

**Издаётся с сентября 1993 г.
Выходит 2 раза в год**

**МОСКВА
2019**

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
«Институт научной информации
по общественным наукам РАН»

Редакция журнала

Главный редактор –

А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

А.И. Чагин – д-р филол. наук (зам главного редактора)

Е.А. Цурганова – канд. филол. наук

Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет

В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Челышев* – академик РАН

Журнал включен в российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© Литературоведческий журнал, 2019

ISSN 2073-5561

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию смерти Василия Васильевича Розанова

<i>А.Н. Николюкин.</i> 60 лет с Розановым, или 30 лет в его Архиве.....	7
<i>С.Р. Федякин.</i> Неоконченная « партитура » Розанова	13
<i>А.Н. Николюкин.</i> Розанов читает «Сказку для детей»	21
<i>В.Т. Олейник.</i> Розанов как лермонтовед.....	24
<i>С.А. Шульц.</i> К специфике жанра фрагмента у Розанова	44
<i>И.В. Логвинова.</i> Розанов, В. Протейкинский и иудаизм: (К вопросу об источниках еврейской темы у Розанова)	54

<i>И.С. Ревяков.</i> Розанов как редактор «Автобиографии православного еврея» С.И. Цейхенштейна.....	61
<i>О.Е. Пучнина.</i> Политическая проблематика в творчестве Розанова.....	73
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Мировоззрение и творчество Розанова в славистических исследованиях США	91

История литературы

<i>М.Б. Раренко.</i> Федор Иванович Буслаев: К 200-летию рождения	116
<i>М.А. Бирюкова, А.Н. Стрижёв.</i> Зоркое сердце Ольги Хмелевой	155
<i>А.Н. Николюкин.</i> С.П. Шевырёв о Пушкине	177
<i>Е.А. Цурганова.</i> Джон Рёскин	182
<i>Е.А. Цурганова.</i> Алджерон Чарльз Суинбёрн.....	194

Библиография

Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии / Вступит. статья и составление <i>М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва</i> 200
Василий Сергеевич Арсеньев (1829–1915): Материалы к библиографии / Вступит. статья <i>А.Н. Стрижёва</i> , составление <i>М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва</i> 282
Коротко об авторах 295

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY CONTENTS

To commemorate the 100th anniversary of death of V.V. Rozanov

<i>A.N. Nikolyukin.</i> 60 years with Rozanov, or 30 years in his archives ...	7
<i>S.R. Fedjakin.</i> The unfinished «score» by Rozanov.....	13
<i>A.N. Nikolyukin.</i> Rozanov reads «The Tale for Children».....	21
<i>V.T. Oleynik.</i> Rozanov as a researcher of Lermontov's poetry	24
<i>S.A. Shultz.</i> To the specific of the fragment genre in Rozanov's literary and philosophical heritage	44
<i>I.V. Logvinova.</i> Rozanov, V. Proteykinsky and Judaism: (To the sources of Judaic theme in Rozanov)	54
<i>I.S. Revyakov.</i> Rozanov as editor of the book, «Autobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenschtein	61
<i>O.E. Putchnina.</i> Political issues in the works of Rozanov	73
<i>T.M. Millionshchikova.</i> Rozanov in the American Slavistic studies	91

History of literature

<i>M.B. Rarensko.</i> Fedor Ivanovich Buslaev: To the 200th anniversary of birth.....	116
<i>M.A. Biriukova, A.N. Strizhov.</i> The watchful heart of Olga Khmeleva	155
<i>A.N. Nikolyukin.</i> S.P. Shevyrev about Pushkin	177
<i>E.A. Tzuraganova.</i> John Ruskin	182
<i>E.A. Tzuraganova.</i> Algernon Charles Swinburne	194

Bibliography

Nadezda Stepanovna Kohanovskaya (Sohanskaya) (1823–1884): To the bibliography / Preface a. comp. by <i>M.A. Biriukova</i>	
a. <i>A.N. Strizhov</i>	200
Vasiliy Sergeevich Arsenjev (1829–1915): To the bibliography / Preface by <i>A.N. Strizhov</i> , comp. by <i>M.A. Biriukova</i>	
a. <i>A.N. Strizhov</i>	282
Author index	295

К 100-ЛЕТИЮ СМЕРТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РОЗАНОВА

А.Н. Николюкин

60 ЛЕТ С РОЗАНОВЫМ, ИЛИ 30 ЛЕТ В ЕГО АРХИВЕ

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания автора о его работе по творчеству В.В. Розанова, в том числе и в РГАЛИ, в результате чего было подготовлено и издано 30-томное издание Сочинений Розанова.

Ключевые слова: В.В. Розанов; архив РГАЛИ.

Nikolyukin A.N. 60 years with Rozanov, or 30 years in his archives

Summary. The article deals with the author's reminiscences of 60 years Rozanov studying and the State archives of literature and art.

Keywords: V.V. Rozanov; archives RGALI.

Существуют имена писателей всемирного значения. Не потому, что они писали обо всем существующем на свете. Они писали о своем, близком и личном, но так, что читатель понимал это прежде всего. Имен довольно, много. Даже называв Шекспира, Данте, Гоголя, Гёте, Сервантеса, Рабле, Льва Толстого, Уитмена, Мицкевича и многих других, мы не раскроем причины их величия и разнообразия. И вот к ним начинают присоединяться другие, запечатлевшие не столько свое время, как было принято считать, сколько то субъективное, что еще не смогли выразить до конца их предшественники. И возникает ряд гениальных имен, без которых теперь

немыслима большая литература: среди них и Достоевский, и Василий Розанов.

Пристало читать В.В. Розанова начал я осенью 1956 г., во время венгерских событий. И сразу понял, что ни издавать, ни изучать его в тех условиях невозможно. Книги его были у меня. И случилось так, что в 1987 г. я проник в приоткрывшийся тогда архив Розанова в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ) благодаря доброте и благожелательности ныне уже покойной Александры Андреевны Ширяевой в Литературном музее (кабинет Луначарского) и даже Отдел рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина, где с большой настороженностью относились к моим попыткам сделать ксерокопии с текстов Розанова («Зачем вам это надо?»).

И все же в 1989 г. я подготовил и выпустил в издательстве «Современник» первый в советское время том избранных сочинений Розанова. После этого пошел целый поток книг Розанова вплоть до 30-томного Собрания сочинений и начатого издания Полного академического собрания сочинений (вышло семь томов), отражающего все богатство архивов Розанова.

Неоднозначно начиналась работа в архивах Розанова, особенно в том, который при советской власти назывался ЦГАЛИ, а теперь стал Российским государственным архивом литературы и искусства. Первое и главное отличие его от бывшего Центрального государственного архива литературы и искусства состоит в том, что тогда государственный архив был бесплатным для исследователей, а теперь в наступившую эпоху капитализма государственный архив, как частная лавочка, стал платным. И цены все повышаются и повышаются.

В годы перестройки был снят гриф секретности с архива Розанова, и с 1987 г. я мог обратиться к подлинным страницам, написанным великим мастером. В аспирантские годы и позднее я читал его «Опавшие листья», но понимал, что писать о нем, тем более издавать его цензурно совершенно невозможно. Мой друг, известный критик, смог тогда процитировать Розанова в «Литературной газете», только без упоминания имени («один русский философ писал»).

Более года изучал я в РГАЛИ рукописи Розанова, просмотрел значительную часть розановского фонда, когда вдруг меня

вызывали к директору архива Н.Б. Волковой. Она обвинила меня в том, будто я похитил одну страницу из рукописи «Мимолетное», в которой несколько сот страниц. Обнаружил это В.Г. Сукач, который, готовя рукопись к печати, пришел сверять и обнаружил, что вместо исчезнувшей страницы была разрезана на две части следующая страница и вторая ее часть пронумерована номером исчезнувшей страницы. То есть был преступный умысел; проверка наличия страниц при возврате рукописи в фонд этого не обнаружила.

Наследие Розанова только начинало исследоваться в этом архиве, был свой небольшой коллектив, и новый человек не был желателен. За все время этой рукописью пользовались только три человека: В.Г. Сукач, я и сотрудница фонда, готовившая к печати публикации Розанова. Волкова решила сделать судебную экспертизу почерков всех троих, чтобы определить, кем написан новый номер страницы. Началась детективная история, как у Конан-Дойля. Экспертиза ничего не выявила, и тогда Волкова, работник вполне определенных советских органов, послала жалобу-донос директору института, где я работал.

Этим она добилась главного: когда в архиве поняли, что я стал серьезно заниматься Розановым, это нарушало желание некоторых сохранить фонд для себя. В.Г. Сукач давно занимается Розановым, и он не в счет, а тут еще возник новый, Николюкин... В результате фонд Розанова был закрыт на долгие годы вплоть до ухода директора с должности в 2001 г.

Естественно, я подал на присланное в мой институт письмо в суд как на клевету. В июне 1989 г. суд состоялся по ст. 7 о защите чести и достоинства Гражданского кодекса. Судья спросила явившуюся Н.Б. Волкову, чем она руководствовалась, посылая такое письмо обо мне в институт. Та заявила, что ее обязанность хранить фонды архива и потому профилактически она отправила письмо. Судья была нескончанно удивлена словом «профилактически» и просила разъяснений. Волкова ничего добавить не смогла. Наступило молчание. Судья с недоумением произнесла слово «профилактически» и заседание закончилось.

Суд решил дело в мою пользу, обязал архив отправить извинение в адрес института и постановил взыскать с РГАЛИ определенную небольшую сумму в мою пользу. Я сразу распорядился перечислить эту сумму в фонд восстановления храма Христа Спа-

сителя, о чём появилось сообщение в газете, публиковавшей списки таких жертвователей. Так В.В. Розанов содействовал восстановлению Храма, разрушенного большевиками.

В.Г. Сукач очень смеялся, когда я рассказывал ему всю эту розановскую историю. Да и как было не смеяться, когда не случайно была разрезана как раз именно та страница, сверять которую непременно должен он был прийти, а обнаружив подстроенную пропажу, всем заявить об этом...

Работа с архивными материалами из фонда Розанова продолжается, вышло 30-томное издание его Сочинений и семь томов Полного собрания сочинений. Она может быть продолжена и ныне. Приведу хотя бы один пример.

Варианты «Апокалипсиса нашего времени»

20 лет назад издательство «Республика» готовило к изданию первый полный текст книги В.В. Розанова «Апокалипсис нашего времени». В РГАЛИ, где хранится огромная рукопись Розанова (Ф. 419. Ед. хр. 234 и 235), тогда царил дух науки, и ксерокопию всей рукописи разрешили сделать бесплатно, исходя из интересов науки. Ныне в РГАЛИ царит дух корыстного рынка, съевший дух науки. Теперь, когда для публикации в издательстве «Росток», выпускающем Полное собрание сочинений Розанова, делали ксерокопию непубликовавшейся рукописи Розанова «Тайна», научным работникам, работавшим над рукописью и живущим на скучные зарплаты нынешней Российской академии наук, пришлось платить непосильные суммы.

Рукопись «Апокалипсиса нашего времени», ксерокопию которой изготовил известный розановед С.Р. Федякин, содержит значительное число вариантов основных записей. При подготовке текста книги среди разнообразных вариантов одной записи были отобраны наиболее полные и интересные. Именно они и вошли в 12-й том Собрания сочинений В.В. Розанова в 30 томах.

К 100-летию смерти В.В. Розанова планировалось опубликовать сохранившиеся варианты записей в «Апокалипсисе нашего времени».

Сегодня мы публикуем варианты к статье «Отец». Для сравнения приводим основной текст.

Отец

– Нет ли такого чего, что было бы больше самого себя?

Иду с сыном, поднимаюсь на скат железной дороги. Солнце так и горит в снегах, и вот иду, посмеиваюсь и спрашиваю. А сам вместе и боюсь, но тайно.

Он переспросил:

– Как это, папа, может быть?

Я тоже учился физике, математике, химии и учил везде, что «*всё из чего-нибудь*», и, собственно, «*ex nihilo – nihil*»: и потому-то побледнела душа моя, когда я вдруг и с такою очевидностью почувствовал, что «*ex nihilo – quid-quid*»¹. И уж полный солнца внутри, опять беру его в вопрос:

– Да как же: *у меня* – ты да дома три дочери, с которыми ты все ссоришься, да Вера – в монастыре. Всех вас бы не было *без меня*: между тем впятером *вы больше меня*. Значит, Я есть ТОЛЬКО «Я», но как принять это во внимание: то Я и «БОЛЬШЕ СЕБЯ».

Он – смышленый мальчик. И ответил:

– Да. Это правда.

Удивительно, что хотя я предан философии, но до 62 лет мне это ни разу не приходило на ум. «Так обыкновенно». «Кто же смотрит на самого себя».

Вариант на листе 44: Отец

Страшное размышление берет меня: есть нечто, что больше самого себя.

Такое чудо и невозможность есть отец. Он больше себя, потому что если у него два сына и три дочери, откуда бы они, если не из отца: и между них, около них, стоит он сам, живой и разговаривает. Тайна и суть, что он рождает, и без рождения (отца самого): а рождая, он переливается через край, выходит из берегов и, право, похож на океан.

И это в том, как что – больше себя, он и не выражается. Это его суть: так что если есть «больше себя» – то это отец, а если

¹ «Из ничего – что-либо» (лат.).

«отец», то для нас он, что больше себя. Он полнее всякой полноты, потому что против полноты у него есть излишек; и большая «воля» – потому что каждое «все» брюхатость отцом, и он его раздвигает и множит. В одно время он нарушает физику, математику, логику и онтологию. Это невероятно и так. Отец собственно не может быть, и он однако есть. Отец – а-космичен, собственно – вне космоса, а уходит и ускользает из него, точно проваливаясь в бездну и из бездны поднимаясь на верх космоса и в нем начинает невозможно и неожиданно творить: дети – и он есть; дочери, сыны – и он остается, говорит, рассуждает. Он был бы океаном, если бы маленький океан не был только равным самому себе: тогда как у отца вечно нечто прибывает, и эта «прибыль отца», «приток в отце» из чего-то совершенно бездомного, бездетного, из какой-то невероятности и кажется прямо из небытия – составляет зерно, загадку и суть отца. Кто-то ему «помогает», и отсюда «приток», «прибыль», «дети». Но кто? Но что? Неведомо.

Вариант на листе 45 без заглавия:

Нет ли такого, что было бы больше самого себя? И полнее полноты? И шире всего?

– Разве что назвать такое существо Богом?

Удачно слово, но тогда богов много. Такое существо – отец.

– Как?

Суть, что он рождает. И через это выходит из себя, переливается через край, течет и не истекает. Его можно бы назвать океаном, если бы океан не был гораздо меньше его, как не прибывающий. Тоже и отца, что он вечно прибывает: и откуда прибывает неведомо. Он точно источник: а из каких гор – неведомо. Это, впрочем, ближе к отцу, чем океан. Суть его, что он льется, изливается: и известные «мистические сосуды, изливающие воду», употребимые в египетских мистериях, и которые упоминаются в «Золотом осле» Апулея, как разгадка смысла мистерий, очень верно, но только механично и формально, выражают самый принцип и смысл отца. Это так в самом деле. Как будто внутренность каждого отца.

С.Р. Федякин

НЕОКОНЧЕННАЯ «ПАРТИТУРА» РОЗАНОВА

Аннотация. В статье анализируются особенности рукописей В.В. Розанова.

Ключевые слова: рукописи; В.В. Розанов.

Fedjakin S.R. The unfinished «score» by Rozanov

Summary. The article deals with the manuscripts of V.V. Rozanov.

Keywords: manuscripts; V.V. Rozanov.

Всякий, кто подолгу сидел в архиве над рукописями Розанова, мог видеть «застывший» творческий процесс: сначала несколько беглых фраз на любом клочке или на конверте; потом – мысль переписывается отчетливым почерком на большом листе бумаги. Но в какое-то мгновение рождается неожиданное ее продолжение, и Розанов уже торопится, пытается поспеть, и за нехваткой места страница поворачивается на бок, потом – вниз головой, следом – на другой бок. Когда уже не остается места – ставится значок (часто – косой крест в кружочке), лист переворачивается, и с изнанки, после такого же значка, бег начинается снова.

Наконец, поставлена точка. Розанов опять начинает переписывать начисто. Полстраницы – отчетливые слова. Но вот мысль уклонилась в сторону, от того же начала рождается совсем иное продолжение; совсем уже непонятным почерком, – так что слова похожи на цепочки из буквы «и», – Розанов пытается запечатлеть «новую старую мысль».

Иной раз, впрочем, переписывание начала может обрасти иные, усложненные черты: «смысловые точки» соединяются в тот же рисунок, но поступает он сквозь иные слова, иначе составленные предложения.

«Не удивительную ли сторону целой “Истории христианства” составляет то, что в ней никогда не появлялся Иов? И что страниц Библии не оскорбляет Иов, тогда как было бы что-то дурное и не-вообразимое, если бы кто-нибудь вздумал возразить Христу.

Почему?

Боже, что же все это значит?»¹

Так начинается фрагмент «Из тайн Христовых» (рукопись «Апокалипсиса нашего времени»). И рядом, под таким же названием, – та же мысль в ином словесном обличье, с «деталями»:

«Удивительно, что в то время как в Ветхом Завете был Иов, в христианском мире не появлялся никогда он, а были, что называется, – одни прохвосты. Т.е. что как-то и каким-то образом там были только люди вовсе не верующие, никак не верующие, были люди в высшей степени недостойные, а потому отрицающие Христа.

Но чтобы человек с достоинством, “не вольтерианец”, отрицал Христа, чтобы он, так сказать, жаловался Христу на Христа, как Иов – Богу на Бога, то этого никогда не было. И как-то это странным образом – невообразимо. Но отчего?

Боже, отчего?»²

Первый фрагмент (целиком это половина страницы) останавливается на мысли: «пытаться бороться со Христом» – по самому смыслу Нового Завета – чудовищно. Второй (он длиннее) поведет в своеобразно понятое «имяславие».

Первые абзацы у отрывков – почти одно. Потом изначальная мысль раздваивается. Как если бы Розанов к одной мысли, – точнее, к ее «предчувствию», – писал разные комментарии.

Но ведь, в сущности, многое он так и писал! И даже самое знаменитое.

* * *

Когда смотрят на «Уединенное» как на ворох «листьев» («Шумит ветер в полночь и несет листы...»), то упускают ту умст-

венную школу, которую Розанов прошел, занимаясь переводом Аристотеля или создавая труд «О понимании».

Записи «Уединенного», эти отрывки «с рваными краями», т.е. не мысли, но – по признанию самого Розанова – «полумысли» и «получувства», конечно, запечатлевают мгновение. Но когда в архиве видишь странички с правкой типографского набора этих «мимолетностей» – ощущаешь и то, насколько живы в Розанове «первообразы» этих внезапных откровений. И, значит, здесь сказать «так», а здесь «этак» – совсем не причуда.

В «Уединенном» Розанов потому и мог быть невероятно самопротиворечив, что у него под всеми «полумыслями» лежит серьезный фундамент.

Цель как первопричина, – об этом Розанов много писал на заре своего вхождения в умственную жизнь России. Организм предшествует своим «частям» – мускулам, нервам, кровеносной системе и т.д., – в соразмерной работе эти «части» повинуются «генетической своей связи»³. А если речь о менее очевидном, о странных связях между удаленными друг от друга предметами и явлениями? – «*Есть мысль, держащая вселенную; к ней, собственно, имеет каждая вещь прямое свое отношение; и лишь через нее, в которой содержится и всякая иная вещь, она с этою иною вещью соотносится*»⁴.

Если перевести розановские умозаключения на открытую им литературную форму, то придется сказать: «уединенные» книги – предшествуют отрывкам, из которых они состоят. Потому и не сводятся они к сумме этих литературных «вздохов». «Целое “держит” свои части»⁵, – объясняет этот принцип Аристотель в переводе Розанова. А части эти – род комментария «к мицрозданию». И схвачены не только «полумысли», но и сама их возможность.

«За нумизматикой», «на обороте транспаранта», «вагон»... – постоянные *обстоятельства мысли*, запечатленные знаменитыми его ремарками. Есть и более редкие: «за истреблением комаров»⁶, «убираясь с лета в город»⁷. Через ремарки, – эти «потенции» мысли, – можно и сами «короба» Розанова увидеть иначе, «вывернув» их содержание.

«За нумизматикой» (лупа в руке, глаз, «прочитывающий» монету) – та возможность, которая дает выход многим идеям, что бродят в голове:

– «Газеты, я думаю, так же пройдут, как и “вечные войны” Средних веков...»⁸

– «Наша литература началась с сатиры...»⁹

– «С бороденочкой, с нежным девичьим лицом, А.П. У-ский копался около рясы...»¹⁰

– «В вас мужского только... брюки...»¹¹

«За нумизматикой» вместит и о Некрасове, и о Чернышевском, и о проституции, и о том, что «боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни»¹². И – о тайное тайных «уединенных» книг: «Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* музыке в душе»¹³.

Чем разнообразнее части единого целого, чем они – на первый взгляд – не сходней, тем мощнее проявление этого единого в мироздании. Когда за разнообразием частей уже не видно этого единого, когда оно лишь чувствуется, тогда розановские «полумысли-чувствства» превращаются в лейтмотивы, в темы, в такты большой партитуры.

Внимание к мелочам? – Именно в мелочах, в деталях – лучше ощущается Целое. Это – штрихи в музыкальном произведении. Внутренняя противоречивость? – Это противоборство музыкальных тем.

Каждый отдельный «листок» заставляет вспомнить о целом. Конец «Уединенного» («человек достоин только жалости»¹⁴) – лишь намекает на «мысль, держащую вселенную», конец «Опавших листьев» («и далеким знанием знает Главизна мира обо мне»¹⁵) – указывает на него.

Так можно увидеть мир «потенций» и воплощений: о чем подумалось–вспомнилось «за нумизматикой»? – и перечень отрывков; что запечатлел «на обороте транспаранта» – и другой перечень. Иногда – «смотря на портрет Страхова...»¹⁶ – ремарка без повтора, поскольку в мире потенций – своя иерархия: при каких обстоятельствах мысль рождается часто, при каких – лишь иногда.

* * *

Это «ветвление» мысли отчетливо обнаруживается в поздних книгах Розанова. «Последние листья», которые «замолкнут» только в 1918 г.¹⁷, обнаруживают общие темы с «Апокалипсисом

нашего времени» («Апокалиптика русской литературы»), последний – общие статьи с книгой «Возрождающийся Египет» («Шакал», «Моисей и Египет», «О поклонении Аписам»)¹⁸. Три книги, три замысла сходились и расходились, но были также движимы общей целью. «Возрождающийся Египет» – взгляд в спасительное прошлое человечества, «Последние листья» – попытка понять что-то в тревожном настоящем, «Апокалипсис нашего времени» изрекает не то горестные реплики, не то пророчества при взгляде в катастрофическое будущее, которое так внезапно пришло. И сам Розанов совмещает эти зрительные лучи, и «Возрождающийся Египет» (статья «Анархия») чувствует кошмар наступающих времен, и «Апокалипсис нашего времени» помнит прошлое, где были «Моисей и Египет».

Но стоит бросить взгляд на раннее творчество Розанова – и та же картина, то же соотношение целого и частей. «О понимании», перевод Аристотеля и комментирование его – с этого начнет, «Легенда о Великом инквизиторе» (попытка найти сверхидею, «перво причину» творчества Достоевского, а через него и русской культуры) – следующий шаг, а далее – многочисленные статьи. Когда на рубеже XIX–XX вв. они выйдут книгами, сами названия этих томов скажут о «ветвлении» интересов: «Природа и история», «Религия и культура», «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», «Семейный вопрос в России», «Около церковных стен». Там же, где нельзя четко определить одну проблему, где ощутим выход за границы привычных вопросов, название еще чуткое: «В мире неясного и не решенного».

И в жанрах своих сочинений он чувствует себя все свободнее и свободнее. Трактат – полемическая статья – философский памфлет. И тут – Дарвин, как гениальный наблюдатель и туповатый истолкователь собственных открытий, Бокль, готовый объяснить историю цивилизации, и не способный даже к первому шагу в этом направлении. Последняя работа – «Книга особенно замечательной судьбы» – годилась бы в серию «Жизнь замечательных людей», если бы не жестокая ирония, которой пронизан рассказ о слабоумном ребенке¹⁹, задумавшем многотомный труд: «Бокль был увлечен представлением книги в ее внешних чертах, и это скорее переплетное, нежели даже книжное, чувство, этот мелькающий и манящий образ тысяч корешков с золотящимися надпи-

сями на них, повлиял на его бедное воображение, на воображение худосочного и обеспеченного мальчика, оставшегося на руках необразованной матери и которому доктора предупредительно, но слишком обще и неопределенно говорили, чтобы он перестал учиться»²⁰.

Создавая эту биографию, где жалость по отношению к герою граничит с издевкой, Розанов словно предчувствует скандальный роман о Чернышевском, который напишет спустя несколько десятилетий герой набоковского «Дара».

И вместе с этим – еще большая вольность в том, как он начинает создавать свои сочинения, связывая разное воедино: книга как собрание статей; книга, включившая полемические материалы и письма (чужое слово), комментарии к чужому высказыванию, комментарии оппонентов к его и чужим словам, комментарии к комментариям оппонентов… Разноголосица, которую он тут же оплетает своими беглыми замечаниями и чутким вниманием. Когда останутся одни примечания – родится «Уединенное». Когда подойдет время подводить итоги – он начнет создавать равноправные варианты как бы одних и тех же статей.

* * *

Рукописи, которые запечатлели «раздвоение» мысли. От праидеи повествование движется не по законам логики (если «а», то «б»; или: «тезис – антитезис – синтез»), но по закону удивления: забрезжило что-то неожиданное, и мысль побежала в новом для себя направлении. (Так живая река прокладывает одно русло, потом вдруг меняет его, пробивая другое.) «Уединенное», которое запечатлело не только момент рождения, но и сами «предчувствия» мысли (от «нумизматики» до «истребления комаров»).

Книги, которые «спорили» между собой из-за отдельных статей, поскольку тоже оказались частями единого целого… Его творческая жизнь началась с постройки фундамента («О понимании»), а пришла к полному разнообразию жанров и тем. «Философия начинается с удивления», – заметил его учитель Аристотель, и Розанов в способности удивляться превзошел всех учителей и современников.

Этот розановский путь и «вширь», и «вглубь» не мог быть закончен, поскольку познание и понимание Единого всегда превышает возможности человека. Зато и такого разнообразия жанров, мыслей, тем мало у кого из писателей можно найти.

Всю жизнь он чувствовал «музыку мысли». Всю жизнь писал огромную партитуру. Здесь отдельные части соотносятся не как «причины и следствия», не как логически соотносимые разнообразные суждения, но так, как соотносятся темы в музыкальном произведении, – то повторяясь, то преображаясь до неузнаваемости, то сливаясь в сложном контрапункте, то контрастируя друг другу.

Сегодня подумал «так», а завтра «этак» (частое представление о Розанове) – это путь к произволу, если за этими разноречиями нет того Целого, которое «держит части». Путь Розанова – всегда с чувством «Главизны мира» и с чувством «маленького Розанова» у него на руках. Неожиданное решение темы «маленького человека». И все же – в традициях русской культуры.

Этот «маленький Розанов» направлен на Целое, на конечную цель, которая лежит «в основе всего». И потому-то он так разнообразен и так противоречив. И потому он стер границы между статьей, художественной прозой и черновиком. И потому не завершил своей партитуры, ведь любая точка на этом пути была бы неестественной.

-
- ¹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 260.
 - ² Там же. С. 261.
 - ³ Розанов В.В. Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 106.
 - ⁴ Там же. С. 113.
 - ⁵ Розанов В.В. Сочинения: [Т. 2]. Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 503.
 - ⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 116.
 - ⁷ Там же. С. 153.
 - ⁸ Там же. С. 9.
 - ⁹ Там же. С. 11.
 - ¹⁰ Там же. С. 12.

- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 13, 16, 14.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 72.
- ¹⁵ Там же. С. 364.
- ¹⁶ Там же. С. 191.
- ¹⁷ См.: *Федякин С.Р. О последней книге Василия Розанова // Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени.* М.: Республика, 2000. С. 381.
- ¹⁸ См. рукописи этих работ: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 230; Ед. хр. 232–235; Ед. хр. 96–105. Ссылка на архивы здесь необходима, поскольку внешний вид рукописей для понимания замыслов говорит больше, нежели опубликованные варианты книг.
- ¹⁹ См.: *Розанов В.В. Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.).* М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 156.
- ²⁰ Там же. С. 170.

А.Н. Николюкин

РОЗАНОВ ЧИТАЕТ «СКАЗКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Аннотация. В статье рассматривается, как в недавно впервые опубликованной книге В.В. Розанова «Тайна» анализируется в родовом и сексуальном плане поэма Лермонтова «Сказка для детей».

Ключевые слова: В.В. Розанов; М.Ю. Лермонтов; поэма «Сказка для детей»; рождаемость.

Nikolyukin A.N. Rozanov reads «The Tale for Children»

Summary. The article deals with the analysis of Lermontov's poem «The Tale for Children» how it is presented in recently for the first time published V. Rozanov's book «The mystery».

Keywords: V.V. Rozanov; M.Y. Lermontov; poem «The Tale for Children».

Недавно впервые издана книга В.В. Розанова «Тайна», написанная в начале прошлого века. Среди произведений Платона, Толстого и Достоевского Розанов обратил внимание на «Сказку для детей» Лермонтова. Название и текст отражают некое озорство, идущее от «юнкерских поэм» поэта. Надо сказать, что шалости юности (у Пушкина, Толстого и др. нередко дают себя знать в их последующих сочинениях). Но дело не в том.

В истории русской литературы, ее классической части, многие произведения считаются неоконченными. Среди них «Евгений Онегин», «Мертвые души», лермонтовский «Демон». «Сказку для детей» хотели бы отнести к этой категории, поскольку замысел ее

остается, может быть, туманным. Тем не менее это вполне завершенное произведение.

Лермонтов описывает дворец вельможи на Неве и даже его самого:

*Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо...
Обедал. Спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера.*

Перечитывая сказку, Розанов обнаружил, что

*Имел он дочь четырнадцати лет,
Но с ней видался редко, на обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.*

Здесь-то и начинается сказка, не похожая на народные или пушкинские сказки, предназначенная вовсе не для детей.

Этот часто повторяющийся фартучек выражает всю юность Нины. Это напоминает грезу Свидригайлова, ибо девочке, которая приснилась Свидригайловой, было столько же лет, сколько и Нине. Лермонтов предвосхищает не только Достоевского, но если внимательно вчитаться, то и Альбертину в романах М. Пруста, и юную нимфетку Набокова.

В это время Розанов читал энциклопедическую статью об «оплодотворении» и у него явились аналогия с этой девочкой в фартучке: «...втягивается внутрь яйца, которое вслед за этим тотчас одевается новой оболочкой, после чего проникновение внутрь яйца новых сперматозоидов становится невозможным. Вхождением сперматозоида оканчивается внешняя часть процесса» (с. 472). (Розанов приводит графический рисунок.) Даже постоянно присутствующая мадама должна стать непременной частью этого процесса.

Понимание поэзии Пушкина и Лермонтова выражено при этом со всей отчетливостью: «Sexual'ный характер поэзии Лермонтова, особенно если мы станем сравнивать ее с поэзией Пушкина, или чьей-нибудь из пушкинской школы – ясен. Взамен не

рождающей у них любви, любви как цветка жизни, как украшения минуты, – у него всегда рождающая любовь:

*С отрадой тайною и... с тайным содроганьем
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые
И быстрые глаза, и кудри золотые
И звонкий голосок...*

«Через genitali’и золотистого ли Федра, “двенадцатилетней” ли девочки, но пронизать, и непосредственно, в таинственное и, в общем, никогда здесь не видимое “противно-земное лицо”; “стать на хребте неб и выглянуть наружу”, как передал свое чувство Платон; но именно – пока эти genitalia не “отпотели”, не загрязнены “земным хватанием”, прозрачны и чисты – Федра и Нины:

Ходила в фартучке. Сидела прямо.

Припадая к отрочески-чистому стеклу их “гутенберговым” в себе “набором” – “и зрелости, и осязания, и общения – всех чувств”, мы получаем веление Федона, Тимея, – “Сна смешного человека” – “потустороннее”, но касаясь их же ноуменально, мы получаем не “идею” души бессмертной, но самую душу бессмертную, “предсуществующую”, “ниспавшую” и, словом, ту, лучше всякой Федоновской, которую мать, вынимая грудь, кормит молоком. Мы – “рождаем”» (с. 603). В поздних статьях Розанова как раз преобладает рождающее начало у Лермонтова.

В.Т. Олейник

РОЗАНОВ КАК ЛЕРМОНТОВЕД

Аннотация. В статье анализируются высказывания В.В. Розанова о великом русском поэте, содержащиеся как в статьях, посвященных непосредственно творчеству Лермонтова, так и в публикациях о других авторах и на иные темы, выходивших в печати с 1889 по 1919 г. Причем главной задачей работы мы считали не антологизацию этих высказываний в какой-либо ее полноте, а их осмысление и обобщение, с тем чтобы выявить основные особенности розановского восприятия поэзии Лермонтова, а также его роль в той полемике, которая велась в России по поводу лермонтовского наследия на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов; Н.В. Гоголь; подлинный русский романтизм; лермонтоведение; демонизм; теодицея; диалектика добра и зла; зло как неизбыточное космическое начало; сомнамбулические странствия; метафизика сновидения; индивидуализация мышления; поэтическое визионерство; пессимизм могучего духа и сильной воли.

Oleynik V.T. Rozanov as a researcher of Lermontov's poetry

Summary. The article deals with Rozanov's statements on the poetic works of Lermontov, found in his critical publications (from 1889 till 1919). The aim of this research was not to collect these assertions, comments and observations more or less completely or to list them separately one by one. We tried to analyze and estimate them as various manifestations of a systematic point of view, as the sustainable concept of Lermontov's poetical heritage and of its impact on the history of the Russian literature.

Keywords: M.Y. Lermontov; N.V. Gogol; genuine Russian Romanticism; demonic; diablerie; theodicy; the system of personal values; dialectics of good and evil; somnambular wanderings; inescapable cosmic essence; metaphysics of a dream; individual mentality; the poet as a prophet; pessimism of a very strong will and of a heroic spirit.

В. Розанов – видный русский философ, публицист и литературный критик рубежа XIX–XX вв. – не был ни историком, ни теоретиком литературы в строгом смысле этих определений. Не занимался он профессионально и изучением творчества М.Ю. Лермонтова. Все его наблюдения, оценки и ссылки, относящиеся к художественному наследию великого русского поэта, основаны на широко известных и легкодоступных в то время лермонтовских текстах, часть из которых была воспроизведена по неавторизованным спискам. По всей видимости, ранняя лирика Лермонтова в значительной мере осталась В. Розанову неизвестной. Кроме того, интерес В. Розанова к творчеству Лермонтова ограничивался преимущественно лирической поэзией. Проза, поэмы и драматургия Лермонтова особого внимания критика к себе не привлекли. И тем не менее роль В. Розанова в истории российского лермонтоведения оказалась весьма существенной, хотя и нельзя утверждать, что его вклад в науку о творчестве Лермонтова в целом уже точно установлен и должным образом оценен.

Нет и не может быть никаких сомнений в том, что уловить доминантные особенности уникальной лермонтовской поэтики, как и специфику его мировосприятия, В. Розанову помогла его собственная колоссальная литературная эрудиция. Тем более что эта эрудиция сочеталась у него с тонким художественным вкусом, с интеллектуальной проницательностью и с глубоким филологическим чутьем. Весь этот объемный багаж крайне утяжелял мышление философа и критика, не позволяя ему ограничиваться одномерными, плоскими суждениями и оценками, которые существовали в его эпоху исключительно благодаря своей общепризнанности и широкой распространенности. Многочисленные попытки его современников, подчас бездумно повторяя живущими ныне исследователями, усматривать у В. Розанова неискоренимую страсть к парадоксальности, к неоднозначности и неопределенности, к элементарной логической противоречивости, а то и к аморальной беспринципности, как это выяснилось со временем, сами по себе совершенно не обоснованы.

Эта страсть, если она действительно была «страстью», объясняется сложностью и многоохватностью его мышления, того мирообраза, который сложился в его сознании как самая что ни на

есть подлинная действительность. Как правило, В. Розанов стремился рассматривать изучаемые им объекты и явления во всех курсах, со всех возможных для обозрения сторон, в том числе и со сторон диаметрально противоположных. Именно это и создавало впечатление логической непоследовательности, а то и явной противоречивости в тот исторический период, когда русская общественная мысль, одержимая радикализмом, «научной объективностью» и упрощенной рассудочностью, требовала от литераторов чрезвычайной ясности мысли и четкости высказываний. В первую голову, однако, она требовала однозначности их политической позиции, которая с течением времени вполне закономерно сплошь и рядом превращалась в застывший, ничем не пробиваемый догматизм.

Противостояя тотальному натиску самоуверенной, но не очень далекой «научной» рассудочности, В. Розанов практически с университетской скамьи увидел в Лермонтове и Гоголе своих предтеч и единомышленников. Однако он и сам, в особенности на первых порах, находился под довольно сильным влиянием позитивистских, вульгарно материалистических концепций. По этой причине В. Розанов в своей первой опубликованной монографии «О понимании» (1886) отнес любимых им авторов – М. Лермонтова и Н. Гоголя – к типу «художников-психологов», противопоставляя их «писателям-наблюдателям» (А. Гончарову, А. Островскому, И. Тургеневу и др.). В отличие от «наблюдателей», изображающих жизнь «объективно», как бы в соответствии с закономерностями самой жизни и в соответствии с «нормальным» человеческим восприятием, «психологи», по убеждению В. Розанова, способны воспринимать и изображать реальность в необычном, странном (отстраненном) виде, недоступном для ощущения средних, нормальных людей. Критик полагал, что Лермонтов и Гоголь обладали не только особой эмоциональной чувствительностью, но и отличались некоторой децентрализацией своей психики, определенной степенью разорванности сознания. Это и позволяло им перешагивать те границы между бытием и сознанием, которые для человека заурядного в своей «нормальности» непреодолимы, так как в отличие от «писателей-психологов» он не может утрачивать «цельность психической жизни, хотя и не до той степени, где начинаются помешательство и безумие»¹.

Спустя некоторое время ощущив, что подобная характеристика психического состояния как Лермонтова, так и Гоголя – явный перебор, своего рода медицинский диагноз, В. Розанов подыскивает для них новое, более точное и как бы не столь «ненормальное» определение. В статье «М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)» (1901) он называет обоих писателей «сомнамбулиста-ми»: «Сомнамбулист сочетает в себе величайший реализм и несбыточное, он идет по карнозам, крышам домов, не оступаясь, с величайшей точностью, и в то же время он явно руководствуется такою мыслию своего сновидения, которая очевидно не связана с действительностью. Вот это-то и было у них обоих, Гоголя и Лермонтова»².

Таким образом, в пику позитивистскому объективизму, полагавшему, что внешний мир запечатлевается нашим мозгом подобно тому как предметы материального мира оставляют оттиски на более мягком веществе, будь то глина, снег, воск или гипс, а то и попросту мельком отражаясь в гладких поверхностях, В. Розанов подчеркивает творческую, созидающую функцию искусства «сомнамбулистов». Они, конечно, тоже отражают внешний мир, но делают это столь опосредованно и своеобразно, что наличием отражений их произведения отнюдь не определяются и не ограничиваются. Главная их задача не воспроизводить действительность, а создавать свой собственный художественный мир, в котором реальность напрямую сочетается с вымыслом, с воображением и даже с откровенной фантазией, образуя нерасторжимое единство мировосприятия. Так и только так рождается подлинная магия поэтического мира, в котором человеческие мысли, эмоции, сны, воспоминания и мечты столь же реальны, как и вся окружающая поэта действительность.

Исторической истины ради следует отметить, что приоритет создания «сомнамбулической» концепции творчества Лермонтова принадлежит все же не В. Розанову, а В.Д. Спасовичу, мимоходом заметившему, что Лермонтов напоминает ему «лунатика». В статье «Байронизм у Пушкина и Лермонтова» (1888) В. Спасович писал: «Мы имеем перед собою систематического мечтателя, похожего на лунатика, ходящего по улицам с открытыми, но не зрячими глазами. Этот мечтатель относится с полнейшим равнодушием к окружающим его людям и предметам и устраивает для себя мыс-

ленно иной мир, убранный во все то, что только автор отметил в природе как наиболее подходящее к состояниям его души, и населенный не настоящими людьми, в которых добро и зло смешаны, а существами воображаемыми, либо вполне ангельскими, либо вполне демоническими. <...> От этого обычного у Лермонтова поэтического его лунатизма происходит и пренебрежение к людям, похожее на байроновское, но в сущности запечатленное несколько иным характером. Люди ему противны не потому, что далеки от идеала человечества. Люди досаждают Лермонтову просто потому, что они – призраки. <...> Эти призраки, говорит поэт, “спугивают мечту мою – на праздник незваную гостью”³.

Едва ли имеет смысл сомневаться в том, что В. Розанов читал труды В. Спасовича и что именно у него он подхватил мысль о лермонтовском поэтическом лунатизме. На этом, однако, всякое сходство заканчивается: если для В. Спасовича «лунатизм» Лермонтова – это эстетический, а то и нравственный его дефект, своего рода моральная неполноценность, которая и позволяла поэту с презрением относиться к окружающим, то в интерпретации В. Розанова «лунатизм» Лермонтова – интеллектуальная и художественно-психологическая особенность, которая углубляла и обогащала творчество великого поэта России. Различие, как видим, огромное.

«Сомнамбулистская» теория В. Розанова не прошла мимо внимания российских критиков-современников. В частности, в статье И.Р. Эйгеса «О Лермонтове (К метафизике сновидения)», опубликованной в № 10 журнала «Аполлон» за 1914 г., эта теория была не просто напрямую заимствована автором у В. Розанова, но и доведена до крайности, практически до абсурда, как это часто бывает с не очень умымыми апологетами и разного рода последователями из резонеров: «Говорить о художественных элементах произведений искусства – а это главнейшая сторона их – значит говорить о их сновидческих элементах: эти два определения для нас являются однозначащими»⁴.

Полагая, что «каждый художник является *сновидцем*», И. Эйгес выделяет среди них Лермонтова как «могучего сновидца»: «Чрезвычайная сновидческая насыщенность творчества Лермонтова, напряженность сновидческих переживаний ярко выражена в известном стихотворении “Сон”, где три сна вплетены один

в другой и притом таким образом, что сновидцы двух из них сами оказываются лишь образами сновидений...»⁵

Хотя и в гораздо более опосредованном виде, следы влияния розановской «сомнамбулической концепции» творчества Лермонтова обнаружаются также в трудах Д.С. Мережковского, С.Н. Дурылина, П.П. Перцова, П.Н. Сакулина, Д.Л. Андреева, В.И. Сиротина и других видных исследователей, которые сконцентрировали свое внимание на изучении *внутреннего* Лермонтова, добившись весьма значительных результатов на этом направлении. Им удалось выявить «метафизическую природу» поэзии Лермонтова, обнаружить в ней определенное сходство с религиозно-психологическим опытом испанских и немецких поэтов-мистиков, а также английских поэтов-«метафизиков» XVII в., не говоря уже о европейской философской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. (Шиллер, Гёте, Гельдерлин и др.).

П. Перцов, друг, издатель и редактор-составитель четырех книг В. Розанова, во многом совпадал с ним как в оценке творчества Лермонтова, так и в склонности противопоставлять Лермонтова Пушкину. Для Перцова поэзия Лермонтова, в отличие от наследия Пушкина, выходит за границы национальной культуры и литературы вообще: «Стихи Пушкина – царские стихи; стихи Лермонтова – пророческие стихи. Пушкин – золотой купол Исаакия над петровской Россией, но только над ней. Не он, а Лермонтов – великое обетование»⁶.

Д. Мережковский, с которым В. Розанов подружился в середине 1890-х годов, не без влияния старшего по возрасту коллеги сосредоточился на изучении психологических мук и религиозных переживаний Гоголя, а также на явлении интеллектуального и нравственного «преодоления человека» в творчестве Лермонтова. Книга о Гоголе была опубликована Д. Мережковским в 1906 г., а ставшая знаменитой брошюра «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» – в 1909 г.

На рубеже XIX–XX вв., когда в массовом порядке началось возрождение интереса к поэзии Лермонтова, В. Розанов наряду с С.А. Андреевским оказался в числе первых русских критиков, решительно отстаивавших авторитет великого поэта. В лекции «Лермонтов: характеристика», прочитанной С. Андреевским в Русском литературном обществе в декабре 1889 г., а также в одно-

именной статье, опубликованной в «Новом времени» в начале следующего года, критик высказался вполне определенно и решительно: «У нас любили загадывать, что бы могло выйти из необычайных сил, скрытых в Лермонтове, при иных, более благоприятных для него обстоятельствах? При этом выводили на справку его бесшабашную жизнь и укоряли великосветское общество. Пора бы бросить это гадание. Из Лермонтова вышел один из великих поэтов мира: какой еще более высокой роли, какой еще более могучей деятельности от него требуют?!»⁷

В статье, написанной через 11 лет после публикации С. Андреевского и посвященной памятной дате – годовщине со дня гибели поэта – «М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)», В. Розанову уже не было надобности доказывать самоочевидное. В начале XX в. мало кто осмеливался отрицать поэтическое величие Лермонтова, хотя далеко не вся литературная элита России приняла безоговорочно столь высокую оценку его творчества. В течение нескольких десятилетий нового столетия он все еще оставался в критике «спорным поэтом». Именно в данной связи В. Розанов посчитал необходимым высказать свое собственное мнение на этот счет: «Сегодня исполняется 60 лет со дня кончины Лермонтова, и вот приходится взяться за перо, чтобы отметить этот день в памяти и мысли читателя. Умершему было 26 лет от роду в день смерти. Не правда ли, таким юным заслужить воспоминание о себе через 60 лет – значит вырасти уже к этому возрасту в такую серьезную величину, как в равный возраст не достигал у нас ни один человек на умственном или политическом поприще. “Небыкновенный человек”, – скажет всякий»⁸.

Эта сравнительная хронология приводится В. Розановым в юбилейной статье отнюдь не случайно. С ее помощью критик стремился как бы подвести окончательный итог спору, который подспудно длился в литературных кругах России более полувека. Еще в день четвертой годовщины со дня гибели Лермонтова, т.е. 15 июля 1845 г., литератор П.А. Плетнев, друг Пушкина, академик, ректор Санкт-Петербургского университета, писал своему коллеге Д.И. Коптеву: «О Лермонтове я не хочу говорить потому, что и без меня о нем говорят гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников. В толпе стоял

Краевский. Он раскричался в “Отечественных записках”, что вот что-то новое и, следовательно, лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за ним взвизгивать то же... Придет время и о Лермонтове забудут»⁹.

Нет, не забыли, заявил В. Розанов, и теперь уже вряд ли когда-нибудь забудут этого «необыкновенного человека». Тем не менее в конце XIX в. мнения, подобные плетневскому, все еще бытовали в общественном сознании образованной России. Всего за 10 лет до появления розановской статьи и, по всей видимости, в прямой связи с указанной выше публикацией С. Андреевского знаменитый русский историк В.О. Ключевский писал также в юбилейной статье «Грусть», посвященной памяти Лермонтова: «50 лет прошло с тех пор, как умер Лермонтов. Воспоминание о смерти поэта, без сомнения, напомнит нам и его поэзию. Да, напомнит, потому что мы успели уже забыть ее. Образцовые стихотворения Лермонтова с разрешения учебного начальства держатся еще в педагогическом обороте, и благодаря тому многие знают наизусть и “Бородино”, и “Ветку Палестины”, и даже “Пророка”. Но поэзия Лермонтова – только наше школьное воспоминание: в текущем житейском нестроении, кажется, не уцелело ни одной лермонтовской струны, ни одного лермонтовского аккорда. Жаль ли об этом? Может быть – да, а, может быть – и нет. Ответ зависит от оценки этой давно затихшей песни и от того, запал ли в нас от нее какой-нибудь отзвук, – лучше сказать, была ли она сама отзвуком какого-нибудь ценного общечеловеческого или, по крайней мере, национального мотива, или в ней прозвучало чисто индивидуальное настроение, которое сложилось под влиянием капризных случайностей личной жизни и вместе с ней замерло, обогатив только запас редких психологических возможностей. В последнем случае поэзию Лермонтова едва ли стоит вызывать с тихого кладбища учебной хрестоматии»¹⁰.

Но время для повторного погребения, как говорится, уже ушло. Хотя в характеристике, данной Лермонтову В. Ключевским, без труда прослеживаются параллели с теми суждениями о поэте, которые были ранее высказаны А. Григорьевым и Ф. Достоевским, прославленный историк затем сам с усмешкой вспоминал, что за статью о Лермонтове ему «досталось от литературной полиции по заслугам»¹¹.

Не отрицая значительности роли личного начала в творчестве Лермонтова («нет поэта более личного»), В. Розанов, видимо, прямо отвечает В. Ключевскому, что «индивидуальным настроением» поэзия Лермонтова отнюдь не ограничивается: «...необыкновенными точками в истории русского духовного развития являются Лермонтов и Гоголь, великий поэт и великий прозаик, великий лирик и великий сатирик, и являются не только величием своего обаятельного творчества, но и лично, биографически, сами»¹². Отстаивая это положение как реальный факт, как неоспоримую данность, В. Розанов бронирует за Лермонтовым место не только в российском поэтическом пантеоне, но и в истории мировой литературы в целом. Причем место гораздо более высокое, чем у самого Байрона, в подражании которому соотечественники слишком часто обвиняли нашего гения.

Как аксиому принял Розанов и тезис С. Андреевского, согласно которому поэтическая индивидуальность Лермонтова «всегда будет нам казаться загадочною, пока мы не заглянем в “святую святых” поэта, где горел его священный огонь. Мы пытались указать лишь на *внутреннее* озарение тех богатых реализмом творений, которые завещал нам Лермонтов. Подкладка его живых песен и ярких образов была *нематериальная*. Во всем, что он писал, чувствуется взор человека, высоко парящего над “грешною землей”, человека, “не созданного для мира”... Излишне будет казаться вечного и бесплодного спора в публике: кто выше – Лермонтов или Пушкин? Их совсем нельзя сравнивать, как нельзя сравнивать сон и действительность, звездную ночь и яркий полдень. Лермонтов как поэт, явно недовольный жизнью, давно причислен к пессимистам. Но это пессимизм совершенно особенный, существующий в единственном экземпляре. Глава пессимистов нашего времени А. Шопенгауэр острым орудием своего ума исколол все радости человеческие и с неумолимой логичностью доказал, что существо нашей породы таково, что ни при каких решительно условиях, ни на какой иной планете и ни в каком ином мире мы не можем быть счастливы; это пессимизм, не оставляющий никакой надежды, находящий свое последнее слово в отчаянии. Но не такое впечатление дает нам поэзия Лермонтова. В Лермонтове живут какие-то затаенные идеалы; его взоры всегда обращены к какому-то иному, лучшему миру. Лермонтовский пессимизм есть *песси-*

мизм силы, гордости, пессимизм божественного величия духа. Под куполом неба, населенного чудною фантазией, обличение великих неправд земли есть, в сущности, самая сильная поэзия веры в иное существование. Только поэт мог дать почувствовать эту веру»¹³.

Именно эта вера, полагает В. Розанов, и обусловила наличие у Лермонтова, как, впрочем, и у Гоголя, той раздвоенности, которая и вызывала в них страсть к видениям – «тоску видений», если воспользоваться определением самого Розанова. Лермонтов грезит о своем детстве «на балу в Московском дворянском собрании 1-го января, – место столь же неудобное для засыпания, для видения, для сомнамбулических странствий, как и та мирная печка, на которой заснула казачка Катерина, а “пан-отец” позвал ее к себе»¹⁴.

Однако загадочность Лермонтова и Гоголя обусловлена отнюдь не только тоской видений, их склонностью к сомнамбулическим странствиям и какой-то связью с потусторонним миром, но и тем очевидным фактом, что оба они остались не вполне понятыми читателями. О каждом из этих двух писателей можно сказать: «Он жил между нами, и мы его не знали; его творения в наших руках – но сколько в них непонятного для нас. Что же непонятного? И темы, и стиль»¹⁵.

Что более всего отличает поэзию Лермонтова? Странным образом она почти полностью лишена рационализирующего, логического начала. Это не сразу бросается в глаза, но поэтические произведения Лермонтова «невозможно даже переложить в прозу – выйдет бессмыслица. Но хозяин знает свое, он не описывает, а только намекает, и сжато брошенные слова выражают целое, и как выражают! У Лермонтова есть чувство собственности к природе: “Она мною владеет, она меня зачаровала; но это пошло так глубоко, тронуло такие центры во мне, что и обратно – чего никто не знает и никто этому не поверит – я тоже могу ее зачаровывать и двигать и чуть-чуть, немножко ею повелевать”. <...> Тайна тут в том, что, действительно, чувство сверхъестественного, напряженное, яркое в нем, яркое до последних границ возможного и переносимого, наконец, перешло в маленькую личную сверхъестественность. Так сказать, электротехник в конце концов пропитался электричеством, с которым постоянно имел дело, и уж не только он извлекает искру из проволоки, но и из него самого можно

извлечь искру. “Бог”, “природа”, “я” (его лермонтовское) склубились в ком, и уж где вы этот ком ни троньте – получите и Бога, и природу вслед за “я” или вслед за Богом является его “я” среди ландышей полевых (“Когда волнуется желтеющая нива”), около звезды, на сгибе радуги (многие места в “Демоне”). То, что у всякого поэта показалось бы неестественным, преувеличенным или смешной претенциозностью, например, братание со звездами... у Лермонтова не имеет неестественности, и это составляет самую удивительную его особенность»¹⁶.

Мы уже отмечали, что В. Розанов, по сути, не был ни историком, ни теоретиком литературы. Но это лишь подчеркивает объективную ценность его наблюдений и суждений, несмотря на то что некоторые выводы, сделанные им на их основании, в литературоведческом отношении не вполне точны или некорректны. В частности, он едва ли догадывался, что сам вольно или невольно участвует в споре о природе и судьбе русского романтизма, который в течение почти всего XIX столетия занимал умы российских критиков и историков литературы. И это при том, что именно Розанов, анализируя творчество Лермонтова и Гоголя, дал самые убедительные, самые неоспоримые аргументы в пользу того, что русский романтизм не был исключительно подражательным, имитационным, а потому и вторичным в идейно-эстетическом отношении литературным течением, каковым он и являлся в России до середины 1830-х годов.

То есть именно до того времени, как в печати стали появляться произведения М. Лермонтова, а затем и Н. Гоголя. Конечно, и творчество В. Жуковского, и К. Батюшкова, и Е. Баратынского, и В. Кюхельбекера, и А. Бестужева-Марлинского, и А.И. Одоевского, и В.Ф. Одоевского, и К. Рылеева, и Н. Языкова, да и Н. Карамзина можно рассматривать в аспекте той или иной степени их связи с европейским романтизмом. Они, безусловно, были в курсе современных им литературных событий Европы, некоторые из них занимались переводами сочинений писателей-романтиков, способствуя их популяризации в России. Они, несомненно, многое заимствовали из романтической поэтики Запада, сумев превратить поэтическое творчество из чисто развлекательного занятия для досуга, каковым его и считали в нашей стране вплоть до конца XVIII в., в самостоятельную форму общественной деятельности.

Но при всем при том они не стали подлинными романтиками. И дело даже не в мере их поэтической одаренности: Пушкин по силе литературного дара едва ли уступал Гоголю или Лермонтову, но все же он так и не стал романтиком, даже написав несколько произведений в романтическом ключе. Заимствуя у романтиков многие художественные приемы, поэты пушкинской поры не восприняли сути романтического искусства – того особенного романтического мировосприятия, которое оно и несло в мир.

Сам Пушкин – человек чрезвычайно умный, но при этом еще и весьма осторожный, не решился подходит к краю той бездны, которая неизбежно разверзается под ногами человека при мысли о вечности времен и о бесконечности пространств. Он предпочел оставаться в рамках здравого смысла, не концентрируясь особо на том ужасе, который, потрясая и изумляя наше сознание, настоятельно требует своего осмысления, поскольку, как кокон, он окутывает все наше существование. От этого ужаса можно избавиться, только отказавшись думать о нем вообще.

Лермонтов и Гоголь были первыми писателями в нашей литературе, шагнувшими в эту бездну. («Мой дух утонет в бездне бесконечной!..» «Редеют бледные туманы / Над бездной смерти роковой, / И вновь стоят передо мной / Веков протекших великаны»... «Тому ль пускаться в бесконечность / Кого измучил краткий путь? – / Меня раздавит эта вечность, / И страшно мне не отдохнуть».)

На выходе они и оказались в роли своего рода инопланетян в среде собственных соотечественников. Российская общественная мысль и вся русская культура в середине, как, впрочем, и в конце XIX в., были еще совершенно не готовы к восприятию истинно романтического мироощущения и романтической системы ценностей. Долгое время в России просто-напросто не могли понять, с чем же им пришлось столкнуться в творчестве Лермонтова и Гоголя. Самобытный российский романтизм, по-своему очаровывая читателей, тем не менее явным образом подрывал давно сложившиеся в обществе представления о роли и значении литературы, да и всего искусства в целом. Здесь ощущались не просто загадочность и необычность. В чертовщине Гоголя и в демонизме Лермонтова многие улавливали запах серы, а в мятежности Лермонтова, в его эгоцентризме и в его нелицеприятности усматривали

то избалованность барчука, то свидетельства его крайнего аморализма, а то и вовсе – признаки откровенного человеконенавистничества.

Отнюдь не случайно сам В. Розанов создает теорию психической «необыкновенности» или даже «странных» великого поэта, заменив ее затем «сомнамбулической» интерпретацией его творчества. При этом критик выделяет и анализирует в качестве основных черт этой «сновидческой» поэтики те свойства, которые давно уже признаны в науке фундаментальными, отличительными признаками романтической литературы как таковой. К этим свойствам относятся, в частности, особая склонность романтиков к анамнезису – к воспоминаниям и реминисценциям («жажды ви-дений»); пресловутое «романтическое двоемирие» («параллелизм в себе жизни здешней и какой-то нездешней»), в котором мир жи-тейской обыденности и прозы противостоит царству мечты и идеа-ла, а хронология историческая, собственно событийная, проециру-ется на временной фон, подчиненный циклическим законам вечности. Чисто романтическими были у Лермонтова и его тяга к возвышенному – ко всему тому, что поражает воображение своими масштабами, контрастами, грандиозной бесформенностью или даже красивым безобразием («Но красоты их безобразной я скоро таинство постиг»), его пристальное внимание к диалектике добра и зла, неистребимое ощущение поэтом своего родства, а подчас и нерасторжимого единства с природой, его неприятие состояния статики и покоя, его космизм и готовность бесконечно всматриваться в звездное небо над нашими головами, его сосредо-точенность на внутреннем мире чувств и его тяга к самопознанию, и т.д. и т.п. Большая часть этих особенностей поэзии Лермонтова рассматривается критиком как исключительно персональный слу-чай, как проявления индивидуальной идиосинкразии, по убежде-нию В. Розанова, довольно близкой по симптоматике к состоянию некоторого психического отклонения.

С особой определенностью это отношение выражено В. Розановым в его статье «Исторический перелом» (1905), в которой личность великого поэта представлена как уникальный «феномен нашей истории, нечто *причудливое и загадочное* (курсив мой. – В. О.), точно комета, сбившаяся со своих и забежавшая на чужие пути»¹⁷.

Ну, и дабы развеять последние сомнения на этот счет, можно привести высказывание В. Розанова из статьи «Домик Лермонтова в Пятигорске» (1908). В этой работе критик рассуждает о предполагаемом открытии музея в том маленьком домике, который по воле рока стал последним пристанищем гениального поэта на земле. По всей видимости, под влиянием бурных революционных событий 1905–1907 гг. В. Розанов пересматривает общую оценку творчества Лермонтова и его общественного значения. 10 лет тому назад в статье «Вечно печальная дуэль» (1898) он писал, что «в Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни, а не был сломлен хотя бы и огромный, но только побочный сук»¹⁸. Теперь же в публикации о музее, по-прежнему признавая формальное совершенство поэзии Лермонтова, он склонен придать большее общественное значение художественному наследию Пушкина и Гоголя: «Значение их больше, неизмеримо больше, нежели историческое значение Лермонтова. Ну, как у Кутузова больше значения, чем у святого “юродивого” московского времени! (Имеется в виду Василий Блаженный.) Однако Кутузову церкви не построят, а “юродивеньким” – строят. Тут – особенное. Не это, но подобное “особенное” было и у Лермонтова»¹⁹.

Эти вполне обдуманные и совершенно искренние сентенции дают нам все основания утверждать, что В. Розанов, как и большинство его современников, не понимали – еще не были в состоянии понять и оценить – то реальное значение, ту колоссальную роль, которую сыграли в истории русской общественной мысли Лермонтов и Гоголь. Это были первые и единственные подлинные романтики в России, не считая, разумеется, Ф. Тютчева, не столько завершившего историю русского романтизма, сколько подготовившего почву для его преодоления. Именно они, и в первую голову, конечно, Лермонтов, совершили эстетическую и интеллектуальную революцию в русской литературе, представив общественности высокие образцы истинно романтического искусства и романтического мышления как системы. Именно с поэзии Лермонтова в интеллектуальной истории России начинается эпоха нового мышления, требующего, с одной стороны, освобождения человека от вековечного рабства и насилия, от пут ложных убеждений и фальшивых ценностей, а с другой стороны, мышления, не

питающего особых иллюзий насчет моральных качеств самого человека в его нынешнем физическом и нравственном состоянии. И дело не только в том, что современный человек развращен проклятьем первородного греха, что он привычен к рабству и готов терпеть над собой насилие, а также применять его и самолично при любом подходящем случае, что он не верит в возможность существования правды и справедливости на земле, что он склонен воспринимать существующее как единственно возможный вариант земного существования, к которому и следует приспосабливаться самым оптимальным образом.

Гораздо трагичнее то, что человек сам по себе – крайне сложное, внутренне противоречивое существо, которое мало предсказуемо и почти не управляемо. Каждый человек в принципе – микрокосм, т.е. «космос в миниатюре». И чем более он развит интеллектуально и эмоционально, тем он сложнее и труднее управляем даже изнутри. Именно поэтому методы современной социализации и государственного управления стяры, как мир. Это – все те же приказ, принуждение, ложь и различные формы насилия, как физического, так и психологического. Они до сих пор эффективны, но уже не имеют особой перспективы в будущем, поскольку основаны на подавлении в человеке его личности. И чем эффективнее в данный момент функционируют традиционные методы управления людьми, тем более разрушительно они действуют на их психику, на внутренний мир каждого человека, приучая его к лицемерию и цинизму.

Все это мы наблюдаем и сейчас. Нет никаких сомнений в том, что новое, по сущности своей либертарианско-мышление, которое формировалось и проповедовалось Лермонтовым, в России до сих пор все никак не может стать доминирующим. Но при этом – и это уже серьезный позитивный сдвиг – в наши дни великий поэт уже не кажется большинству своих читателей ни лунатиком, ни тем более юродивым. И звучит он для нас гораздо современнее, чем Пушкин или тем более Некрасов. И, видимо, это обусловлено именно тем, что идейная борьба в России, инициированная Лермонтовым, еще далека от завершения. Его поэзия, со всей очевидностью, продолжает играть в ней свою роль, призывая людей не поступаться чувством собственного достоинства, совестью

и своим внутренним миром, даже если на кону стоят реальные материальные интересы, а то и сама жизнь.

Аналогичным образом, т.е. в несколько искаженном, а то и перевернутом виде В. Розанов рассматривает и религиозный аспект творчества Лермонтова и Гоголя. Для критика набожность этих писателей – результат исключительно их личных, как правило, детских или же отроческих впечатлений, глубоко запавших в души будущих великих мастеров слова. Эти впечатления довели над ними, обостряя их чувство вины, а то и вообще – тяжелое внутреннее ощущение собственной греховности. И связано это было с их способностью напрямую контактировать с нечистью, которая пугала их самих, одновременно завораживая и притягивая к себе. «Оба были до того испуганы этими бесстелесными явлениями, и самые явления – сколько можно судить по их писаниям – до того не отвечали привычным им с детства представлениям о религиозном, о святом, что они дали им ярлык, свидетельствующий об отвращении, негодовании: “колдун”, “демон”, “бес”. Это – только штемпель несходства с привычным или ожидаемым, или общепринятым. В “Демоне” Лермонтов, в сущности, слагает целый миф о мучащем его “господине”; да, это – миф, начало мифологии, возможность мифологии; может быть, метафизический или психологический ключ к мифологии Греции, Востока, имея который перед собою, мы можем отпереть их лабиринт. Но повторяем, имя “бес” здесь штемпель несходного, память об испуге. Ибо, что мы наблюдаем позднее? Известно, как умер Гоголь: на коленях, в молитвах, со словами друзьям и докторам: “Оставьте меня, мне хорошо!” (Об этом писал, в частности, В.А. Жуковский в письме П.А. Плетневу 5 (17) августа 1852 г.) Лермонтов созидает параллельно со своим мифом, ряд подлинных молитв, оригинальных, подлинных, не подражательных, как у Пушкина “Отцы пустынники...”* Его “Выхожу один я на дорогу”, “Когда волнуется желтеющая нива”, “Я, Матерь Божия”, наконец – одновременно с “Демоном” – “По небу полуночи” суть гимны, суть оригинальные и личные гимны. Да и вся его поэзия – или начало мифа

* Примечание: это не оценочное суждение В. Розанова, а констатация реального факта. Стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836) представляет собой поэтическое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина.

(“Мцыри”, “Дары Терека”, “Три пальмы”, “Спор”, “Сказка для детей”, неоконченные “Отрывки”), или начало гимна. Но какого? Нашего ли? Трудные вопросы.

Гимны его напряжены, страстны, тревожны и вместе воздушны, звездны. Вся его лирика в целом и каждое стихотворение порознь представляют соединение глубочайшего личного чувства, только ему исключительно принадлежащего, переживания иногда одной только минуты, но чувства сейчас же раздвигающегося в обширнейшие панорамы, как будто весь мир его обязан слушать, как будто в том, что совершается в его сердце, почему-то заинтересован весь мир. Нет поэта более космического и более личного. Но и кроме того: он – раб природы, ее страстнейший любовник, совершенно покорный ее чарам, ее властительству над собою; и как будто вместе – господин ее, то упрекающий ее, то негодующий на нее. Казалось бы, еще немного мохи – и он будет управлять природой. Он как будто знает главные и общие пружины ее... Это, пожалуй, и образует в нем вторую половину того, что называют “демонизмом”. Все знают, и он сам рассказывает, что плакал и приходил в смятение от видений “демона”; но публика безоговорочно и в нем самом чует демона. “Вас двое, и кто вас разберет, который которым владеет”²⁰.

Безусловно, часть выводов, сделанных В. Розановым насчет набожности или религиозности Лермонтова и Гоголя, точны и даже неоспоримы. Как и наблюдения по поводу их крайне странных знакомств с разной нечистью. Однако в целом картина предстает очень неопределенной и расплывчатой, словно мы рассматриваем ее со слишком близкого расстояния. С какой это стати два самых великих романтика России, вышедших из разных социальных слоев и из отдаленных друг от друга регионов огромной страны, имевших мало общего как по части воспитания и образования, так и в плане их жизненного опыта, практически одновременно и при этом независимо друг от друга вдруг заинтересовались всякой чертовщиной – ведьмами, колдунами и демонами?

Случайность? Исключено. Более того, можно утверждать, что Лермонтов и Гоголь самим временем были обречены стать участниками того религиозного возрождения, которое обусловливалось формированием романтического движения в культуре Европы первой половины XIX в. Как романтики они попросту не

могли пройти мимо проблем теодицей, волновавших всех их европейских единомышленников, не сказав своего слова по этому поводу. Тем более что оба художника крайне остро ощущали безумие и уродливость окружавшей их социальной реальности. Это и предопределило склонность как Лермонтова, так и Гоголя ощущать и осознавать зло как неизбывную вселенскую силу. Только Лермонтов в данном отношении ориентировался на своих западноевропейских предшественников: на Данте, на Сервантеса, на Лесажа, на А. де Виньи, на Гёте, на Клопштока, на Мэтьюрина, на Байрона, на Мура и, в первую очередь, как выяснилось, на Мильтона, тогда как Гоголь ограничил свой круг яркими образами чертей и ведьм из малороссийского фольклора и сказок Э.Т.А. Гофмана. Ну не были Лермонтов и Гоголь ни лунатиками, ни юродивыми, ни грешниками, нарушавшими православные догматы и этические нормы. Просто перед ними, как очередная экзистенциальная бездна, открылась вся глубина этой проблемы, от которой Просвещение либо отворачивалось, либо вообще отмахивалось, позволяя писателям — «наблюдателям» не влезать в эту умопомрачительную трясину и вполне обходить внешней видимостью явлений, упрочивая фундаментальность обывательского «материализма», механического эмпиризма и крайне узкого pragmatизма. То есть всего того, что в нашей общественной мысли до сих пор связывается с реализмом и с психическим здоровьем.

Итак, подводя итоги, можно с полным на то основанием утверждать, что, во-первых, В. Розанов практически всегда воспринимал Лермонтова поэтом, творчество которого явилось одним из высших художественных достижений как русской, так и всей мировой литературы. В связи с этим Лермонтов занимал особое место в литературной иерархии критика и философа. Во-вторых, статьи самого В. Розанова, посвященные творчеству Лермонтова, сыграли весьма заметную роль в истории русского лермонтоведения, подготавливая материалы для полной реабилитации этого не столько «проклятого», сколько оболганного, плохо прочитанного и крайне недооцененного поэта, как и для собственно научного изучения его наследия.

В связи с этим чрезвычайно важным представляется высказывание В. Розанова о том, что Лермонтов, обладая поэтическим гением, был наделен еще и необыкновенным, совершенно уни-

кальным умом (не вышедшая в свет статья «Исторический перелом», 1905, снятая из «Нового времени» уже на стадии набора)²¹. Именно это обстоятельство часто не учитывалось исследователями, что позволяло им проводить довольно поверхностный текстологический анализ, не стараясь постичь глубины и сложности лермонтовской поэтической мысли. А ведь еще А. Блок предупреждал, что поэзия Лермонтова зашифрована и что ее раскодирование потребует значительных усилий, так как для этого надо будет выявить все интертекстуальные связи каждого из его произведений со всем объемом знакомого ему литературного материала. Лермонтова часто обвиняли в plagiatе, находя в его текстах многочисленные прямые и скрытые цитаты, ссылки или реминисценции. Но это, конечно, к plagiatу не имело никакого отношения. Обладая великолепной памятью, Лермонтов весьма вольно обращался с текстами своих предшественников и современников. Он использовал их как предтексты, как контекст или же как подтекст, добиваясь таким образом фантастического лаконизма при поразительной емкости содержания своих собственных поэтических творений.

¹ Розанов В.В. О понимании. М., 1996. С. 462.

² Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2013. С. 374.

³ Спасович В.Д. Сочинения. Т. 2. Литературные очерки и портреты. СПб., 1889. С. 402–403.

⁴ Эйгес И.Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. С. 512.

⁵ Там же. С. 513.

⁶ Перцов П.П. Литературные афоризмы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. С. 215.

⁷ Андреевский С.А. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. С. 366.

⁸ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // Там же. С. 370.

⁹ Сиротин В.И. Лермонтов и христианство. М., 2014. С. 12.

¹⁰ Ключевский В.О. Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова + 15 июля 1841 г.) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. С. 304.

¹¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 312.

¹² Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. С. 371.

- ¹³ *Андреевский С.А.* Лермонтов // Указ соч. С. 368–369.
- ¹⁴ *Розанов В.В.* Лермонтов (К 60-летию кончины) // М.Ю. Лермонтов: про et contra, антология. Т. 1. С. 375.
- ¹⁵ Там же. С. 371.
- ¹⁶ Там же. С. 379–380.
- ¹⁷ *Розанов В.В.* Исторический перелом // *Розанов В.В.* Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 50.
- ¹⁸ *Розанов В.В.* Вечно печальная дуэль // *Розанов В.В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 289.
- ¹⁹ *Розанов В.В.* Домик Лермонтова в Пятигорске // *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995. С. 275.
- ²⁰ *Розанов В.В.* Лермонтов (К 60-летию кончины) // М.Ю. Лермонтов: про et contra, антология. Т. 1. С. 378–379.
- ²¹ *Розанов В.В.* Исторический перелом // *Розанов В.В.* Собр. соч. Когда начальство ушло. М., 1997. С. 53.

С.А. Шульц

К СПЕЦИФИКЕ ЖАНРА ФРАГМЕНТА У РОЗАНОВА

Аннотация. В статье показана роль жанра фрагмента с его открытостью, сознательной незавершенностью и диалогичностью в литературно-философском творчестве В.В. Розанова. Кроме того, намечены основные контуры значения для Розанова жанровой модели романтического фрагмента, а также наследия Аполлона Григорьева, В. Дильтея; прослеживается продолжение розановской традиции у М.М. Бахтина.

Ключевые слова: Розанов; Аполлон Григорьев; Дильтей; Бахтин; фрагмент; литература и философия.

Shultz S.A. To the specific of the fragment genre in Rozanov's literary and philosophical heritage

Summary. The article deals with the role of the fragment genre with its openness, intentional incompleteness, dialogics principle in V.V. Rozanov's literary and philosophical heritage. Besides the significance for Rozanov the genre model of romantic fragment, the heritage of Apollon Grigoriev, W. Dilthey, as well as a certain continuation of the Rozanov tradition in M.M. Bakhtin' legacy are concerned.

Keywords: Rozanov; Apollon Grigoriev; Dilthey; Bakhtin; fragment; literature and philosophy.

В формировании литературно-философского мышления Розанова, в функционировании самого смысла розановского текста исключительна роль принципа двойственности и парадоксальности¹. Отсюда часто кажущееся нестыкуемым разнообразие суждений Розанова. Однако жанровая форма и жанровое содержание его

текстов несколько более специфичны, чем просто следование «двойственности». Они соотнесены с фрагментарностью как многосторонне сложной, открытой, «незавершенной» и незавершимой жанровой моделью². Мысль Розанова чаще всего проявляется в виде некоего, особо отрефлексированного автором, жанра фрагмента. Все наследие писателя-философа во всей его полноте внеиерархически (фрагментарно) целостно.

Хрестоматийно известен розановский вызов литературности, который явился, что хорошо понял еще В.Б. Шкловский³, лишь переходом литературы в новое качество. Такой переход включен в более общий план модерности; один из существенных ее эпифеноменов – неразличение литературы и философии. Модерность – поиск нового, новых форм не только в культуре, но и самой жизни, не противопоставляемой модернистами творчеству⁴. Розанов – модернист, человек и автор эпохи модернизма, т.е. эпохи действительного (а не фиктивного и не симуляционного, в противоположность постмодернизму) проживания и переживания слова и самой жизни.

Главные фрагментарные книги Розанова составляют, как известно, трилогию: «Уединенное» и два «короба» «Опавших листьев». Читатель с самого начала обращает внимание даже не на вид отрывочных записей, а на сопровождающие их пометки: «за утрен. чаем» (слово «утренним» дано автором в намеренном – «домашнем», «обиходном» – сокращении), «смотря на небо в саду», «за корректурой», «лет восемь назад в саду»⁵ и т.д. Пометки фиксируют нарочитую, «подстроенную» случайность записей и самих отображеных в них идей. Отсутствие же у ряда записей подобных маркеров лишь подчеркивает все ту же случайность (вплоть до необязательности, т.е. вообще до аннулирования принципа фиксации сопутствующих обстоятельств места или времени).

Поскольку случайность специально выдвинута (также и в виде минус-приема как отсутствия маркера обстоятельств создания), она обращается к своей неслучайной основе в жизненном и в историческом мире. Словно само бытие говорит через уста Розанова в его сиюминутных заметках, а автор выступает сиюминутным медиумом так понятого бытия. «Случайность» записей приводит к акцентированию прежде всего авторской субъективности и субъективности самого высказывания. Субъективность не имеет

ничего общего с субъективизмом (т.е. неким искажением). Первая – ответственный акт индивидуации «я» и восприятия «я» мира, тем самым индивидуации самого мира, его приближения к человеку, его освоения, приручения и понимания (в герменевтическом значении). Еще Гегель выдвигал субъективность на первый план в деле постижения действительности и в деле конституирования адекватного места человека в мире (для каждого человека – единственно адекватного именно ему самому места), т.е. в деле самоконституирования человека⁶.

Показательна уже начальная запись Розанова в первом коробе «Опавших листьев»: «Я думал, что все бессмертно. И пел песни. Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла» (с. 277). Уже тут ощущим эсхатологический пафос – пафос конца истории и – видимо, невольно – заката империи. Розанов рассуждает в приведенной цитате вроде бы только о себе, о фактах своей личной истории, но у мыслителей подобного масштаба личное неотделимо от общего, своя судьба – от судеб страны. Использование оборота «пел песни», с одной стороны, отсылает к архаике сказительства, почти ворожбы устного рассказывания некоего «предания», «эпопеи». С другой стороны, употребление слова «я» переводит потенциальное рассказывание «предания» уже в сугубо личный регистр. Как автор эпохи модерна, Розанов выносит на суд публики подчеркнуто индивидуальные переживания и осмысления, полностью понимая, что через свою личную субъективность он фокусирует нечто общезначимое.

Прямое значение розановских высказываний почти не играет никакой роли, почти не несет никакой содержательной нагрузки. Именно в этом аспекте сделано замечание А.Д. Синявского: «Строго говоря, это книга из мусорной корзины. Книга без замысла, без предварительного сюжета, без идеи»⁷. Зато имеет значение и смысл *косвенное* наполнение фрагментов: стихия жизни выходит из берегов и говорит от себя и сама за себя в акте отдельного личного существования. Основа каждого розановского фрагмента – определенный «эмоционально-волевой тон» (термин М.М. Бахтина), т.е. нечто окрашенное в тона личной оценки, личной эмпатии или, напротив, антипатии. В розановских фрагментах свидетельствует о себе не столько «живущее настоящее» (термин Э. Гуссерля), сколько живущий исторический мир в его конкретном движении.

Движение розановского эмоционально-волевого тона – не линейное и не спиралевидное, а зигзагообразное, постоянно взаимообратимое, постоянно меняющее маршруты и отправные точки своего хода.

Какое разительное несходство у Розанова с Ф. Ницше, который через якобы афористично-фрагментарную форму «философствовал молотом», вдалбливая неофитам взамен одного морализма – другой, вместо одних условных и неабсолютных ценностей – про-дуктированные самим же Ф. Ницше ценности, призывая всех воспринять их в качестве уже якобы безусловных и практически абсолютных. Едва ли Ницше хоть когда-нибудь в самом деле ощущал порыв стихии жизни (к которой он якобы апеллировал⁸). Ницше ощущал лишь собственный солипсизм и свою теоманию. Розанов – ни в коей мере не «русский Ницше». Розанов имеет вес только и именно как Розанов. Из всех русских мыслителей он – среди первых (как и М.М. Бахтин).

Нельзя не соотнести розановскую фрагментарность с его «консервативной карнавализацией», подмеченной Г.Д. Гачевым⁹: такая черта, в том числе в ответственной («консервативной») смене Розановым авторских масок и авторских амплуа («образов автора»), а с учетом дионаисийских корней карнавала¹⁰ – в театрализованном представлении Розановым себя как «разделенного Диониса», божества трагедии и ее скрытого героя.

Иначе говоря, Розанов воплощает трагедийное свершение все длящейся жизни, имеющее при этом христианский смысл. На основании именно деления, временения жизни неизбежен отсроченный финал розановской «консервативной карнавализации», отсроченный в «последние времена», в «грядущий век» – катарсис. Итоговые сочинения Розанова, прежде всего «Апокалипсис нашего времени», снимают покров с христианизированной трагедийности. Стала ли последняя для Розанова мистерией? Дошла ли до порога преображения мира? Вопрос остается открытым.

В «Уединенном» Розанов непосредственно сравнивает собственный акт письма с работой самой жизни: «Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полуысли, получувствия... С давнего времени мне эти “нечаянные восклицания” почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но

их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, – и они умирают. Потом ни за что не припомнешь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать» (с. 195).

«Опавшие листья» своих заметок Розанов сравнивает и уравнивает с опавшей листвой. Тем самым отождествляется природная жизнь и жизнь человеческого мышления / сознания. Кроме того, через углубление Розанова в устройство самого процесса мышления, в акт рождения мысли – т.е. во внутреннюю речь, включающую помимо слов (и «обрывков» слов) также и эмоции, мечты, планы, фантазии...¹¹ – отождествляются внутренний и внешний смысл жизненного и исторического мира, т.е. совершается переход в символ. Наконец Розанов выдвигает постоянную процессуальность, изменчивость, подвижность, «живость» собственных слов и мыслей; пожалуй, точнее сказать: слово-мыслей¹², чем будет подчеркнуто в розановском самосознавающем акте письма своего рода совпадающее несовпадение (парадокс, двойственность...) «бытия» и «становления»: неподвижного и движущегося.

Иногда розановские записи называют «миниатюрами», «собранными в цикл»¹³. Но наименование «миниатюра» довольно размыто и указывает скорее на эссеистический момент. Иногда в отношении Розанова употребляют термин «афоризм»¹⁴, хотя афоризм – нечто монологическое и замкнутое на себя; фрагмент же – нарочито не завершен и незавершيم, в этом его всегда актуальная диалогичность.

Когда П.Е. Фокин, с учетом интереса Розанова к коллекционированию монет как занятию своего рода метафизическому, предлагает всю жанровую многогранность писателя-философа рассматривать в виде своего рода «коллекции»¹⁵, тут есть зерно истины. Однако само обозначение «коллекция» необходимо прочитать прежде всего в виде сознательного набора «отрывков», «обломков» или даже, употребим удачный термин Р. Рорти, «кусков». Р. Рорти противопоставил «куски» узкорационалистическому навязыванию однозначных схем осознавания чего-либо¹⁶.

В.Б. Шкловским отмечено, что пассажи розановской трилогии нередко представляют собой словно бы целые статьи, целые рецензии и т.п.¹⁷ Заметим, что это не лишает подобные пассажи статуса фрагментарности. Осмысление этого позволяет обнару-

жить в записях качество раскrepощенного «наброска», «эскиза», где слова и идеи не претендуют ни на какую абсолютность, никому не навязываются, что лишь увеличивает читательское доверие к ним. Такая свобода протекания мысли соответствует свободе протекания жизни и истории. Сам Розанов отдает себе в этом отчет.

Кроме того, В.Б. Шкловский, предвосхищая образ-понятие «кусков» Р. Рорти, расценил специфику нарочитой розановской фрагментарности в развернутых метафорах торжества словно распадающихся «деталей»: «Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины.

- Что это? – ремонт мостовой?
- Нет, это “сочинения Розанова”.

И по железным рельсам несется уверенно трамвай»¹⁸.

В.Б. Шкловскому же принадлежит оценка трилогии как своего рода романа: «“Три книги” Розанова представляют из себя некоторое композиционное единство типа романов, но без связывающей части мотивировки»¹⁹. В процитированном резюме преобладают, однако, механистические элементы: оценивается не столько смысл и не столько содержательные взаимоотношения частей, сколько некие конструкции: «композиция», «мотивировки»... Вместе с тем обозначение трилогии как «романа» убедительно.

Поскольку главный интерес Розанова – мышление / сознание и самосознание в их сиюминутности, то уточняющим станет именование трилогии «романом сознания». Термин «роман сознания» предложен С.И. Пискуновой по аналогии с родственными терминами «роман потока сознания», «роман самосознания», «роман, сознающий себя» и т.п.²⁰ Исследовательница считает, что «главным предметом изображения» в этой жанровой модели является «сознание (персонажа. – С.Ш.), (а на этом срезе бытия мир “внешний” и мир “внутренний” – нерасчленимое единство), а также сознание автора, не противостоящего своим героям»; «Герой “романа сознания” в конечном счете подчинен не “миру”, а иной, высшей, “воле” – воле к самосознанию, к свободе, к бессмертию»²¹.

Розановский «роман сознания» имеет значение прежде всего самоосознанного творческого эксперимента автора, результат которого непредсказуем в каких-то конкретностях, но неизменно и уверенно ожидаем как приращение смыслов, приращение само-

понимания и понимания мира как мира других с их собственными «проектами» бытия, собственными неповторимыми субъективностями²².

Среди предшественников розановской модели жанра фрагмента – романтический фрагмент йенской школы. Подобно ее представителям, Розанов фактически не различал литературу и философию, отсюда весь его панфилософизм и вся его панлитературность, которые в его творчестве невозможно отделить и даже просто отличить друг от друга.

В России продолжателями йенцев в аспекте «несвязанности» (свободы) письма были Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, Ф.И. Тютчев, Н.В. Гоголь и др. Розанов в качестве автора герменевтического трактата «О понимании» вполне осознавал свою преемственность по отношению к романтизму и романтическому фрагменту, «одомашнив» последний, придав ему вид разговора не в кабинете.

Необходимо определить розановскую преемственность по отношению к наследнику и исследователю романтизма В. Дильтею, сделавшему «понимание» одним из основных концептов своего метаязыка. «Описательная психология» Дильтея ставит в центр внимания исследование индивидуальных переживаний (и «проживаний») внутреннего «я», в том числе через слово. Центральная категория для Дильтея – жизнь. Он видел ее только в развитии, сложном нелинейном движении и вместе с тем в ее индивидуальной неповторимости, связав ее с изменчивой конфигурацией исторического мира.

Один из незамеченных русских предшественников и аналогов Дильтея, а также Розанова – «последний романтик» Аполлон Григорьев²³. Григорьев – автор гениальной концепции «органической критики», предполагающей онтологическую корреляцию между искусством и его прочтением критиком-философом, берущим основание из самого жизненно-исторического потока. В.Н. Ильин прозорливо увидел в Григорьеве «страдающего русского Диониса», который возвестил «истину о взрыве творческих и жизненных сил»²⁴, т.е. поставил во главу угла непосредственно жизнь, «льющуюся через край».

Среди непосредственных наследников Григорьева и Розанова – М.М. Бахтин²⁵. Факт такого наследования не менее важен, чем

часто отмечающиеся воздействия на Бахтина, например, И. Канта или феноменологии. Бахтин уже в первой опубликованной работе моделировал установление корреляций между разными сферами существования личности (искусством, наукой, жизнью), что является, безусловно, модерным моментом. В своей поздней формуле о предмете гуманитарных наук как «выразительном и говорящем бытии»²⁶ Бахтин выскажет идею о порождении творчества самим бытием и о том, что в этом «говорящем» порождении-продолжении бытие все остается собою и понимает в нем само себя.

«Необязательности», «импрессионистичности» розановских описаний того или иного предмета корреспондирует пристрастие Бахтина к многообразному варьированию терминов, к метафорическим уподоблениям как способу избежать догматизации и схематизма, попытке «оживить» определяемый объект. Заданная Бахтиным «инонаучность» и «постнаучность» – то актуальное на сегодня качество гуманитарной сферы, которое предвосхищено также Розановым.

Бахтин часто (особенно в поздний период) излагал свои взгляды «фрагментами» – не только в буквальном значении: его цельные книги (включая работы, выпущенные под другими фамилиями) также представляют собой своеобразные «отрывки». Эти «отрывки» словно вырваны из обширного контекста «невыразимого», «несказанного» – контекста всего того, что Бахтин не до конца проговорил не только в силу обстоятельств эпохи, но и в силу имманентных причин: презумпции первенства для него жизни. В случае Бахтина это «невыразимое» также включает подразумеваемую целостную концепцию философии литературы и культуры (которая у него, несомненно, была), а также не всегда артикулированные им отсылки к предшественникам в сфере мысли, в том числе к авторам Серебряного века.

¹ См.: Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001.

² См. о наполнении принципа фрагментарности, например, в работах: Франк М. Аллегория, остроумие, фрагмент, ирония. Ф. Шлегель и идея разорванного «Я» // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб., 2001. С. 291–313; Гринлиф М. Пушкин и романтическая мода. Фраг-

- мент. Элегия. Ориентализм. Ирония / Пер. с англ. СПб., 2006; *Зейферт Е.И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Отрывок*. М., 2014.
- ³ Шкловский В.Б. Розанов // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 120–139.
- ⁴ Ю. Хабермас показал мощное присутствие модерна не только в искусстве, но и в философии: *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. 2-е изд. / Пер. с нем. М., 2008.*
- ⁵ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 277, 278, 280, 282. Далее все ссылки на тексты Розанова по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках в основном тексте.
- ⁶ Быкова М. Проблема субъективности у Гегеля // Логос. 1992. № 3. С. 190–207.
- ⁷ Синявский А.Д. Преодоление литературы // Наше наследие. 1989. № 1. С. 85.
- ⁸ Исключением из этого ряда выступает только его ранняя книга «Рождение трагедии из духа музыки».
- ⁹ Гачев Г.Д. Карнавализация у В.В. Розанова // История мысли: Русская мыслительная традиция. Вып. 4 / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2007.
- ¹⁰ См.: Szilárd L. A karneválelmélet. Vjacseszlav Ivanovtól Mihail Bahtyinig. Budapest: Tankönyvkiadó, 1989.
- ¹¹ Именно такие свойства отмечал во внутренней речи наследник русской культуры Серебряного века М.М. Бахтин: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-Пресс Ltd., 1995.
- ¹² У Г.Д. Гачева – сходный термин «жизнемысли», см., например, его книгу с одноименным заглавием (М., 1989).
- ¹³ Грюбель Р. Автор как противо-герой и противо-образ: Метонимия письма и видение конца искусства у В. Розанова // Автор и текст. СПб., 1996. С. 359.
- ¹⁴ Сопоставляя Розанова с Л.И. Шестовым, О.Н. Кулишкина заметила: «Шестов и Розанов <...> открыто утверждают афористику в качестве единственно возможной для них формы литературного творчества»: Кулишкина О.Н. Л. Шестов: афоризм как форма «творчества из ничего» // Русская литература. 2003. № 1. С. 49–67.
- ¹⁵ Фокин П.Е. Розанов-коллекционер: К вопросу о жанровом своеобразии «Уединенного» и «Опавших листьев» // Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008. С. 471–478.
- ¹⁶ Рорти Р. Тексты и куски // Логос. 1996. № 8. С. 173–189. (пер. с англ.).
- ¹⁷ Шкловский В.Б. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁸ Там же. С. 139.
- ¹⁹ Там же. С. 132.
- ²⁰ Пискунова С.И. От Пушкина до «Пушкинского Дома». Очерки исторической поэтики русского романа. М., 2013. С. 213.
- ²¹ Там же. С. 215, 227.
- ²² Здесь нельзя, в частности, не отметить, что нередкие внешне резкие реплики Розанова в адрес отдельных народов никогда не направлены против этих народов по существу, тем более не направлены против их существования.

В соответствии со своей «дополиткорректной» эпохой Розанов пытается ментально моделировать некие национальные типажи, некий их национальный колорит, их особенности, притом автор всегда пытается личностро, по-своему понять представителей того или иного народа.

- ²³ Подробнее см.: *Шульц С.А.* Гоголь – Аполлон Григорьев – Дильтей // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2013. С. 272–279.
- ²⁴ *Ильин В.Н.* Аполлон Григорьев, страдающий русский Дионис // *Ильин В.Н.* Вавилон и Иерусалим. Демоническое и святое в русской литературе. СПб., 2011. С. 474.
- ²⁵ Н.Д. Тамарченко сблизил Розанова и Бахтина в качестве якобы противников христианства: *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М., 2011. С. 309. Нельзя не возразить: оба автора могли сформироваться только в условиях христианской культуры, идеи и принципы которой они транслировали и переосмысливали.
- ²⁶ *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 3.

И.В. Логвинова

**РОЗАНОВ, В. ПРОТЕЙКИНСКИЙ И ИУДАИЗМ:
(К вопросу об источниках еврейской темы
у Розанова)***

Аннотация. Статья посвящена вопросу о предполагаемом авторстве книги «Автобиография православного еврея» С.И. Цейхенштейна, которая повлияла на отношение В.В. Розанова к иудаизму и евреям. Рассматриваются возможные варианты. Автор статьи предполагает, что составителем и автором вступительной части является сын С.И. Цейхенштейна, писатель и журналист П.С. Цейхенштейн.

Ключевые слова: В.В. Розанов; П.С. Цейхенштейн; С.И. Цейхенштейн; иудаизм; Талмуд; русская литература.

Logvinova I.V. Rozanov, V. Proteykinsky and Judaism: (To the sources of Judaic theme in Rozanov)

Summary. The article is devoted to the question of the alleged authorship of the book «Authobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenshtein, which is influenced by the ratio of Rozanov to Judaism and Jews. Possible options are considered. The author assumes that the compiler and author of introductory parts is writer and journalist P.S. Zeichenshtein, a son of S.I. Zeichenshtein.

Keywords: V.V. Rozanov; P.S. Zeichenshtein; S.I. Zeichenshtein; Judaism; Talmud; Russian literature.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00184 «Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Дополнение. “Записки С. Цейхенштейна” с пояснениями В.В. Розанова».

Книгу «Записки С.И. Цейхенштейна» В.В. Розанов планировал включить в свое Полное собрание сочинений в 50 томах, в 50-й том «Литературные изгнанники». И ценность ее в том, что комментарии, сделанные на полях В.В. Розановым, дают новый, интересный для науки материал к изучению его наследия. В частности, этот материал многое проясняет в вопросе об антисемитизме В.В. Розанова.

Обращая внимание на то, что В.В. Розанов «пишет дурно о евреях»¹, важно отметить, что он это делает в силу отсутствия адекватной о них информации. Он получал противоречивую и не всегда проверенную информацию о еврейских религии и быте.

В «Электронной еврейской энциклопедии» В.В. Розанову посвящена статья, в которой, в частности, сказано: «В творчестве Розанова еврейская тема занимала исключительно важное место. Она была связана с самыми основами мироощущения Розанова – с его мистическим пансексуализмом, религиозным поклонением животворящей силе пола, утверждением святости брака и деторождения. Отрицая христианский аскетизм, монашество и безбрачие, Розанов находил религиозное освящение пола, семьи, зачатия и рождения в Ветхом Завете. Вся еврейская религия в глазах Розанова представляла как религия святого пола, святого семени. Выражением этой неразрывной связи пола с Богом было для Розанова таинство обрезания (см. пространную статью Розанова “Юдаизм”, журнал “Новый путь”, № 7–12, 1903). Розанов жадно интересовался теми сторонами еврейской религии, в которых он усматривал освящение половой жизни, в частности обрядом омовения в микве. Описание этого обряда было сокращено цензурой в первом издании его книги “Уединенное” (1912) и восстановлено во втором издании (1916). Иудаизм казался Розанову одним из древневосточных культов плодородия, близким к египетскому культу животворящего Солнца. Первый набросок своего “культта Солнца”, в котором воедино слиты религия, пол и семья, Розанов дал в сборнике статей “В мире неясного и нерешенного” (1901). В книге “Библейская поэзия” (1912) Розанов восторженно писал о призываии еврейского народа, для которого Бог создал мир. <...> В обеих частях книги Розанова “Опавшие листья” (“Короб первый”, 1913; “Короб второй”, 1915) рассеяны многочисленные высказывания о евреях – иногда восторженные, но гораздо чаще исполненные

враждебности и страха перед пагубным влиянием евреев на русскую жизнь. <...> Соединение восторженных гимнов библейскому иудаизму с яростной проповедью антисемитизма навлекло на Розанова обвинения в двурушничестве и беспринципности. За свои статьи о деле Бейлиса Розанов был исключен из Религиозно-философского общества (1913). Презрение к “идеалам”, готовность писать статьи прямо противоположного направления явились лишь внешним проявлением глубокой противоречивости всего мироощущения Розанова, в котором страстная любовь к плотскому, жизненному началу, отталкивавшая его от христианства, соседствовала с боязнью и нежеланием решительно порвать с этой религией. Бунт Розанова против христианства, при всей его дерзости, все же непоследователен...»² Как мы увидим из розановских комментариев к тексту рукописи, а также из его статьи «Замечательная еврейская песнь», в которой он пересказывает заинтересовавшие его фрагменты этого текста, интерес его к еврейской теме был более чем избирательным.

Ближайшее рассмотрение рукописи С.И. Цейхенштейна обнаруживает много интересных деталей. Во-первых, сам этот документ как будто не написан, а составлен из текстов, написанных несколькими людьми, или собранных составителем из разных источников. Возможно, в основе его лежат дневниковые или иные записки человека, близко знакомого с бытом и культурой польского еврейства середины XIX в. Тут можно сослаться на мнение А. Бурьяка: «Особая злобность и вредность еврея – это традиционная иллюзия. Еврей вряд ли намного более злобен и вреден, чем разные другие имперцы. Он всего лишь злобен и вреден по-своему. Антисемит судит о злобности евреев по тем евреям, с которыми воюет, а также по еврейским экстремистам, отсюда и возникает представление о еврейском страшилище. Талмудические гадости в отношении “гоев” – это средневековая писаница обитателей гетто, реакция на тогдашние правовые ограничения, на обвинения в отравительстве и пр. Надо же было евреям чем-то себя утешать. Не следует принимать эксцессы за суть. Еврей – в основном такой, каким ты его делаешь своим к нему отношением. “По Талмуду” живет не больше евреев, чем русских – по “Новому Завету”. Как русским не нравится, когда их называют нацией рабов, так евреям не нравится, когда их называют нацией кровососов. По

тем же причинам...»³ Однако «Записки С.И. Цейхенштейна» не являются обычной антисемитской литературой. Ее автор-составитель преследовал цель познакомить не знакомого с иудаизмом русского читателя с еврейским бытом и традициями. При этом его нападки на Талмуд и зловонность «мыквы» не выглядят очень агрессивными, поскольку вся книга написана с юмором и читается как увлекательный роман.

Во-вторых, стиль переводов рассказов и преданий из Талмуда очень напоминает почерк Петра Семеновича Цейхенштейна (1857–?), который с 1883 г. печатался в газете «Астраханский листок», а также «Астраханский Вестник», «Суфлер», «Гудок», был обозревателем газеты «Театр». В творческом наследии этого писателя и журналиста значатся две книги: прозаический сборник «Маленькие труженики» (Астрахань, 1897; Казань, 1896) и легенда о Разине в поэтическом изложении «Клад Стеньки Разина» (Астрахань, 1895). Кроме того, у П.С. Цейхенштейна была «Типография П.С. Цейхенштейна, в доме Я.И. Комова на Белогородской улице», в которой, в частности, выходили такие книги, как «Архиереи Астраханской епархии за 300 лет ее существования с 1602 до 1902 года» М. Благонравова (Астрахань, 1902); Благонравов М.Д. Примерные уроки и планы уроков по Закону Божию для законоучителей начальных школ (Астрахань, 1902) и др. В-третьих, псевдонимы этого писателя свидетельствуют о его артистизме и способности к литературным мистификациям: Гудок, Дон-Педро, Комар, Муха, Не-Крылов, Пеце, Пошехонец, Совсем не я. В качестве примера авторского стиля П.С. Цейхенштейна приведем один из фрагментов его рассказа о маленьком подмастерье из книги «Маленькие труженики»: «Нет, уж не везет, так не везет! Надо же быть греху: самую лучшую хозяйственную тарелку разбил... И как это?! Всю посуду перемыл – и хоть бы что, а вот тебе на последней и вышла закорючка... Хорошо еще сами не видели (хозяевам всегда, говорят, нужно после обеда отдохнуть), а то бы беда!.. И то кроме калача ничего стащить не довелось... Ладно же!.. Что ты еще тут пишишь, клоп, – толкает Васька озлобленно, оставленного на его присмотр ползающего ребенка. – Такой же будешь, как и тянька твой, заграницный! Эх вы, заграницные!.. С голоду морить... Ребенок немилосердно ревет, тараща и рученки, и глазенки к Ваське,

а тот стоит над разбитой тарелкой на рубеже нового наказания и предчувствуя новую беду, так как день такой уже задался!..»⁴

В «Записках С.И. Цейхенштейна» упоминаются все потенциальные авторы и редакторы этой рукописи: «Но не оставил я эту мысль потому именно, что нашлись добрые люди – и не маленькие, – которые соучаstливо относились к моему сочинению и поощряли меня не падать духом и энергично продолжать начатое, предсказывая притом блестящий успех в скором будущем. В числе этих компетентных лиц могу указать на двух наших, Астраханских, архиереев, Хрисанфа (ныне покойный) и Феогноста, которые, оба, в разные времена, удостоили мое сочинение прочтением и весьма одобрили его, указав все-таки притом на некоторые существенные в нем недостатки, советуя постараться устраниить их, недостатки-то». В.В. Розанов в одном из примечаний к рукописи пишет: «...сошлюсь на имя рассказчика, В.П. Протейкинского, человека здесь живущего и довольно известного в литературных кругах». О нем известно также из книги А. Бенуа «Мои воспоминания. Книга вторая» (глава 34): «Моя дружба с этим совершенно первостатейным чудаком длилась всего один десяток лет, а затем наши пути окончательно разошлись, и я продолжал встречаться с ним крайне редко. А был Висенька, иначе говоря Виктор Петрович Протейкинский, дальним родственником не то Философовых, не то Дягилевых, и одно время несменным завсегдатаем наших сборищ в квартире родителей Философа или у Сережи, а затем и в редакции «Мира искусства». <...> О внешности Висеньки можно судить по необычайно схожему литографическому портрету Бакста. (Этот портрет помещен, среди десятка других оригинальных литографий, в альбоме, изданном «Миром искусства» (Альбом «15 литографий русских художников». Издание журнала «Мир искусства». СПб., 1900). Может быть (я теперь не помню) и Серов сделал с него литографированный портрет.) Глядя на это изображение, можно подумать, что художник представил тип в стиле Кнауса или Владимира Маковского, изображающий какого-либо провинциального актера или «отставного учителя». Однако представлен здесь подлинный Виктор Петрович, и представлен без всякой утрировки – таким, каким он был в жизни». Жил он не в Астрахани, а в Петербурге («Мир искусства» – ежемесячный иллюстрированный художественный журнал, выходил в Петер-

бурге с 1898 по 1904 г.). В.В. Розанов пишет о Протейкинском в статье «Анна Павловна Философова»: «Вы удивляетесь, что я называю “Виктора Петровича” без фамилии. Но в Петербурге немногие знают его фамилию, никто решительно не знает его адреса и жилища, и все решительно знают “Виктора Петровича”, иногда переименовываемого в дружеское “Виктор” и в любовное “Ви-сенька”... Как-то раз в разговоре со мною известный наш живописец, историк живописи и журналист А.Н. Бенуа назвал его “одною из самых достопримечательных личностей теперешнего Петербурга”, и мне кажется, что это так. Никто не знает не только адреса и жилища этого “Виктора Петровича”, но никто не знает и лет его, а все его помнят, и уже давно помнят, – все равного, все не усталого, всем занятого, всем интересующегося, все или очень много молчавшего. Катехизические свойства “существа Божия” – вездесущие, всеведение, всемогущество – до изумительности соединены в этом “образе и подобии Божием”, которое я, грешный человек, много раз порывался определить в уме своем как “колдуна”, и только останавливалася меня постоянная доброта, постоянная ласковость, постоянная филантропия этого “Виктора Петровича”...» (Русское Слово. 1909. 17 февр. № 38). Есть еще одно свидетельство (Лукьянов С.М. Запись бесед с Э.Э. Ухтомским // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 393–402. Вып. II–III): ««О Протейкинском слухи ходили всякие, часто недоброжелательные. В чем тут правда – судить трудно. Кажется, по происхождению он из духовного сословия, сын дьякона. <...> Протейкинский Виктор Петрович, член Религиозно-философского общества, поклонник Вл.С. Соловьева (о нем см.: Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн. 4–5. М., 1980. С. 280–285)».

Можно предположить, что П.С. Цейхенштейн, будучи сыном крещеного еврея И.С. Цейхенштейна, каким-то образом был знаком с В.П. Протейкинским, через отца Хрисанфа, который с 8 января 1869 г. был ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. Об отце Хрисанфе имеются сведения, что он обладал художественным талантом и знал несколько новых и древних языков. Возможно, что П.С. Цейхенштейн, отец Хрисанф и В.П. Протейкинский собирались опубликовать «Записки С.И. Цейхенштейна» в типографии П.С. Цейхенштейна, но потом передумали, потому

что хотели, чтобы книга получила всероссийскую известность. Поэтому они решили, вероятно, послать ее в какое-нибудь центральное солидное издательство, например предложить ее А.С. Суворину в газету «Новое время», в которой печатался В.В. Розанов. По-видимому, В.П. Протейкинский, у которого были связи с отцом Хрисанфом, отредактировал рукопись книги и через П.С. Цейхенштейна из Астрахани послал ее В.В. Розанову, с которым давно дружил и знал о его интересе к еврейской теме. Лично ни с С.И. Цейхенштейном, ни с П.С. Цейхенштейном В.В. Розанов не встречался, он только читал и собирался опубликовать рукопись, ничего не подозревая. Во времена В.В. Розанова появился перевод Талмуда на русский язык, выполненный Переферковичем. Однако проверять по нему «тальмудические места» философ не стал. Что-то, однако, помешало ему издать, как он намеревался, рукопись Цейхенштейна в составе своего собрания сочинений.

Вопрос об источниках розановских сведений по иудаизму упирается, таким образом, в авторство текста «Записок С.И. Цейхенштейна». Мы предполагаем, что текст составлен Петром Семеновичем Цейхенштейном, не без участия В.П. Протейкинского и отца Хрисанфа.

¹ Николюкин А.Н. К вопросу о мифологеме национального в творчестве В.В. Розанова // Розанов В.В. Собрание сочинений. Сахарна / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1998. С. 415.

² <https://eleven.co.il/jews-of-russia/government-society-jews/13552/>

³ Бурьяк А. Империя евреев (Наброски) // http://samlib.ru/b/burxjak_a_w/ej.shtml#5

⁴ Цейхенштейн П.С. Маленькие труженики. Казань, 1896. С. 29.

И.С. Ревяков

**РОЗАНОВ КАК РЕДАКТОР
«АВТОБИОГРАФИИ ПРАВОСЛАВНОГО ЕВРЕЯ»
С.И. ЦЕЙХЕНШТЕЙНА***

Аннотация. В статье речь идет о книге, которую В.В. Розанов редактировал и собирался включить в последний том своего собрания сочинений. Это книга «Автобиография православного еврея» С.И. Цейхенштейна. Рассматриваются поэтика и стиль этой книги.

Ключевые слова: В.В. Розанов; С.И. Цейхенштейн; русская литература; иудаизм.

Revakov I.S. Rozanov as editor of the book, «Autobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenshtein

Summary. The article deals with the book that V.V. Rozanov edited and was going to include in the last volume of his collected works. That is «Autobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenshtein. The poetics and style of this book is considered.

Keywords: V.V. Rozanov; S.I., Zeichenshtein; Russian literature; Judaism.

«Автобиография православного еврея» С.И. Цейхенштейна – явление в своем роде уникальное. Уникальность этого явления определяется некоторыми особенностями.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00184 «Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Дополнение. “Записки С. Цейхенштейна” с пояснениями В.В. Розанова».

Во-первых, это издание было подготовлено к печати В.В. Розановым, который ознакомился с книгой в рукописи, и она произвела на него сильное впечатление, настолько сильное, что именно рукопись этого произведения явилась одним из первоисточников для его книги «Юдаизм», поскольку, по словам В.В. Розанова, именно «добрейший Цейхенштейн для меня и был авторитетнее всяких ученых: ибо говорит об *обычаях*, что *есть*: и это ценнее всяких объяснений»¹.

Во-вторых, сам В.В. Розанов не надеялся на то, что эта рукопись, при всем своем интереснейшем содержании, будет когда-нибудь издана: «В моих руках интересная рукописная книга: «Автобиография православного еврея». С приложением: Букет, или Перевод талмудических рассказов, анекдотов и легенд; таковых же и других еврейских авторитетных книг, – сочинение Семена Ильича Цейхенштейна, в лист формата, страниц 296–192, написанная евреем, перешедшим в православие в 40–50-х годах, исполненная ума и наблюдательности, и написанная по совету местных епархиальных астраханских владык Хрисанфа и Феогноста. Автор подробно рассказывает житье-бытье своих родителей; и вообще тут много *быта* и *подробностей*, осуждаемых автором, но рассказываемых им, местами вызывающих негодование, или смех, но не утаиваемых. Автор болит душой; нельзя не почувствовать, что это глубоко несчастный, запутавшийся душою человек, не понявший *обоих* морей, в которых он плыл в разные половины своей жизни. Так как книга эта, вероятно, никогда не увидит свет печати, то, по братству человеческому, не можем отказать себе в удовольствии привести здесь одну (187–188) страницу, как-то попутно вырвавшуюся у него *о себе, о русских евреях*»².

И вот здесь возникает один из множества парадоксов, связанных с предлагаемой читателю книгой. Сам Розанов был весьма внимательным и проницательным читателем. И вот этот проницательный читатель говорит, что автор, по сути дела, не понял ни иудаизма, ни православия, и вместе с тем автор этот явился «авторитетнее всяких ученых».

Второй парадокс заключается в том, что, не надеясь на то, что рукопись будет издана, Розанов тем не менее готовит ее к изданию, выступая не просто в роли редактора, но интерпретатора и даже текстолога.

С чем же связан такой пристальный интерес Розанова к книге? По всей вероятности, с тем, что, во-первых, эта книга написана евреем, перешедшим из иудаизма в христианство, т.е. человеком, приобщившимся к двум религиозным традициям (или «обоим морям», по образному выражению Розанова); во-вторых, эта книга написана евреем, а к евреям Розанов испытывал какое-то особое «пристрастие и любопытство» (по воспоминаниям А.М. Ремизова, «проще всего привести к Розанову еврея. Спросиши по телефону, назовешь – никогда не откажет: какое-то особенное пристрастие и любопытство к евреям. И весь вечер проговорит. И уж, конечно, ни с кем не спутает»³).

Книга, как следует из ее названия, по своей жанровой принадлежности относится к автобиографическому жанру.

Автобиография исторически (в христианской традиции), как известно, является разновидностью жанра исповеди, весьма популярного в европейской литературной традиции, начиная с Августина Блаженного. И первое, что обращает на себя внимание в композиции текста книги С.И. Цейхенштейна, – это ее смысловая нагрузка. Не мудрствуя лукаво, обратимся к плану книги, представленному на ее первых страницах:

«Для редактора и типографии:	
возможные разделения книги для №№ журнала: страницы:	
1–19. История крещения автора.	19
20–33. Цель книги – ознакомить с бытом талмудистов	
и натурой его; характеристика Талмуда.	14
34–48. Трогательные рассказы о деде и об отце (быт	
и психология <i>гетто</i>).	15
48–69. [Моя жизнь в доме отца (быт)] День и неделя	
благочестивого талмудиста.	21
70–90. [Моя жизнь в доме отца] Продолжение.	20
91–116. Талмудические образы, молитвы и воззрения.	26
116–154. Талмудическое обучение, нравы школ	
(еврейская бурса).	38
154–182. Религиозное разделение евреев.	
Секта хосидов.	28
182–206. Еще о хосидах.	24

206–221. Еще о хосидах. – Поступление автора в эту секту.	15
222–253. Год “тар” (1840) и ожидание.	31
254–296. Пасха у евреев.	42» ⁴ .

Согласно приведенному содержанию, книга начинается с крещения главного героя, его перехода в христианство, а завершается описанием иудейского праздника Пасхи, во время которого, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос, после чего Он воскрес.

На содержательно-символическом уровне такая композиционная структура текста предполагает, так сказать, «движение вспять»: от своего рода воскрешения души к ее распятию, к ее смерти, представляя, таким образом, своего рода самоотчет-исповедь (снова обратимся к Розанову, который в одной из своих статей характеризует данную автобиографию следующим образом: «Автор книги, как рассказывает он сам в ней, сбежал в православие, решительно угнетенный талмудическим благочестием своего отца; но сбежал, пройдя всю возможную премудрость раввинских школ старого закона. <...> Тон рассказа необыкновенно чистосердечен, как в общем, так и во множестве частностей. Автор рисует картину юдаизма, почти варшавско-венско-виленского гетто, как невероятную духоту непонятных для него мелочностей, суеверий, фанатизма, которая не рассеется, пока в нее не брызнет свет извне. Он – местами юморист; можно сказать, что он нигде не лжет (не чувствуется этого в тоне) и сплетает свою биографию с любопытнейшими, для него, очевидно абсолютно непонятными, еврейскими ритуальными подробностями, которые местами и на мой, по крайней мере, взгляд представляют разительное любопытство»⁵), но при этом же «Автобиография православного еврея», как книга (пусть и рукописная, но книга), т.е. как факт материализованного текста, впервые появляется в печати.

Обратим внимание на то, что книга, посвященная «бегству» в православие от иудаизма, как характеризует ее Розанов, во-первых, «двигается» в обратную сторону (чисто формально: от крещения в православие к иудейской Пасхе), а во-вторых, является исследованием иудаизма. Это оказывается, по сути дела, ее методологическим основанием, т.е. ее сердцевиной.

Можно ли это считать своего рода художественным приемом Розанова? Полагаю, что да. И такой выбор для Розанова отнюдь не является случайным, поскольку, думается, он (этот выбор) напрямую определяется эстетикой его мироощущения, эстетической архитектоникой его творческого бытия, поскольку «Розанов, – по словам С.Н. Носова, – хотел, чтобы искусство стало жизнетворящим, и он, соответственно, всемерно реабилитирует наслаждение – клеймит христианство как религию скорби»⁶: именно это и дает нам право на догадку, почему книга по своему содержанию, повествующая о бегстве в православие от иудаизма, по своей композиционной структуре оказывается движением от крещения к иудейской Пасхе и тем самым становится сердцевиной розановского исследования иудаизма.

Если мы посмотрим на самоотчет-исповедь как на отдельный, как на самостоятельный литературный жанр, то должны отметить, что в наиболее ясной и отчетливой форме ее (исповедь) охарактеризовал М.М. Бахтин в качестве литературного произведения, в котором «герой завладевает автором. Эмоционально-волевая предметная установка героя, его познавательно-этическая позиция в мире настолько авторитетна для автора, что он не может не видеть предметный мир только глазами героя и не может не переживать только изнутри события его жизни; автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя. Конечно, для того чтобы художественное целое, хотя бы и не завершенное, все же состоялось, какие-то завершающие моменты нужны, а следовательно, и нужно как-то стать вне героя (обычно герой не один, и указанные отношения имеют место лишь для основного героя), в противном случае окажется или философский трактат, или самоотчет-исповедь, или, наконец, данное познавательно-этическое напряжение найдет выход в чисто жизненном этическом поступке-действии»⁷.

Естественно, к книге С.И. Цейхенштейна не следует относиться как к художественному произведению, хотя она может (с известными оговорками) рассматриваться и в этом ключе. Книга эта – прежде всего этический поступок автора. А коль скоро это – этический поступок, то и рассматривать ее надо именно в этом контексте. В своем трактате, посвященном философии поступка, М.М. Бахтин говорит о том, что самоотчет-исповедь – это подроб-

ное «описание мира единственной жизни-поступка изнутри поступка на основе его не-алиби в бытии», причем «индивидуальное и единственное»⁸, т.е. неповторимое, уникальное. По всей вероятности, именно этот глубинный архитектонический ценностно-этический стержень и привлек пристальное внимание Розанова к данному произведению.

Но возникает закономерный вопрос, каким образом, с помощью каких средств, помимо композиционной структуры, заявленной в содержании, данный стержень присутствует и тем самым обнаруживается в тексте С.И. Цейхенштейна?

Очевидно, здесь следует остановиться на трех моментах, а именно: 1) композиционная структура, представленная в плане книги; 2) стилистические особенности текста; 3) смысловое содержание произведения.

Если о композиционной структуре мы уже сказали несколько слов, то закономерным будет перейти к стилистическим особенностям текста произведения, ведь именно стиль во многом задает общий тон высказывания, формирует и тем самым определяет его, наиболее полно воплощая в себе и выражая собой авторскую индивидуальность и неповторимость, т.е., по сути дела, определяя уникальность и, следовательно, единственность текста как проявления этического поступка.

Что касается авторского стиля Цейхенштейна, то он подобен устной речи: здесь нет четко отточенных формулировок, готовых формул, научообразия и тому подобного, наоборот, авторский стиль воплощает собой свободное течение устной речи, например: «Говорить здесь об каких-либо условий относительно перехода, – если, сочинения в Вашу собственность, – я считаю совершенно неуместным. Мне даже совестно упомянуть об этом, вполне понимая, что сочинение это не может быть ценимо наравне с другими сочинениями, авторы которых люди ученые... высокообразованные... Я, злополучный автор прилагаемого сочинения, – ни больше ни меньше как самоучка (что, впрочем, видно из предисловия к оному сочинению), поэтому мне ценить этот, свой, труд – не приходится. Мое одно искреннее желание, чтобы русский, христианский люд, прочитал мое простое, убогое в грамматическом отношении сочинение, остался б доволен прочитанным и сказал бы мне “Спасибо”, – и я вполне сочту себя вознагражденным за свой

труд»⁹... Этот фрагмент по своей стилистике напоминает другое произведение, «Письмо к ученому соседу» А.П. Чехова. Вспомним, к примеру, его начало: «Извените и простите меня старого старишку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом...»¹⁰. Как видим, оба фрагмента по своему стилю практически тождественны друг другу. И тот и другой тексты написаны в исповедальном стиле, но если чеховский рассказ пародирует и тем самым высмеивает необразованность и невежество героя, от лица которого ведется повествование, то текст Цейхенштейна насмешки над повествователем не вызывает, поскольку Цейхенштейн весьма талантливо и искренне описывает путь собственных духовных поисков и находок.

Собственно говоря, начиная приблизительно с 30–40-х годов XIX столетия, исповедальность как стилемобразующая черта начинает в известном смысле этого слова доминировать в русской словесности, здесь достаточно вспомнить и «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, и его же «Авторскую исповедь» и «Выбранные места из переписки с друзьями», и Ф.М. Достоевского с его героями, которые постоянно исповедуются друг другу и самим себе, и т.д. Можно вспомнить и В.В. Розанова, который также приходит к известного рода исповедальности, благодаря приему авторской саморефлексии, что нашло свое отражение и воплощение и в его «Уединенном», и «Опавших листьях», и в «Смертном», и в ряде других произведений.

Исповедальный стиль Цейхенштейна накладывает свой отпечаток как на содержание, так и на форму его повествования. Так, например, автобиографические фрагменты прерываются вставками авторских переводов из Талмуда, причем автор настолько увлечен излагаемым им материалом, что начинает останавливать сам себя, возвращаясь к магистральной линии своего повествования. Для иллюстрации этого положения приведем в качестве примера один (достаточно длинный, но показательный) фрагмент из книги Цейхенштейна: «Для прохождения курса учения в помянутых хедерах, обыкновенно требуется два-три года (для тупоумных – даже больше – 4–5 лет); но с меня, очень прилежного и старательного к учению, достаточно было одного года, чтобы изучить все, чего требуется знать в данном возрасте, начиная от “Алифбейс”

(азбука) до “Хумеша” (пятикнижия) включительно. При этом мне приятно воспоминать (отчасти даже горжусь этим), что меламед мой, кстати сказать, человек довольно суровый и беспощадный, ко мне всегда относился с каким-то особым уважением и, само собою разумеется, ни разу не подвергал меня унизительному наказанию вроде вышеупомянутых. Раз только досталось мне штук 15 треххвосткой (зачем скрывать!), но это было “за дело”... Следовало б вдвое больше: во время товарищеской игры я разозлившись за что-то на ровесника своего, камнем расшиб ему голову до крови. (Как видите – и я же был хорош сахар.) <...> Затем еще что-то в этом роде. Задается такой вопрос: “На тельную корову наскочил чужой бык и оттого она выкинула мертвого теленка, – обязан ли владелец быка заплатить владельцу коровы убытки, понесенные им, последним, от преждевременных родов коровы, или нет?” Решение этого вопроса, я, к сожалению, забыл. Впрочем, крепко сожалеть об этом нечего! Обойдемся без этого.

А вот кое-что о находках: “Две личности являются к раввину или Даиону (помощник раввина); личности эти обе крепко держатся за какое-то платье и каждая с своей стороны заявляет спор о принадлежности платья ей на общих правах нахождения находок, – как тут помирить обе тяжущиеся стороны?” спрашивается. В решении этого, на самом деле трудного, вопроса, талмуд поступает чисто по-Соломоновски. Он мудрейший из мудрейших талмуд, велит находку разделить пополам, но с тем, однако ж, чтобы каждая сторона предварительно присягала, что она имеет в находке, не меньше половины части”. (Мне кажется, скорей всего, следовало б заявить полиции о найденной находке.) <...> Затем идут разные талмудические уроки на разные темы, например, как должно производить резание животным, как и чем жених обручает невесту, что должна исполнять замужняя женщина по окончании периода месячного очищения также после родов и т.д. и т.д. Есть также из тяжких уголовных, довольно щекотливых вопросов. Например. Известно ведь, что блудотворение, по Моисею, одно из тягчайших преступлений и оно безусловно наказывается смертью обоих, участвовавших в тяжком грехе прелюбодеяния. Но возрождается вопрос такого рода, вопрос: если блудодействие произошло совершенно неожиданно, без преднамерения со стороны совершивших оного – тогда как? Например, такой, поистине, дивный

случай: мужчина (еврей, конечно) спал на крыше дома, а внизу, возле дома, спала также женщина в крайне небрежном положении. Мужчина, намереваясь вероятно перевернуться на другой бок, как-то сделал неловкое движение, поскользнулся, слетел стремглав вниз и... прямо на спящую женщину... Что дальше происходило – догадайтесь сами. <...> Однако, будет! А то, до того, пожалуй, увлечешься, что половину талмуда переведешь... Пора говорить про себя»¹¹.

Здесь следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в России начинают выходить переводы сакральных иудейских текстов на русский язык и их исследования, в качестве примера приведем ставшие уже классическими переводы Талмуда, Мишны и Тосефты, выполненные Н. Переферковичем¹².

Таким образом, переводя (фрагментарно) сакральные иудейские тексты, описывая быт, нравы и обычай типичного еврейского местечка, Цейхенштейн вполне вписывается в мейнстрим своего времени.

Как всякий прозелит, Цейхенштейн всячески нахваливает православие и порицает иудаизм: «С того дня, как я уже стал настоящим христианином, т.е. [официально] принял Св. Крещение, меня преследовала мысль: если Господь поможет мне выслушать службу и я в состоянии [буду хоть несколько ознакомиться] выучусь как-нибудь, хоть немного, читать и писать по-русски, – непременно [написать] сочиню книгу, в которой, главным образом, буду обличать [разоблачу мерзость] еврейское учение, имеющее «талмудом». Пусть, мечталось мне, читают эту книгу все, и християне, и сами евреи; пусть как те, так и другие, християне и евреи, читают и сравнивают затем талмудическое лжеучение с [наивысшем]высоко-правдивым учением нашего Спасителя; первые, християне, ничего не потеряют от этого, напротив – выигрывают, укрепившись еще больше в вере; вторые же, евреи, может быть, образумятся и стряхнут с себя иго лживого талмуда. Что – дай Бог!»¹³, – правда, при этом, все же стремясь быть объективным: «Чтобы не могли меня упрекнуть в односторонности, чтобы кто-либо из талмудофилов не мог сказать, что я, по злобе своей на бывших своих единоверцев, выставляю напоказ одну только худую сторону почитаемого ими талмуда, а хорошую – умышленно

скрываю, — я по совести скажу, что в талмуде встречается нередко и хорошие вещи достойные хвалы»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить и то, что в книге Цейхенштейна встречаются, как мы бы сейчас сказали, вполне ксенофобские высказывания, например: «Беда же моя была в том, что, к великому моему несчастью, я появился на свет Божий, [сиречь], т.е. родился, в такой талмудо-фанатико-антихристианской семействе, что о другом воспитании, кроме талмудического иудейского — и помыслить нельзя было; отец мой (жизнеописание которого, впрочем, будет мною помещено в своем месте, ниже) был истый тип иудея-фанатика, смертельный враг всему тому, что носит христианское имя и — понятная вещь — своих возлюбленных чад (в том числе, конечно, и меня) воспитал в этом же духе»¹⁵; «Но, утешься моя милая, дорогая возлюбленная книга... Ты, моя бесценная, пала жертвой жидовского фанатизма, опозорена, осквернена, обесчещена фанатиком жидом и сгорела дотла в пламени, но знай: твои страницы, строки, слова и даже все буквы до одной, хранятся в глубине моей души и как добрые семена, посевянные на благодатную почву, приносили свои добрые плоды — я все-таки теперь православный христианин»¹⁶; «Изобличить талмуд во лжи одно и то же, что уличить самих евреев в лжеверовании, но, спрашивается: да разве они сами, евреи-то, не знают этого? Разве они сами не видят, что учение их ложь и одна только ложь руководствует им? Не слепы же они в самом деле, чтобы не видеть, что верят в ложь? Нет! Они, Богом возлюбленные евреи, очень хорошо видят то и понимают, но... как бы вам сказать... просто из-за каприза, не хотят признавать правды, а упорно следуют за ложью. Следовательно, толковать евреям и стараться доказывать им, что они находятся в заблуждении, одно и то же, что толковать стаду баранов, ведомому на бойню, что напрасно они, бараны, резвятся и прыгают, соединившись в кучу, так как конец их близок»¹⁷; «И нахлынули наши евреи на матушку Русь и как муравьи расползлись повсюду по ней, не оставляя на ней голого места. По городам, городищам, mestечкам, селам и деревням, везде, везде стало их видно — и много! И пошел по всей святой Руси треск, звон, шум, гам и русский воздух наполнился мириадами миазм от беспрерывного еврейского галдения. И стали появляться как грибы после дождя, по всем углам нашей обширной России

жидовские кабаки и кабацки – и житья не стало русскому человеку от этих *анафемских* кабаков и содержателей их, жидов.

И стало, наконец, русскому человеку тесно на своей родной земле от непрошенного соседа, еврея, и стал он вглядываться в него, желая угадать: что сей за человек есть?»¹⁸ и т.д.

Но здесь следует сказать, что такое отношение к иудеям в России XIX – начала XX в. было как бы само собой разумеющимся: здесь можно вспомнить и образ жида из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», и образ еврея из «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, и негативное отношение к евреям Ф.М. Достоевского¹⁹, и шеститомную работу И.И. Лютостанского «Талмуд и евреи»²⁰, и т.д.

Таким образом, Цейхенштейн вполне пишет в духе своего времени и целиком и полностью соответствует ему. Именно поэтому книга его представляет интерес в качестве первоисточника и для историков, занимающихся историей России второй половины XIX в., и для этнографов, занимающихся изучением быта европейских местечек Российской империи второй половины XIX в., и для фольклористов, исследующих фольклор евреев, населявших Российскую империю, и для филологов, и многих-многих других. Думается также, что книга эта будет весьма полезна и читателю, которому интересно посмотреть на то, как жили в то время.

Книга написана живым интересным образным языком. Да оно, вероятно, и не может быть по-другому, поскольку, как метко заметил Розанов в своей статье «Замечательная еврейская песнь», «но мы *одни* же позваны к всемирному пониманию и всемирному сочувствию»²¹: по сути дела, к этому же призывает и «Автобиография крещеного еврея» С.И. Цейхенштейна.

¹ Розанов В.В. Юдаизм // Розанов В.В. Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Сост. А.Н. Николюкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; comment. О.В. Быстровой. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 106.

² Там же. С. 26–27.

³ Ремизов А.М. Кухня. Розановы письма // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый / Сост., вступ. ст. и лит.-ист. comment. В.А. Чалмаева. М.: Сов. Россия, 1991. С. 99.

- ⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 4 об.
- ⁵ Розанов В.В. Замечательная еврейская песнь // Розанов В.В. Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Сост. А.Н. Николюкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; comment. О.В. Быстровой. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 581.
- ⁶ Носов С.Н. В.В. Розанов. Эстетика свободы. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 203.
- ⁷ Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / Ред. Н. Николаев, С. Бочаров. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 99.
- ⁸ Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / Ред. Н. Николаев, С. Бочаров. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 49.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 1.
- ¹⁰ Чехов А.П. Письмо к ученному соседу // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1: Сочинения 1880–1882 гг. / Ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1983. С. 11.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 78–83.
- ¹² Талмуд, Мишна и Тосефта / Критический перевод Н. Переферковича: в 7 т. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1902–1906. (Сборник Мишны и ее толкований (из коих важнейшее есть Гемара, принадлежащая рабби Иоханану, раввину IV века) составляет Иерусалимский Талмуд).
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 15.
- ¹⁴ Там же. Л. 179–180.
- ¹⁵ Там же. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л. 17.
- ¹⁸ Там же. Л. 21–22.
- ¹⁹ По поводу отношения Ф.М. Достоевского к евреям см.: Гришин Д.В. Достоевский – человек, писатель и мифы: Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. С. 138–156.
- ²⁰ Люстостанский И.И. Талмуд и евреи: в 6 книгах. СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати», 1902.
- ²¹ Розанов В.В. Замечательная еврейская песнь... С. 600.

О.Е. Пучнина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ РОЗАНОВА

Аннотация. В статье анализируется теоретическое наследие отечественного философа и публициста В.В. Розанова. Наиболее исследованными являются философско-религиозные идеи мыслителя, мы же обращаем особое внимание на его социально-политические взгляды. В статье делается вывод о том, что при всей парадоксальности и необычности стиля и идей В.В. Розанова, они органично связаны с эпохой и во многом обусловлены культурно-историческим контекстом развития страны в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: В.В. Розанов; Россия; государство; монархия; культура.

Putchnina O.E. Political issues in the works of Rozanov

Summary. In the article we analyse the theoretical heritage of the russian philosopher and publicist V. Rozanov. Though phylosophical and religious ideas of the thinker are the well-known ones, we pay special attention to his sociopolitical views. We also make the conclusion that despite all the antinomy and singularity of Rozanov's ideas and style, they are organically connected with an epoch and in many aspects are caused by cultural historical context of the country's development at the end of XIX – the beginning of XX centuries.

Keywords: V. Rozanov; Russia; state; monarchy; culture.

В истории отечественной мысли конца XIX – начала XX в. имя Василия Васильевича Розанова (1856–1919) прежде всего связывается с религиозной философией. Безусловно, говорить о нем как о самостоятельном политическом теоретике в полном смысле этого слова не приходится. Однако очевидно, что его мировоззре-

нию была присуща редкая черта – особое, комплексное, единое восприятие действительности. Все его размышления философского, религиозного, исторического, политического характера связаны и, так или иначе, опосредованы друг другом. Политическая составляющая творчества Розанова так же важна и незаменима, как и его рассуждения о Церкви, о семье, о русском народе и т.д. Это части одного цельного, хотя и внутренне противоречивого комплекса идей. Размышления же Розанова относительно политических явлений и понятий особенно интересны, поскольку этот неординарный и глубокий философ жил в один из самых тяжелых периодов в судьбе нашей страны, на изломе двух веков, который оказался судьбоносным для российской истории.

Политические идеи Розанова не выражены системно и последовательно, тем не менее почти во всех своих произведениях он касается сущности тех или иных политических явлений, что дает нам основание исследовать этот аспект его творчества и попытаться рассмотреть Розанова именно как политического мыслителя. Для современной политической науки розановские размышления представляют особый интерес, поскольку характеризуются многоаспектностью, синкретичностью и психологичностью. При этом политическая мысль автора «Опавших листьев» находится в общем идейном русле отечественной социально-политической мысли конца XIX – начала XX в., о чем свидетельствует близость тем и подходов у Розанова и других выдающихся мыслителей и философов этого периода.

Анализируя феномены государства, власти, общества, Розанов никогда не рассматривал их абстрактно, как явления вне времени и пространства. Теория ради самой теории не интересовала его. Любые его размышления, прежде всего, конкретны, связаны с судьбой своей родины, своего народа. По мнению писателя, только в том случае они могут принести пользу, когда касаются действительного положения дел, затрагивают самую национальную и природную сущность явления. Отчасти такой подход к творчеству обусловлен юношеским увлечением позитивистскими теориями. Розанов стремился к практической полезности и связи своих идей с конкретными явлениями в жизни России и русского народа.

Как и современники Розанова, исследователи в XXI в. отмечают необычайную близость мыслителя к русской национальной культуре, истории, духу, его органическое принятие и понимание самой сущности русского человека и государства. Например, наш современник Ю.И. Сохряков, рассматривая Розанова наряду с К.Н. Леонтьевым, Н.Ф. Федоровым, И.А. Ильиным, И.Л. Соловьевичем, называет его одним из самых ярких выразителей русской национальной идеи в отечественной публицистике XIX – начала XX в.¹

Это сравнение Розанова с другими выдающимися мыслителями его эпохи не случайно и призвано не столько «польстить» нетипичному представителю русского литературно-философского круга, сколько подчеркнуть его с ними органическое идейное сродство. Своеобразные, в непривычном жанре, афористичные и почти неприличные политические суждения Розанова в своей сущности органично вплетены в общую канву отечественной социально-политической мысли XIX – начала XX в.

Розанов размышляет как о конкретно-исторических проблемах политического мира, так и о предельно общих понятиях и категориях. Таково, например, его представление о сущности государства вообще. В его основе, по мнению Розанова, лежат не народ и территория, не семья и хозяйство, не научные и ремесленные навыки, не учреждения и постановления власти, а «элементарные и чрезвычайно общие представления о существующем, о должном и о позволительном, которыми бессознательно живет каждый политический народ и в нем каждый отдельный человек, которые вырабатываются в трудном процессе истории и только веками изменяются в нем»². Такой подход к пониманию сущности явлений Розанова можно считать нормативистским и эстетическим, он рассматривает в первую очередь нравственные, ценностные основания.

Горячая любовь к России и ко всему русскому часто сочетается в Розанове с неумолимой критикой, когда он рассуждает о свойствах русского народа. Он ругал не столько «порядки отечества», сколько всегдаший беспорядок в нем. Его критические суждения о не всегда лестных особенностях национального характера, проблемах государственного управления, засилье бюрократии, кризисе образования, вопросах отношения к собственности

и труду не теряют своей актуальности, увы, и по сей день. «Настоящий патриот всегда недоволен», – говорил он, но патриот никогда не обмолвится против «русского духа и русской земли». «При грубости, нервности, порой даже ругани “русских порядков” в душе горит вечный (никому не заметный) огонь любви, и бесконечной любви, к русскому в целом»³. Розанов отметил одну из черт специфического национального характера: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает»⁴. Отношение к русскому народу у Розанова сродни отеческой любви, он видит все недостатки, но от этого меньше не любит. «Симпатичный шалопай – да это почти господствующий тип у русских»⁵, – пишет мыслитель почти что с одобрением и нежностью.

Размышляя о сущности народной жизни в России, Розанов указывал, что для русского человека общественное и политическое практически не пересекаются. В сборнике «О писательстве и писателях» он указывал на особое отношение русских людей к началам государственности и власти. Это отношение является, по Розанову, практически «родовым» отличием нашего народа – отсюда все его беды и в этом его особая прелест. Этой чертой русских писатель считал глубокую и органическую аполитичность. «Мы аполитичны, *вне*-государственны… Такого глубочайше анархического явления, как “русское общество” или вообще “русский человек”, я думаю, никогда еще не появлялось на земле. Это что-то… божественное или адское, и не разберешь»⁶. Причину такого положения писатель видит в том, что «все на Руси “музыканят” и, кроме “музыки”, ничем в сущности и не занимаются. То есть все занимаются вещами сладкими, личными, душевными…»⁷. Возможно, и такой пресловутый «аполитизм» самого Розанова, в котором его неоднократно обвиняли в истории, лишь доказывает его глубочайшую и органическую связь и единство со своим народом.

Рассуждения Розанова относительно политических свойств русского народа, выраженные буквально одним, не особенно понятным сперва словом «музыканит»⁸, вскрывают многослойность смыслов и отношений автора к проблеме, а также прекрасно иллюстрируют его метод познания, обусловливающий в свою очередь специфику всего мировоззрения.

С другой стороны, в такой розановской оценке русского народа чувствуется и тень осуждения. Современный розановед И.В. Кондаков указывает, что в слове «музыканить» содержится что-то пренебрежительное, даже уничижительное – типа тарабанить, балаганить, бакланить, колошматить, тренькать, пробавляться музыкой, развлекаться игрой бездумно, бесцельно, для собственного удовольствия. И с этой точки зрения такой уход народа в «музыку» можно понять как способ безответственного существования, полусознательного отвлечения от насущных проблем жизни и политики⁹.

Розанов идет дальше, обличает такую черту душевной организации русского народа как губительную для его жизненной силы. «И сказалась мне страшная вещь: <...> Э, народ болтун. Праздный, бездельный народ <...> совсем дрянь народ. Какой же толк из него может выйти, раз он все поет, музыканит,казывает сказки и шутит прибаутки. Решительно надо бы собрать не серьезные пословицы, а прибаутки русского народа. Тогда балаган русской жизни или “русская жизнь в балагане” – восстал бы в полном ряде. “Паршивый народ”, – подумал я отчаянно... Отчаяние... Ни философом, ни ученым, ни политиком такой народ не станет. И мы прогуляли царство»¹⁰.

Горечь, с которой критикует Розанов русский народ, соразмерна с его к нему же любовью, он так писал сам об этом парадоксе: «Почти нашел разгадку: любить можно то или того, о ком сердце болит»¹¹. Э.Ф. Голлербах отмечал, что философ любил Россию страстью, ненасытной, преданной любовью, но это была не слепая любовь или зоологический патриотизм, а вера и безмерная нежность к стране и народу. Розанов в одном из писем к Голлербаху давал такое напутствие русскому человеку: «До какого предела мы должны любить Россию: до истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”, убеждению, голове. Сердце, сердце, вот оно»¹².

Для познания социальной и политической действительности Розанов часто использует метод сравнения. Например, проводит параллели в развитии своего народа с другими – англичанами, немцами, французами, американцами, и всегда подчеркивает отличие русского народа от них. Так, в небольшой, но яркой зарисовке-сравнении разворачивается картина громадных культурных

различий национального характера: «Англичане же, первый деловой народ в мире, не имеют просто песен и выписывают музыку из-за границы. Зато какие чудовищные станки. Фабрики. И вся стоит на каменном угле»¹³.

Сравнивая русских с немцами, Розанов указывает на «мужественность», «железность» последних в противовес нашему «женственному началу». Но здесь мыслитель не видит какого-то порока или ущербности, наоборот, это противопоставление призвано подчеркнуть скорее богатство нашего духовного мира, тонкость и мягкость внутренней организации русского общества и человека. Он восстает против извечного желания подделаться, подстроиться, превратиться в другой народ. «Нужно ли нам переделываться в Германию? Нет. Тогда зачем Русь? «Две Германии». Но удвоений в истории не бывает»¹⁴. Писатель подчеркивает, что наш народ не хуже и не лучше, не слабее, не мудрее, он – другой. Судьбу нашей родины Розанов сравнивает с черепахой – жесткий, крепкий череп снаружи и «нежное, вкусное мясо»¹⁵ внутри.

В статье «Возле русской идеи»¹⁶ (1911) мыслитель пишет, что «“женственное качество” у русских налицо: уступчивость, мягкость. Но оно оказывается как сила, обладание, овладение. Увы, не муж обладает женою, это только кажется так, на самом деле жена “обладает мужем”, даже до поглощения. И не властью, не прямо, а таинственным “безволием”, которое чарует “волящего” и грубого и покоряет его себе»¹⁷. Русские, по мнению Розанова, беззаботно отдаваясь чужим влияниям, непременно требуют в том, чему отдаются, – кротости, любви, простоты, ясности. Размыщляя о возможном исходе Первой мировой войны, Розанов пишет: «Покорение России Германию будет на самом деле, и внутренне, и духовно, – покорение Германии Россиею. Мы, наконец, из них, – из лучших из них, – сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера»¹⁸. «Русские принимают тело, – пишет Розанов, – но духа не принимают. Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух»¹⁹. Возможно, именно в этом причина того, что многочисленные в нашей истории иностранные, искусственные «привнесения» и «новшества» в нашу общественно-политическую реальность не смогли прижиться, установившись формально, не были приняты и поняты глубинно-русским человеком, русской душой.

С социально-культурной точки зрения, отмечает Ю.И. Сохряков, все произведения, написанные Розановым, проникнуты одной мыслью – мыслью о Родине, о русском народе. Сохряков подчеркивает, что Розанов старается увидеть самую сущность русского человека, сравнивая его с другими, ища ему одному органически присущие черты. При этом он всегда остается человеком, бесконечно преданным и любящим свою родину и свой народ: «Может быть, народ наш и плох, но он – *наш*, наш народ, и это решает все. От “своего” куда уйти? Вне “своего” – чужое»²⁰.

Мыслитель, пусть и не явно, но прорисовывает «национальный» характер русского народа, с его державным инстинктом, с христианским нравственным мирочувствованием, простодушием и отсутствием должного самоуважения. И как бы отвечая тем, кто упрекал Россию в нецивилизованности, Розанов категорически утверждал, что русский народ более чем цивилизован, он – культурен, ибо культура – не в книжках, но в совести, душе, правде, Боге.

Примечательно, что грядущую войну с Германией 1914–1918 гг. Розанов воспринимал именно как цивилизационно-духовный конфликт славянской и германской культур, в очередной раз указывая на разницу в нравственном базисе двух народов. Немецкому народу Розанов отказывал в истинной и бескорыстной духовности. По его мнению, вся их культура была в значительной мере подчинена гегемонистским устремлениям, и философия лишь служила тому обоснованием. Философ подчеркивал нравственный упадок народа-соперника: «Не “испорченная механика”, а “испорченный человек” – вот что стоит в сердцевине Германской империи»²¹. Розанов пишет о Германии, что все силы, «весь ум и душа» ее народа уходит на строительство государства. Когда строишь «настоящую государственность» – «империю Бисмарка», когда хочешь получить победы, блеск, славу, – простишь с литературой.

Более того, Розанов идет дальше и говорит об опасности идеи мессианизма, приводящей к страшным последствиям, причем вновь подводит к этой мысли через, казалось бы, несущественные и почти незаметные приметы. «Германия решительно и деловым образом потребовала себе первенства во всемирной цивилизации, сорок лет подготавливаясь к войне, и начав войну с потерей миллионов людей, и убивая миллионы людей у соседних народов во имя

того, что никто так не умеет выделять зубных щеточек, как “германский человек”. Если взять зубную щетку, сделанную русским, то щетина вываливается, как только вы взглянули на нее; если ее сделал итальянец, то щетина вываливается, когда вы по ней провели рукой. И у француза или англичанина вываливается месяца через четыре после употребления щетки. Но немец, долго размышляя, сделал наконец такую щетку, из которой щетина никогда не вываливается. Он назвал ее “вечною щеточкою” и прибавил “для универсального употребления”. Он взял на нее патент у отечества, повез ее в Англию, привез ее во Францию, не говоря уже о России и Италии, о Турции и Румынии. Причем везде решительно увидели, что из германской зубной щеточки и вообще из германских щеток всяких сортов, величин и предназначений щетина действительно никогда не вываливается.

Кайзер это сообразил, нация это сообразила. Все сделали “умозаключение”, что они станут самым богатым народом в свете, если зубные щетки, гигроскопическую вату, оптические стекла, всякие медикаменты, наконец, всякие вообще инструменты, машины и технику будут поставлять одни на весь свет. На Россию, на Америку, на Китай. Наконец, даже во Францию и Англию. “Мы забьем всех. Но надо раньше всех побить и принудить брать и пользоваться единственно вечною зубною щеткою *made in Germany*”. Война, как обнаружилось решительно и окончательно, ведется за техническое, коммерческое и промышленное подавление Германией всего света. Но как “предпосылка” техники и промышленности – политическое преобладание Германии во всем свете. “Помилуйте, мы изобрели сальварсан. У нас и Эрлих и Кох. У нас Гельмгольц, Бунзен и Моммзен. Разве это не права на управление миром? Умственные права. Мы живем в век разума, опираемся на разум, у нас разум – первый в мире. И мы будем организовывать человечество”. А все началось с зубной щеточки”²².

Эта зубная щетка в розановской статье вырастает в символ спеси и высокомерия Германии, которая из своего технического, коммерческого и интеллектуального превосходства над другими народами сделала культ и оправдание своим милитаристским устремлениям²³. Действительно, слишком современными выглядят эти рассуждения Розанова сегодня – меняются декорации, лозунги, страны – «зубные щеточки» сменяют новые технологии и «айфоны

последней модели», а вероломное ханжество прячется под маской универсальных «демократических ценностей», однако суть происходящего, к сожалению, остается той же и в ХХI в.

В 1916 г. Розанов писал: «Удивительно, что никому не пришло на ум, “как это место опасно”. То есть как опасно вообще и всемирно стремиться к первенству, исключительности, господству. <...> Оно кружит головы, рождает чары, рождает силы, творит положительное безумие. Народы, порывающиеся сознательно к “первому месту на земле”, начинают совершать явно безумные поступки, очевидные со стороны, но нисколько не видимые самим носителем “всемирной миссии”»²⁴. Для Розанова ясен глубинный смысл и конечный итог происходящего, понимание истинного положения человека, народа, страны должно быть религиозно-космологическим: «“Первое место”, очевидно, принадлежит Богу и не принадлежит и никогда не должно принадлежать человеку или группам его, народам. Отсюда-то и объясняется безумие. Мы, собственно, хотим сесть на “Божье место”. Хотим – Престола Божия для себя. И, естественно, летим “вверх тормашками”»²⁵.

В статье «Война как воспитание» из сборника «Война 1914 года и русское возрождение» Розанов говорит о том, что именно война доказала жизненность забытых было славянофильских идей. Всех сближает православие, а это почти синоним славянофильства, по мнению мыслителя. И поскольку у немцев господствует «умственная пошлость» и только напускное почитание бога, то исход войны зависит от приверженности русского народа идеям православия: «Бога нельзя забыть – вот что говорит народная и славянофильская Россия»²⁶.

Розанов подчеркивал необходимость существования твердой религиозной веры для существования отечественной государственности вообще в связи с особым отношением русского человека к государству и политике. Говоря о глубокой духовности своего народа, его внимании к своей внутренней жизни, Розанов указывал на обратную сторону медали – а именно невнимание к политической составляющей общественной жизни. Он пишет так: «Русские “музыканят” и ни малейше государства не делают. Отношение к нему – “черт бы его побрал”»²⁷, и в этом Розанов видит весь нерв русской духовной жизни. Русское в высшей степени художествен-

ное «ничегонеделанье» гораздо тоньше, углубленнее, нежнее, интимнее, это сама русская душа без предела и горизонта.

Более того, Розанов видит в «лени» метафизический принцип Руси. И по его мнению, «“лень”-то именно нас и охраняет от самых ядовитых зол. О, спора нет, что “лень” – дурна, плоха, несносна. При ней – вечно “все не устроено”. <...> Все это отвратительно, пакостно, и почти “так жить нельзя”. Готов крикнуть “не могу молчать!”, нодерживаюсь и начинаю размышлять. Ведь жить-то все-таки, однако, “можно”. В сущности – “можно”. И как ни сорна улица, ни дорога квартира, в театре играют отвратительно, извозчика нигде не найдешь и прочие “несносности”; но дело в том, что в сих мерзопакостных условиях “живешь”, а к вечеру даже набежит кое-какое удовольствишко»²⁸. Такая «лень» выступает отчасти для мыслителя гарантией или, скорее, противоядием от чрезмерного и показного смирения, под которым часто скрываются гордыня и амбиции.

Поэтому и государство для русских, по Розанову, второстепенно, оно необходимо, но никогда не будет являться главенствующим элементом для общества. По существу, народ и правительство параллельны друг другу, хотя писатель со свойственной ему точностью и прозорливостью подмечает, что и правительство тоже «музыкант», так как состоит из тех же русских.

И тем не менее Розанов вовсе не отрицает государство, он относится к нему с уважением, понимая, что функции его необходимы для народа.

«Государство, – внешность. Оно “без души”. Государство “настоящее” *внешнитимно, строго, повелительно, сухо: где нужно – беспощадно*»²⁹.

Именно потому, что государство, по мнению автора, имеет другую природу, нежели общество и потому, что оно должно ограничивать и защищать «мягкость и женственность» русского народа, оно должно быть, прежде всего, сильным. «Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство есть сила. Это его главное»³⁰. Вот почему единственный порок – слабость. «Слабое государство не есть уже государство, а просто нет»³¹. Возможно, и острое предчувствие и неприятие грядущей революции связано для Розанова с тем, что были расшатаны самые основы тради-

ционной государственной жизни. Народ, будучи таким далеким от политики, легко и покорно был увлечен властным революционным вихрем сверху.

Поэтому для Розанова естественной и единственной возможной формой правления выступает монархия. Только такая форма правления органична для русского народа. Обосновывая это положение, Розанов выступает отчасти как последователь географического детерминизма, указывая, что в наших природных и климатических условиях всякие другие формы управления просто невозможны. «Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Нет, я за самодержавие. Из теплого дворца управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не управляться»³². Не понимать этого, по мнению Розанова, могут только люди, находящиеся «в своем тепле», не видевшие ничего другого и не знакомые с настоящей действительностью. К таким людям писатель относит декабристов, А.И. Герцена, Н.И. Огарева и т.д.

В статье «С вершины тысячелетней пирамиды» Розанов, размышляя над сущностью самой русской истории, говорит, что учреждение царской власти стало для Руси поворотным моментом, благодаря которому государство «закрепилось» в мировой истории вообще, приобретя необходимую обоснованность и устойчивость. Розанов пишет: «Царская власть есть духовное и личное осмысление всей Руси, и ничего здесь не деля, а только целебно соединяя и совмещая, мы бы повторили народное и благодатное народное слово: “как на Небе – Един Бог, так на Земле Един Царь”. <...> Русь получила в царской власти то, чего ей недоставало в родовом быте: землеприкрепление, плането-прикрепление. Русь с царской властью начинала тверже держаться на планете, “больше светиться в подсолнечной”»³³.

Необходимость монархической формы правления для нашей страны писатель объясняет не только объективными обстоятельствами природных условий, но и душевными склонностями русского народа. Оценивая монархию, как и все другие общественные и политические явления, эстетически, Розанов считает, что для нее нужны специальные способности. Например, по его мнению, французы не способны к такой форме правления. «У них нет... нормальных монархических чувств. Они не способны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда

монархия?»³⁴. «“Любить Царя” – есть действительно существо дела в монархии и “первый долг гражданина”: не по лести и коленопреклонению, а потому что иначе портится все дело»³⁵. Если для русского человека «государство» не выступает персонифицировано как «государь», то оно чужое, внешнее, мертвое. Любовь к царю, по Розанову, должна идти от сердца, изнутри самого человека. Такое чувство, заключает философ, не может родиться в России из разума, и в этом его сила.

Примечательно, что, по мнению Розанова, истинный правитель должен обязательно вырасти в монаршой семье, быть с детства подготовленный к своей миссии и огромной ответственности. Не обожествляя личность правителя, философ видит в нем прежде всего человека со всеми его страстями, поэтому и указывает на обязательность наследственной монархии. В противном случае пришедший к власти будет стремиться сначала «устроиться», а «“урожденный” не имеет этой нужды: вечно “признаваемый”, совершенно не оспариваемый, он имеет то довольство и счастье <...>»³⁶, которое позволяет ему желать только такого же для всего своего народа. Мыслитель указывает, что все беды государей в нашей стране были от того, что в них усомнились. «Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства. Поразительно, что все жестокие наши государи были именно “в споре”: Иван Грозный – с боярами и претендентами; Анна Иоанновна – с Верховным Советом, и тоже – по неясности своих прав; Екатерина II (при случае – с Новиковым и прочее) тоже по смутности “восшествия на престол”»³⁷.

О консервативных предпочтениях мыслителя свидетельствует следующее признание: «Я понял, что в России “быть в оппозиции” – значит любить и уважать Государя, что “быть бунтовщиком” в России – значит пойти и отстоять обедню. <...> Я вдруг опомнился и понял, что идет в России “кутеж и обман”, что в ней встала левая “опричнина”, завладевшая всею Россиею и плещущая купоросом в лицо каждому, кто не примкнет “к оппозиции с семгой”. <...> И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанную оппозицию, которая состоит в: 1) помолиться, 2) встать рано и работать»³⁸.

Розанова можно отнести к «хранительному» направлению русской мысли³⁹, которое «шире политического консерватизма,

так как включает идею патриотизма, защиты традиционных русских ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, русского языка, православной веры⁴⁰. Как верно отмечает польский исследователь творчества Розанова Й. Дец, в политическом наследии философа отчетливо прослеживаются две линии – аргументы в защиту самодержавия и выступления против анархии⁴¹. И даже если мыслитель видит объективные недостатки в существующем правлении, тем не менее он выскazывается в духе созидающего консерватизма: «Да, может быть и неверен “план здания”, но уже оно бережет нас от дождя, от грязи, и как *начать рубить его?*»⁴². Розанов, по мнению нашего современника В.Н. Жукова, весьма позитивно оценивает власть как институт⁴³. Так, Розанов пишет: «Каков бы ни был поп, пьяный или трезвый, – а он меня крестил. Вот основание ко “всякой сущей власти” относиться все-таки с уважением. Не кричать на нее, не хулиганить с ней, не подкапываться под нее. Ибо она была до меня, в ее гимназии я выучился, да... вероятно она меня и “похоронит”. Мы слишком “промежуточные”»⁴⁴.

Но Розанов отчасти разводит понятия государства, правительства, власти и монарха, самодержца. Самодержавие для писателя имеет сакральный смысл, в царе он видит «кусочек Провидения», которого стоит бояться и поэтому ему необходимо повиноваться. Более того, мыслитель считает, что именно через самодержавие русский народ может выразить себя в мире, это его миссия и его обязанность. Так как царь (у Розанова почти всегда – «Царь») «допускает к повиновению себя – он и нас, обыкновенных, приобщает к мировой роли»⁴⁵. Писатель не питает иллюзии по поводу роли и личности монарха. Розанов указывает, что царствие всякого царя трагично. Это, по мнению мыслителя, – сплошь великое и ответственное. «Ничего нет труднее “должности Царя”»⁴⁶. В такой оценке властного «бремени» в России, как, прежде всего, ответственности, обязательств и жертвы, а не привилегии, Розанов близок взглядам своих современников, например, – С.Н. Сыромятникову, К.П. Победоносцеву⁴⁷.

Совсем другое отношение Розанова к чиновничеству, к людям, в чьих руках находится управление обществом. Если в монархе писатель видит живое творческое божественное начало, то к определению чиновников он подходит инструментально, для

него это техническое явление, а все техническое – умерщвление жизни⁴⁸. Розанов так писал по этому поводу в «Опавших листьях»: «Чиновник съел все вдохновение на Руси. Чиновник – дьявол»⁴⁹. Если ослабляется государство, если истощаются его творческие созидающие силы, то именно чиновничество, по Розанову, начинает играть ведущую роль, а значит, душить все новое и ограничивать традиционное. «Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже все “запрещает”, что оно “рассчитано на маленьких”»⁵⁰. Когда в обществе перестают действовать такие естественные регуляторы народной жизни, как доверие власти, святость Церкви, нравственные ценности каждого человека, то разрастание бюрократического корпуса становится неизбежным, считал Розанов.

Озабоченность растущим аппаратом чиновничества и его удушающим общество характером ярко выразилась в его статье «О подразумеваемом смысле нашей монархии»⁵¹. Лейтмотивом этой работы стала идея, что верховная власть, все больше срашиваясь с бюрократией, теряет в глазах своих подданных свое мистическое предназначение и священный характер. Власть воспринимается обществом не как что-то одухотворенное и живое, а приобретает механически-утилитарный смысл винтика большой машины, о пользе которой люди уже начинают судить критически.

Однако Розанов не был бы самим собой, если бы давал подобным явлениям единственное толкование и оценку. Негативно характеризуя чиновничество, Розанов парадоксально в то же время замечает, что с ним невозможно бороться, поскольку оно обоснованно имеет право на существование, в некотором смысле даже необходимо. Мыслитель в свойственной ему парадоксальной манере указывает на органическую связь чиновника, писателя, адвоката, оратора. Этой связью выступает близость к такому социальному явлению как проституция. Поскольку в содержание всех перечисленных входит мысль – «я принадлежу всем». Чиновничество – «к услугам государства», учений – «насколько он публикуется», писатель – как он востребован. Розанов объясняет логику такого вывода: «Действительно в существо актера, писателя, адвоката входит психология проститутки, т.е. этого равнодушия ко всем и ласковости со всеми»⁵². Розанов продолжает такое эпатажное сравнение, утверждая, что в конечном итоге и «первые госу-

дарства родились из инстинкта женщин проституировать»⁵³. А если это социальное явление естественно, если с ним невозможно бороться, значит, оно должно существовать и значит, оно нужно.

Многогранность и многоаспектность русской политической и социальной жизни схватывал и отражал Розанов как никто другой, в свойственной ему парадоксальной манере изложения и письма отражается особый тип отечественного мыслителя-патриота. Розанов, пусть и не явно, но прорисовывает «национальный» характер русского народа, с его государственным инстинктом, с христианским и нравственным мирочувствованием, простодушием и отсутствием интереса к политике и т.д.

Интересно, что провиденциальный характер творчества Розанова был оценен литераторами Запада. В 1930 г. после прочтения переведенных на английский язык «Опавших листьев» Г.Д. Лоуренс отозвался о Розанове как об «кужасающе современному» писателе, он заметил: «Если бы Толстой увидел сегодняшнюю Россию, он до крайности изумился бы. А Розанов, думаю, вовсе не удивился. Он чувствовал, что это неизбежно»⁵⁴.

Как нам представляется, очевидно, что Розанов был вовсе не аполитичным мыслителем и имел вполне конкретный набор мировоззренческих установок относительно политических проблем его современности. Анализ политической реальности Розанова, хотя и не затрагивает все стороны и сферы современной ему действительности, тем не менее отличается глубиной и нестандартностью подхода. В творчестве Розанова можно выделить самобытные политические идеи: суждения о государстве, монархии, а также не освещенные в данной работе, но тем не менее довольно обширные суждения философа о демократии, либерализме, социализме, революции, причинах и истоках терроризма и других идейно-политических феноменах. Его достаточно выраженные консервативные «хранительные» симпатии получают доказательство и обоснование в оценке Розановым самой сущности государства и русского человека, категорий власти и управления и т.д.

Понимание мыслителем глубинных истоков многих политических процессов позволяет Розанову делать обоснованные и во многом подтвердившиеся предположения относительно будущего развития страны в целом и демонстрирует у мыслителя наличие развитой исторической интуиции.

Анализ политической мысли Розанова свидетельствует о том, что, хотя форма выражения политических идей непривычна, но, по существу, обращение мыслителя ко многим политическим проблемам его современности является отражением общей логики развития консервативной социально-политической мысли конца XIX – начала XX в.

Главной проблемой же современного исследования политического мировоззрения Розанова выступает сложность окончательной идеологической «идентификации» взглядов писателя. Это происходит вследствие самой методологической установки Розанова – любую проблему, и особенно политическую, оценивать нравственно, видеть самую ее сущность, многоаспектность и противоречивость. Поэтому споры об общем направлении его политического мировоззрения, начавшиеся еще при жизни Розанова, не утихают и по сей день. Тем не менее самобытные политические размышления Розанова представляют сегодня особую актуальность и несут в себе большой потенциал не только для расширения наших знаний о предметах собственно политических, но и для понимания всей философской концепции мыслителя в целом.

-
- ¹ См.: Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М., 2000.
 - ² Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1990. С. 557.
 - ³ Цит. по: Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001. С. 384. (Серия «Жизнь замечательных людей».)
 - ⁴ Розанов В.В. Уединенное. М., 1991. С. 39.
 - ⁵ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1992. С. 205.
 - ⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1996. С. 558.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Вообще слово «музыканят» впервые было использовано Д.И. Писаревым в пассажах «Прогулка по садам российской словесности» (Русское слово. 1865. № 3. Отд. II «Литературное обозрение». С. 1–68), где он рассуждал о идейном наследии Ап. Григорьева.
 - ⁹ Подробнее см.: Кондаков И.В. «Последний писатель»: В. Розанов между консерваторами и радикалами // Энтелехия. Кострома, 2000. № 1. С. 20–21.
 - ¹⁰ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. С. 445–446.

- ¹¹ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 11.
- ¹² Цит. по: Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов: жизнь и творчество / Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 11.
- ¹³ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. С. 446–447.
- ¹⁴ Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 100.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Розанов В.В. Возле русской идеи (1911). Впервые статья опубликована в сборнике «Среди художников». СПб., 1914.
- ¹⁷ Розанов В.В. Среди художников // Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.Н. Николюкина, комм. А.Н. Николюкина и В.А. Фатеева. М., 1994. Т. 1. С. 353.
- ¹⁸ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. С. 29.
- ¹⁹ Цит. по: Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М., 2000. С. 113–114.
- ²⁰ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 54.
- ²¹ Цит. по: Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 542.
- ²² Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 276.
- ²³ Сидоренко Ф.Ф., Сургей Л.А. Русская идея в отечественной философской мысли (научно-популярные очерки). Пятигорск, 2012. С. 137.
- ²⁴ Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 276–278.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 543.
- ²⁷ См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Сост. А.Н. Николюкина, comment. А.Н. Николюкина, А.В. Панова, С.Р. Федякина. М., 1996. С. 558.
- ²⁸ Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 278.
- ²⁹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николюкина А.Н. М., 1996. С. 559.
- ³⁰ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 113.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 125.

- ³³ Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды. Размышления о ходе русской литературы // Налепин А.Л., Померанская Т.В. Розанов@etc.ru. М., 2011. С. 370–371.
- ³⁴ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 60–61.
- ³⁵ Там же. С. 36.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 275.
- ³⁹ Концепция русского «хранительства» была предложена М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Шириняцем и др. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России».
- ⁴⁰ Перевезенцев С.В., Шириняц А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М., 2017. С. 71.
- ⁴¹ Дец Й. Розанов как политический мыслитель // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 374.
- ⁴² Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 82.
- ⁴³ Жуков В.Н. Правосознание Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 357.
- ⁴⁴ Розанов В.В. Мимолетное // Розанов В.В. Собр. соч.: в 11 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.Н. Николюкина. М., 1994. Т. 2. С. 330.
- ⁴⁵ Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 166.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: Сыромятников С.Н. (Сигма). Опыты русской мысли. СПб., 1901. С. 69–70; Победоносцев К.П. Соч. СПб., 1996. С. 426–427.
- ⁴⁸ См.: Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 151.
- ⁴⁹ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 149.
- ⁵⁰ Там же. С. 118.
- ⁵¹ Первоначально летом 1895 г. статья, уже напечатанная в «Русском вестнике», не была пропущена цензурой. Тираж был арестован, статья подлежала вырезке и уничтожению, а редактор журнала Ф.Н. Берг получил выговор и предупреждение. Сам Розанов же был убежден в абсолютно монархическом содержании своей работы.
- ⁵² Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 28.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Lawrence D.H. Selected literary criticism / Ed. by Beal A. N.Y., 1956. P. 253.

Т.М. Миллионщикова
МИРОВОЗЗРЕНИЕ
И ТВОРЧЕСТВО РОЗАНОВА
В СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ США

Аннотация. В статье рассматриваются работы североамериканских славистов, исследующих творчество В.В. Розанова и его влияние на русских писателей-постмодернистов.

Ключевые слова: В.В. Розанов; Ф.М. Достоевский; Л.Н. Толстой; В.С. Соловьёв; А. Терц; В. Ерофеев; славистические исследования США; fin de siècle в России; проблематика; символизм; модернизм; постмодернизм; декаданс; стиль; поэтика; литературные влияния.

Millionshchikova T.M. Rozanov in the American Slavistic studies

Summary. The article deals with the North-American studies on V.V. Rozanov and on his influence on Russian writers-postmodernists.

Keywords: V.V. Rozanov; F.M. Dostoevsky; L.N. Tolstoy; V.S. Solov'yov; A. Tertz; V. Erofeev; American Slavistic studies; Russia's fin de siecle; Erotic utopia; perspective; symbolism; modernism; postmodernism; decadence; style; poetics; literary influence.

За последние годы литературоведы и философы значительно продвинулись в изучении обширного творческого наследия Розанова (1856–1919).

Осуществлено издание Собрания сочинений Розанова¹; к 150-летию со дня его рождения в 2006 г. в Москве была проведена

Международная научная конференция, материалы которой были опубликованы в сборнике «Наследие В.В. Розанова и современность»². Вышли в свет семь томов из Полного собрания сочинений В.В. Розанова в 35 томах. Отечественное литературоведение пополнилось новыми статьями и монографиями о творчестве великого русского писателя и философа. Главный вывод, который можно сделать по результатам этих исследований: В.В. Розанов рассматривается в ряду классиков русской литературы.

Существенный вклад в отечественную и западную науку внесли североамериканские слависты-литературоведы Ренато Поджиоли, Мария Н. Бенереджи, Юрий Иваск, Андрей Г. Штаммлер, Джек Ф. Мэтлок, Ольга Матич, Наталья Казакова, Эдит У. Клаус. В их статьях и монографиях, с разных точек зрения освещаяющих личность, жизненный и творческий путь великого русского писателя и мыслителя, историко-культурный контекст, в котором он жил и работал, выражена попытка определить сущность феномена Розанова.

Восприятие личности и творчества Розанова в американском литературоведении 1980-х годов освещено А.Н. Николюкиным в статье, опубликованной в сборнике «Русская литература в зарубежных исследованиях (Розанов, Хлебников, Ахматова, Мандельштам)»³. В работе рассматриваются статьи и монографии Ренато Поджиоли, Марии Н. Бенереджи и Андрея Штаммлера. К этим же исследованиям обращается О.А. Казнина в статье о месте Розанова в англоязычной критике⁴, напечатанной в сборнике «Наследие В.В. Розанова и современность».

Василий Васильевич Розанов остается одной из самых спорных фигур на русской историко-философской и литературной сцене, отмечает американский славист, профессор Питсбургского университета Андрей Штаммлер (Andrew Stammle). Хотя при жизни писателя и мыслителя о нем много писали и, несмотря на то что он всегда был окружен «густой атмосферой сенсационности и скандала, эротического, политического и литературного», – все еще ставится вопрос, кто, в сущности, был этот «литературный чудак»? Был ли он «литературным скоморохом», щеголявшим «постоянными переменами декораций», или «актером, который сменяет маску за маской», и каждая ему подходит одинаково хорошо?

Розанов «был страстным поклонником Солнца, но вечно встревожен ночью и крестом, Гефсиманой и Голгофой» и вечно колеблющимся между «самоненавистью» и «самообожествлением». Кем же на самом деле был «этот циничный юродивый и позер, который так смущал своих современников?»⁵ – задается вопросом американский славист.

И, в сущности, все, кто пишут о Розанове, предлагают свои ответы на вопрос: каким они видят «этого Гиперборейского Диониса»?

Книгу американского слависта, профессора Гарвардского университета Ренато Поджиоли (Renato Poggiali) (1907–1963) «Феникс и Паук» / «The Phoenix and the Spider»⁶ отечественные литературоведы характеризуют как определенную веху в славистических исследованиях США личности и творчества Розанова.

В сборнике очерков-эссе о И.А. Гончарове, И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.В. Розанове, А.П. Чехове, Вяч. Иванове и других русских писателях и философах главным героем русской литературы Р. Поджиоли видит именно Розанова. Стремясь выяснить «русский взгляд на душу» через творчество этих великих писателей, автор книги в специальной главе акцентирует внимание на творчестве Розанова, у которого он находит доказательства высшей ценности «эго» и значимости этого «эго».

Само название книги навеяно высказыванием Розанова о том, что каждая душа – это феникс, а выразителем этой идеи в русской литературе суждено было стать «пауку»: Розанову, который и жил, и работал «как паук».

На философских концепциях мыслителя американский славист сосредоточил внимание в специальной работе – «Василий Васильевич Розанов как философ» / «Vasiliy Vasil'evich Rozanov als Philosoph»⁷. Следует отметить, что темой «Розанов как мыслитель» в США занимаются не профессиональные философы, а литературоведы-слависты, рассматривающие философские концепции Розанова исключительно в рамках его писательского творчества.

Основные вехи жизненного и творческого пути «крупного русского писателя, философа, религиозного мыслителя, журналиста и выдающегося стилиста» освещает А. Штаммлер в статье

«В.В. Розанов», опубликованной в сборнике «Русская религиозно-философская мысль XX века»⁸.

После окончания Московского университета по историко-филологическому факультету Розанов стал преподавать в Ельце, Брянске и других городах русской провинции. По его собственному свидетельству, уроки эти имели «сноторвный» эффект, так как он всегда был занят литературными, философскими и щекотливыми проблемами своей личной жизни. Однако «несмотря на этот неуспех в своей учительской деятельности», он не терял интереса к вопросам педагогики, образования и просвещения, к которым значительно позже возвращался в многочисленных статьях и очерках.

В 1880 г. Розанов женился на Аполлинарии Сусловой, «бывшей любовнице Достоевского и его “femme fatale”», которая в произведениях писателя «под разнообразными масками и псевдонимами исполняет свою роль обворожительной виновницы всевозможных бед и злополучий». По мнению американского слависта, Розанов, обожавший Достоевского, «именно этим странным браком с женщиной на много лет старше его, пытался установить какую-то таинственную, внутреннюю связь со своим вдохновителем»⁹.

Отношения между Достоевским и Сусловой и между Розановым и Сусловой с фрейдистских позиций освещены в биографической книге американского литературоведа и критика Марка Слонима (Marc Slonim) «Три любви Достоевского», вышедшей в 1954 г. в Нью-Йорке¹⁰.

Именно непреодолимые препятствия, на которые Розанов натолкнулся в своем стремлении получить развод после оказавшегося неудачным брака с Сусловой, обусловили, по мнению А. Штаммлера, яростные нападки на все церковные постановления и правила, относящиеся к вопросам бракосочетания и развода.

Вторая женитьба Розанова – на Варваре Рудневой – оказалась чрезвычайно счастливой, хотя и считалась «официально незаконным сожительством, пока Розанов не достиг наконец расторжения злополучного союза с “Суслихой”»¹¹, отмечает А. Штаммлер.

Ольга Матич (Olga Matich) – американский славист, профессор Калифорнийского университета в Беркли, в книге «Эротическая утопия» / «Erotic Utopia»¹² рассматривает произведения В.С. Соловьёва, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А. Белого,

3.Н. Гиппиус, В.В. Розанова, созданные в кризисную эпоху «русского духовного ренессанса» конца XIX – начала XX в.

Связывая начало «эротической утопии» с именем В.С. Соловьёва, исследовательница отмечает, что авторами дальнейших метафизических построений в области любви и пола явились «супруги-символисты» З. Гиппиус и Дм. Мережковский, «поэт-символист» А. Блок и «философ, критик и журналист» В. Розанов.

Но если у В.С. Соловьёва любовь мыслилась как «абстрактно-теоретическая категория философско-религиозной системы, носившей «рассудочно-рационалистический, холодный характер», то у Розанова, «с его живой религиозностью», любовь обретала другое качество: она представлялась как «полнокровная» и «земная». Розанов, в отличие от Соловьёва, стремился «очеловечить» неземную любовь, связав ее с семьей и бытом.

О. Матич подчеркивает, что обращение Розанова к проблемам любви и пола имело не только мировоззренческий, но и сугубо личный характер и было связано с невозможностью оформить брак по церковным законам. Гражданский, «невенчанный брак», незаконнорожденные дети – все это заставляло Розанова пересматривать свое отношение к христианскому толкованию пола и семейной жизни. Проблема пола – центральная в философии Розанова. Его взгляды восходят к утверждению пола как основополагающей категории в жизни общества. Именно через призму пола он рассматривал философию, религию, культуру и политику. По мысли философа, пол – это соединение плоти и духа, та интимная и сокровенная область, где человек прикасается к Божественной тайне. Пол для В.В. Розанова – это воплощение природного начала, которое неразрывно связано с религией. Писатель утверждает святость семьи и рассматривает брак как реальное, а не формальное таинство.

По мнению американской исследовательницы, сочинения Розанова, отражая противоречивые взгляды его поколения на эрос, совмещают два противоположных представления о сексе. Первое – «прокреативное», на которое опирается его любовь к целому; второе, основанное на «фетишизации излишеств (излияние телесных жидкостей)», порождает религиозные, сексуальные и литературные «фетиши». Розанову удалось создать особый жанр, вмещающий оба направления.

Главная идея розановской философской концепции, по мнению О. Матич, заключалась в раскрытии сокровенной связи между категорией пола и религией. Розанов утверждал, что религия и пол не только тесно связаны между собой, но и «произрастают из одного корня». По словам Розанова, человек познает Бога «в точке пола». В то же время он подвергает критике основы христианского учения о любви, называя христианство «религией похорон», в которой «прогорк мир», «обледенел»; в нем невозможна «первобытная, языческая радость»; в христианстве «все держится на запретах и ограничениях». Вследствие этого происходит отказ от «радостного мистического эротизма», которым пропитаны вся культура и религия «загадочного Востока». Из-за того, что религия отрицает плоть и пол, у человека возникает желание попробовать «запретный плод», заведомо осуждаемый обществом. «И вот христианство порождает институт монашества, запирая страстный дух человека»: противоречие христианской морали Розанов видел в том, что, с одной стороны, по религиозным понятиям пол всегда греховен, но одновременно во главу угла всегда ставятся семья и брак как условие продолжения рода.

В противоположность основным заповедям христианской религии Розанов обращается к древности, благословляя плоть и половую любовь как источники жизни. В этом утверждении проявился основной антагонизм Розанова с В.С. Соловьевым: когда последний провозглашал в любви проявление личностного начала, его оппонент утверждал силу родовой любви, тем самым сближаясь с пессимистической философией А. Шопенгауэра. Размышления Розанова об эросе в основном ограничиваются бытом, семьей, культом деторождения. Апология семьи и брака определяется у него требованием свободы выбора, в том числе и свободы развода: с его точки зрения, «лишенный любви брак безнравственен».

Проблемы пола стали темой публичного обсуждения даже в столь невероятных условиях, как Религиозно-философские собрания, отмечает О. Матич. С ее точки зрения, эти встречи «стали частью проекта рубежа веков по созданию сексуальной концепции в современных европейских культурах».

Розанов подготовил три доклада, в которых выступал поборником детородного брака и резко критиковал культ девства в христианстве. В каждом докладе он исходил из тезиса, что церковь

терпит брак как неизбежное зло, и обвинял Христа в предпочтении смерти перед жизнью. В фаллической религии Розанова предпочтение отдается началу, а не концу жизненного цикла: краеугольным камнем его религии стал Ветхий Завет – Розанова не привлекало ни монашеское, ни декадентское умерщвление плоти¹³.

О. Матич приходит к выводу, что полемика на Религиозно-философских собраниях имела гораздо более широкий круг значений, чем «просто девство vs брак». Дискуссия стала частью споров между «натуралами», видевшими цель своей жизни «в восполнении природы», и «утопистами-визионерами», искавшими пути «преображения тел». В сущности это была полемика между «практикующими» и «умозрительными» сенсуалистами; между патриархальными традиционалистами и декадентами-утопистами, боявшимися вырождения. В розановском понимании «наследственности» она «была заражена христианским извращением половых инстинктов, которое подорвало здоровье нации». Именно таким, с точки зрения американской исследовательницы, был идеологический подтекст выступлений Розанова на религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. В то время мыслитель «свяzymал свои надежды с возрождением ветхозаветных ценностей, которые должны были стать противоядием от вырождения»¹⁴.

Американская исследовательница подчеркивает, что из этого представления складывается портрет Розанова – человека с последовательной интеллектуальной позицией, корни которой – «в исключительной приверженности браку и деторождению».

В 1886 г. появился объемистый философский труд Розанова «О понимании»¹⁵, в котором он изложил покоящуюся на гегельянских предположениях теорию познаваемости вещей. А. Штаммлер объясняет неуспех этой книги, посредством которой ее автор надеялся найти доступ к академическому миру, тем обстоятельством, что розановские мысли шли вразрез с преобладавшим тогда позитивизмом.

В 1891 г. была опубликована (сначала в журнале, а потом и отдельным изданием) работа Розанова «“Легенда о Великом инквизиторе”. Опыт критического комментария Ф.М. Достоевского». С этого фундаментального труда Розанова началось настоящее изучение романа «Братья Карамазовы», а ее автору удалось привлечь к себе внимание литературных кругов русской столицы.

Американская исследовательница Мария Н. Бенереджи (Marija N. Benerejee) подчеркивает, что свое устойчивое жанровое определение «легенда» – рассказанная Иваном Карамазовым «поэма» о Великом инквизиторе – получила именно благодаря Розанову.

В статье о Розанове и Достоевском американская исследовательница отмечает, что именно в розановской книге впервые утверждается, что «планы Великого инквизитора в отношении человечества носят не религиозный, а политический характер»¹⁶.

«Легенду» о Великом инквизиторе, сочиненную Иваном Карамазовым, Розанов считает душой всего романа, все действия которого только группируются около нее, как вариации около своей темы. Вот почему весь анализ романа и всего творчества Достоевского концентрируется у Розанова именно на «Легенде».

Как известно, задуманный Достоевским роман-эпопея «Братья Карамазовы», в котором главным должен был стать второй роман – «об Алеше Карамазове “уже в наше время”», – остался не завершенным. В первом романе о Карамазовых, как заметил Розанов, изображен лишь процесс умирания старого, а начало зарождения нового «очерчено скжато и извне». Именно в «Братьях Карамазовых» Достоевского, а не в «Анне Карениной» Л. Толстого, как утверждает Розанов, отчетливо проступает «зарождение новой жизни среди умирающей», устремленность в будущее.

Р. Поджиоли в монографии «Розанов» / «Rozanov»¹⁷ отмечает, что в Достоевского Розанов вчитывался всю жизнь, ценил его гибкий, диалектический гений, у которого «едва ли не все тезисы переходят в отрицание». «Не здесь ли истоки антиномий и самого Розанова?» – задается риторическим вопросом американский литературовед. Центральная книга Розанова о Достоевском – книга «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария», по мнению Р. Поджиоли, – не столько литературная критика, сколько «философское размышление о человеке». В критике утвердилась точка зрения, что в этой книге дана религиозно-философская трактовка наследия писателя, однако, по мнению американского слависта, точнее было бы сказать, что Розанов анализирует «Легенду о Великом инквизиторе» (как и все творчество Достоевского) с позиций христианского миросозерцания автора романа. Религиозная основа заключена в самой романной

структуре «Братьев Карамазовых», а не привнесена в нее критиком-Розановым. В этом американский славист усматривает отличие розановской методологии анализа от методологии З. Фрейда, искусственно подстроившего под собственную психоаналитическую концепцию тему отцеубийства в романе Достоевского.

Американский литературовед Эллис Сэндоз отмечает, что «несмотря на огромное число посвященных “Легенде” критических работ, авторами которых выступали наиболее одаренные и подготовленные из специалистов по Достоевскому, значение этой короткой части романа никогда не было раскрыто полностью. Он отвергает точку зрения, согласно которой талант Достоевского-художника заключается по преимуществу в его способности проникнуть в тайники человеческой психики: его искусство «теократично: в центре антропологии Достоевского находится тайна человеческого соучастия в Божественном бытии»¹⁸.

В отличие от религиозно-философской трактовки «поэмы» и ее чисто христианской интерпретации, предложенной Р. Поджиоли, американский литературовед Эллис Сэндоз (Ellis Sandoz), защитивший в Мюнхенском университете в качестве докторской диссертации свою книгу «Политический апокалипсис» / «The Political apocalypses»¹⁹, приводит доводы в пользу толкования ее с позиций политологии.

В качестве метода выявления скрытого смысла «крайне сложной по содержанию “Легенды”» Э. Сэндоз предлагает серию «ассоциативных подходов»²⁰ и приходит к выводу, что, выступив против нигилизма, «Достоевский сделал одно из самых важных открытий в политической философии». Писатель «понял, что современные политические массовые движения являются светскими религиями, подражающими науке и направленными на уничтожение Бога и соответственно человеческого в человеке». Политическая мысль Достоевского, утверждает американский ученый, вырастает из неприятия нигилизма, атеистического гуманизма и социализма и поисков «концепции человека, противопоставленной антропологии атеистического гуманизма». Драматизация этих отношений и составляет идейное ядро романов писателя, созданных в 60–70-е годы, и в особенности «Братьев Карамазовых».

Два толкования «поэмы» Ивана Карамазова – «Легенду о Великом инквизиторе» в интерпретации Василия Розанова и в трактовке американского литературоведа Эллиса Сэндоза – анализирует и сопоставляет славист по специальности, доктор философии Джек Ф. Мэтлок, в 1970-е годы занимавший пост посла США в Советском Союзе. Его статья «Литература и политика: Федор Достоевский»²¹ была опубликована в журнале «Вопросы литературы» на русском языке и специально переработана и актуализирована для этого издания.

Наиболее обстоятельным, с точки зрения американского слависта, современным исследованием о «поэме» о Великом инквизиторе явилась монография Э. Сэндоза «Политический апокалипсис».

И Розанов, и Сэндоз обращаются к «Легенде о Великом инквизиторе» и к предшествующей ей главе «Бунт» как к источникам, наиболее полно и точно отражающим «зрелую философию» Ф.М. Достоевского. В «Легенде» в сжатой поэтической форме заключено глубокое религиозное, философское и политическое видение человечества. Если Розанов сосредоточивался на религиозном и этическом значении «Легенды», то Сэндоз, хотя и затрагивает сходные темы, ставит во главу угла значение философии Достоевского для политической теории.

Дж.Ф. Мэтлок обращает внимание на сходство между обществом, созданным в воображении Великого инквизитора, и реальным обществом XX в., установленным тоталитарными политическими движениями. Американский литературовед соглашается с Сэндозом: то, что Достоевский говорит об опасностях современного ему социализма, можно и в самом деле рассматривать как пророчество о тех человеческих и духовных бедах, которые принесли миру тоталитарные режимы XX в., восходящие к традиции, обозначенной в «поэме» о Великом инквизиторе. Концепция человеческой свободы, развиваемая в ней Достоевским, имеет огромное значение для понимания политических структур современности, так же как и его приговор всем рационалистическим, антропоцентристическим учениям.

Анализируя и сопоставляя работы Розанова и Сэндоза, Мэтлок приходит к выводу, что ни тот ни другой «не дают полной, объективной картины сложной и часто противоречивой мысли

Достоевского. Оба критика “Легенды”, однако, и не проецируют на Достоевского свои собственные взгляды; их работы проясняют, а не затемняют мысль автора “Братьев Карамазовых”. И если Сэндоз временами заблуждается, утверждая слишком многое или пытаясь оправдать противоречия, вместо того, чтобы принять их как данность, он тем не менее приводит вполне убедительные доказательства своего основного тезиса»²².

Американский философ Джеймс П. Сканлон (James P. Scanlon) обращает внимание на то, что, затрагивая проблему бессмертия, Розанов возражает Достоевскому. Автор «Братьев Карамазовых» утверждает, что отрицание загробной жизни приводит к дурным следствиям – к хищническому отношению к окружающим. «Если у личности есть только земная жизнь, ей не для чего заботиться о благе ближних, она, ввиду краткости ее существования, будет любыми средствами, вплоть до разрушительных действий, стремиться лишь к достижению как можно больших преимуществ в этом мире²³», – приводит точку зрения Достоевского Дж. Сканлон.

Эти психологические предпосылки писателя вызывали вопросы у многих его оппонентов. Розанов был среди тех, кто не согласился с Достоевским: «Для меня совершенно очевидно и из непосредственных фактов известно, что люди, совершенно не верившие в Бога и загробную жизнь, были людьми в то же время изумительной чистоты жизни, полные любви и ласки к людям»²⁴, – цитирует Дж. Сканлон.

Профессор Канзасского университета Эдит У. Клаус (Edith W. Clowes) подчеркивает, что работа В.В. Розанова существенно раздвигает рамки литературной критики в ее традиционном понимании: это одно из длинного списка превосходных произведений по философской критике, в который, в частности, входят «Бог в творчестве графа Л. Толстого и Ницше» Л. Шестова, «Л. Толстой и Достоевский» Дм. Мережковского и поздняя работа Н. Бердяева «Мироозерцание Достоевского»²⁵.

Вместе с тем О. Матич акцентирует внимание на глубоком «интеллектуальном релятивизме» и непоследовательности розановской мысли. В качестве основного предмета исследования выбраны книги писателя, в которых проявилась его одержимость «сексом, вырождением, кровью и “расой” (нацией)»: «Люди

лунного света: Метафизика христианства» (1911–1913) и «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914). Первая – исследование гомосексуальности, которое Розанов поместил в контекст христианской демонизации секса и теории вырождения. Вторая, по определению О. Матич, – «антисемитская диатриба, которая противоречит его юдофилии и отражает расистский взгляд на вырождение»²⁶. Исследовательница рассматривает обе книги в качестве образца «идеологических и эстетических колебаний Розанова (чтобы не сказать скользкости), они обнажают фантазии и предрассудки, которые скрываются за страхом дурной наследственности и беспокойством о здоровье нации»²⁷.

Вершины своей писательской деятельности Розанов достиг между 1911 и 1915 гг., когда он, после напряженной работы в областях философии, литературной и художественной критики, социологии, педагогики, журналистики и публицистики опубликовал свои собрания афоризмов, фрагментов и автобиографических наблюдений и размышлений «Уединенное», «Мимолетное» и «Опавшие листья», отмечает А. Штаммлер. На этих произведениях, вместе с «Апокалипсисом нашего времени», вызванным катастрофой 1917–1918 гг., и поконится литературная слава Розанова. Короткие годы славы, но и нападок со стороны его литературных, политических и религиозных противников – «тем не менее все-таки годы славы».

С точки зрения О. Матич, эти сочинения Розанова представляют собой уникальный палимпсест раннего модернизма. Писатель довольно часто кидается из одной крайности в другую, но основные проблемы, занимавшие его, видны сквозь каждый новый слой. Исследование случая Розанова выявляет типичные для времени навязчивые идеи на фоне экспгибиционистского прославления фаллического секса. Если использовать терминологию М. Фуко, то окажется, что Розанов в большей степени, чем другие русские писатели, воспринимал «все социальное тело» как «сексуальное тело»²⁸. В его гимне детородному сексу просвечивает желание повернуть ход вырождения эпохи и влить в народ здоровую кровь.

Американская исследовательница обращает внимание на то, что Розанов назвал жанр «опавшими листьями» – этот образ дал заглавие одному из самых известных его сочинений. Оно состоит из разрозненных, разнородных фрагментов, иногда напоминающих

дневниковые записи, собранных в некоторое подобие целого; подзаголовок вполне метафоричен: «Опавшие листья: Короб первый» и «Короб второй». «Восстанавливается ли в “коробе” целое – вопрос, но, безусловно, новый повествовательный жанр ставил под вопрос отношения части и целого», – отмечает исследовательница²⁹.

Фетишизм, который, согласно М. Фуко, «подчинен игре целого и части», – один из основных тропов декадентского искусства. Осознавая собственные намерения, Розанов часто использует слово «фетиши» и называет себя «фетишистом мелочей», под которыми он, очевидно, понимает свои излюбленные физические мелочи повседневной жизни: «“Мелочи” суть мои “боги”»³⁰. Каковы бы ни были наши выводы о восстанавливающей силе части в сочинениях Розанова (по мнению В. Шкловского, предвосхитивших эстетику авангарда), его фетишистское мироощущение является воплощением фрагментированной эстетики модернизма³¹. При риторическом подходе Розанова предметы распадаются на части, но не в том парадоксальном смысле, как его понимали декаденты-утописты. Так, Соловьёв заявлял, что обостренное эротическое влечение должно сосуществовать с практикой воздержания. Розанов откликнулся на этот основной парадокс декадентского утопизма тем, что прославлял деторождение, в то же время сохраняя фетишистское мироощущение.

Ни один другой писатель эпохи символизма не имел столь сложных и напряженных отношений со сферой эротики и теорией вырождения. Философские и сексуальные взгляды Розанова вступали в противоречие со взглядами позднего Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёва, З.Н. Гиппиус и А. Блока – основных героев «Эротической утопии».

Американский славист Наталия Юрьевна Казакова (Natalia Y. Kazakova) в статье «Розанов и символизм», опубликованной в сборнике «Наследие В.В. Розанова и современность», отмечает, что мыслитель выделил смысловую (главную) сущность теории пола.

Розанов, с ее точки зрения, выделяет три мистических монента в жизни человека – Рождение, Брак, Смерть. Но только Брак и Рождение овеяны дыханием Божиим. В этом для Розанова заключена сакральность полового акта. Все, что связано с зачатием,

деторождением, семьей, должно быть окружено ореолом мистического священодействия и преклонения. Для Розанова это чрезвычайно важно. Он находит это в иудаизме, противопоставляя аскетизму христианства. Для него иудаизм основан на полной гармонии, на слиянии Бога и человека, ибо Пол религиозно освящен в этой религии, чего нет в христианстве: «...через Пол льется и бытие наше и разумом мы постигаем Вселикий»³².

Н.Ю. Казакова отмечает, что откровения Розанова в этом вопросе производили сильное впечатление на его современников³³. Его доклады в религиозно-философских собраниях вызывали наиболее жаркие дискуссии, к тому же данная проблематика приводила к открытому противостоянию с ортодоксальным христианством и к поиску мистических путей, к «обновленному религиозному сознанию». Идеи Розанова активно использовались для декларации нового христианства: «Русский Ницше» – так назвал его Д.С. Мережковский в своей знаменитой работе «Толстой и Достоевский», отдавая должное смелости розановских оценок и выводов.

Но в области исканий русского эроса Розанов был не только теоретиком, не менее значимой для русского общества начала века «стала стратегия его поведения». Игра, устранение общепринятых условностей, смещение нравственных акцентов, нарочитый эротизм, отрицание определенных аспектов морали, декларация имморализма, литературность поведения были неотъемлемой частью бытия русских символистов, умышленно трансформировавших литературные реалии в бытовые. Исторический контекст требовал от жизни углубленного эстетства, но нарочитый имморализм Розанова шокировал даже уже привычное ко многому русское общество, но мыслителя никогда не останавливалась «весомость и категоричность нравственного императива».

Стратегия розановского поведения строилась на смене социокультурных кодов (Лотман) в историческом контексте XX в. «Скандал Розанова» (сотрудничество в двух разных идеологических изданиях, одновременная публикация двух разных точек зрения на одно и то же событие, поддержка самой реакционной точки зрения в «деле Бейлиса») стал единственной формой его творческого бытия. Розанов умышленно ломал стереотипы в восприятии «текста жизни»³⁴.

Категория моральной ответственности принимает для Розанова самые причудливые формы, лишаясь главной своей составляющей – чувства «ответственности перед самим собой». «Лукавый Розанов, прикрываясь маской своего имморализма, декларирует релятивизм в высшем его проявлении – в выборе. В многогранности жизни находит Розанов оправдание своей нравственной противоречивости, он всегда “в мире неясного и нерешенного”».

«Неоднозначность оценок, смена суждений, множественность точек зрения на один и тот же предмет – в этом для Розанова сущность и тайна мира, “неясного и нерешенного”». Розанов, нарочито нарушая общепринятые законы бытового поведения, творил «миф о себе, ограничивая его игровым пространством своего творчества». Эта позиция, как отмечает американская исследовательница, привела Розанова к полному разрыву с кругом русской либеральной интеллигенции, и прежде всего с кругом русских символистов, а внутренние духовные искания привели его к сближению с декадентами.

Розанов чутко реагировал на любые проявления нового в искусстве и литературе: уже в 1896 г. появилась статья Розанова «Декаденты». Впервые она была опубликована в «Русском Вестнике» в качестве рецензии на сборники «Русские символисты», чуть позже материал был перепечатан под названием «О символистах и декадентах».

Писатель сразу же увидел, что под именем символизма и декадентства появился новый род литературного творчества, «резко отделяющийся и по форме и содержанию «от всех когда-либо возникавших»³⁵. Явление это безусловно нерусское, привнесенное в Россию из Франции, из ультрареализма Мопассана и Бальзака. Между тем Розанов, относясь к возникновению символизма весьма скептически, сразу отметил наиболее характерные его черты. На его взгляд, это «общее тяготение к эротизму»³⁶, беспросветный эгоизм (обращенность только к себе) и неограниченные возможности развития в культуре.

Н.Ю. Казакова подчеркивает, что «теоретически Розанов отнесся к возникновению символизма отрицательно, но в действительности все было несколько иначе». Акценты, поставленные Розановым в статье, посвященной символизму, уже тогда говорили о сложности восприятия им этого явления «в социоисторическом

и культурном пространстве рубежа веков». Обращение Розанова к новым темам, обусловленным личной ситуацией, заставило его искать самые неожиданные пути для их художественного воплощения. Именно в кругу эстетствующей интеллигенции экстравагантные идеи нового сотрудника «Нового Времени» и получили наибольшее понимание³⁷.

В 1897 г. состоялось знакомство Розанова с Мережковскими. Первоначально взаимоотношения сложились весьма дружески. Д.С. Мережковский – русский европеец и светлый иностранец, по словам Розанова, «среди иноязычных» был одним из самых талантливых и интересных оппонентов.

Благодаря Мережковским Розанов стал печататься в журнале А. Бенуа и С. Дягилева «Мир искусства». Как правило, в журнал попадали наиболее оригинальные статьи Розанова. Не обошлось и без драматических дискуссий. Последняя полемика между Розановым и Вл. Соловьёвым состоялась на страницах именно этого журнала (знаменитая полемика о судьбе и трагической гибели А.С. Пушкина, которая и привела к окончательному разрыву Розанова с философом). Сами «мирикусники» порой довольно скептически оценивали художественные вкусы Розанова. Так, Бенуа писал в воспоминаниях, что Розанов любил отступления от основной темы, описание деталей, иногда немотивированные переходы от одной темы к другой, яркие сравнения. В этом проявлялось своеобразие его стиля. Н.Ю. Казакова цитирует А. Белого, который вспоминал, что в определенный период своего развития «В “Мире Искусства”, журнале, далеком от всякой церковности, только и слышалось: “Мережковские, Розанов”»³⁸. Розанов печатался в журнале с начала и до конца его существования, в 1899–1904 гг.

И тем не менее Мережковские мечтали о своем собственном издании, которое и удалось организовать. После разрешения проводить религиозно-философские собрания вопрос о создании собственного издания встал особенно остро. Так появился журнал «Новый путь». Идеологически он был гораздо ближе Розанову, чем «Мир искусства». Розанов не просто в нем сотрудничал, а получил рубрику «В своем углу». В ней он и печатал свои откровения о Ветхом Завете.

Розанов был одной из самых значимых фигур в этом издании. Именно в период работы в «Новом пути» он создал свою

«диалектику еврейского мифа» в истории человечества, обосновывающую его теорию Поля. А феноменологическое зрение мыслителя выделило смысловую (главную) сущность. Апеллируя к категории абсолютного мифа в данном вопросе, Розанов противопоставил категории «сущность – явление» и синтезировал данную антиномию в символизме: «абсолютная антиномия есть символизм»³⁹.

Однако, по мнению Н.Ю. Казаковой, при внешнем негативном отношении Розанова связывало с символизмом парадоксальное внутреннее единство. Парадоксальным образом именно Василий Розанов и стал первым предвестником «новой литературы», трансформировав в свою прозу некоторые теоретические концепты русского символизма. Афористичность изложения, его метафоричность, передача неуловимых оттенков чувств, сближения метафизики с явлениями повседневного быта, контрастные переходы от самого высокого потустороннего до самого низкого – «вот отличительные черты прозаического слова Розанова».

Само название его книги – «Опавшие листья» – глубоко символично, подчеркивает Н.Ю. Казакова. Безвозвратно ушедшие, прожитые мгновения человеческой жизни, словно опавшие листья с дерева земного бытия. Осознание связи и смысла существующего не только в сфере земного, реального, но и в ином, метафизическом пространстве сближает Розанова с символистами, как и новаторство его прозы. «С другой стороны, осязаемая вещественность, бытовая и бытийная предметность, “фетишизм мелочей” приводит Розанова к особому типу литературной работы»⁴⁰, подчеркивает американская исследовательница. «Своебразие простой бытовой реальности под пером Розанова доходило до космических обобщений. Разбросанные, пестрые мысли и раздумья в самых неожиданных контекстах образовали уникальное направление. Этот «роман без мотивировки», как назвал трилогию Розанова В. Шкловский, открывал новые литературные возможности для русской прозы XX в.

О. Матич отмечает, что розановскую манеру речи и письма сравнивают с шепотом: отдельные записи, из которых состоят его книги, напоминают нарочито фрагментарную речь, нашептываемую в ухо собеседнику. Умозрительно его «фирменный стиль тайных нашептываний» воспринимается как нечто, стирающее границы между телом и языком. «Интимные вербальные жесты

Розанова» выполняют функции своего рода моста между языком и чувственным миром, создавая иллюзию непосредственного обращения к чувственному опыту. «Хотя риторические стратегии Розанова неповторимо индивидуальны, в них отразилось декадентское желание нарушить жесткую границу между языком и телом; стремление эпохи проникнуть в полости тела частного человека и вернуть литературу к феноменальному, “плотскому” опыту, из которого, как полагал Розанов, и выделилось письмо», – приходит к выводу американская исследовательница.

Н.Ю. Казакова отмечает, что в январе 1909 г. Розанов опубликовал в «Новом времени» письмо, которое сообщало о его выходе из Религиозно-философского общества, во главе которого фактически стоял Д.С. Мережковский. Это положило начало разрыву отношений с Мережковскими. Незадолго до этого Розанов опубликовал несколько критических статей в адрес А. Блока, с которым он был знаком еще со временем сотрудничества в «Новом пути», обвиняя поэта в непонимании и равнодушии к религиозным исканиям русской интеллигенции. Статьи, как отмечает Н.Ю. Казакова, отличались «злобным сарказмом». Резкий поворот Розанова к национализму и консерватизму после убийства Столыпина и публикации по поводу «дела Бейлиса» привели к полному разрыву с кругом Мережковских и исключению его из Религиозно-философского общества, т.е. «к фактической изоляции от определенного слоя русской интеллигенции», – резюмирует американская исследовательница.

«Итог странной и болезненной раздвоенности души Розанова», по мнению А. Штаммлера, заключается в «резигнации изречения, содержащегося в “Опавших листьях”: “Конечно я умру *все-таки с Церковью*, Церковь *мне неизмеримо большие* нужна, чем литература (совсем не нужна) и *духовенство все-таки* всех сословий милее. Но среди их умирая, я все-таки умру с какой-то мукой о них...”»⁴¹ – пророчество, которое сбылось. Не синодальная церковь, не «все лицемерное жеманство буржуазной морали были настоящими противниками Розанова, а скорее смерть в его собственной груди», – подчеркивает американский славист. Розанов, «горячо стремившийся к тому, чтобы быть исконным и вместе с тем возрожденным язычником, стал христианином, когда налетела смерть. В его произведениях трагическая, вполголоса запе-

ваемая мелодия смерти и небытия аккомпанирует наиболее страстным дифирамбам плоти, половой любви и космического инстинкта деторождения: «Я говорил о браке, браке, браке, а ко мне шла смерть, смерть, смерть»» («Уединенное»)⁴².

Этот культ «людей лунного света», которые «улетучиваются в пространства неясного и нерешенного», это христианство было и «его религией». То, на что он неустанно нападал: аскетизм православной церкви, с ее иноческим человеконенавистничеством, и мещанский пуританизм – все это таилось и в самых глубинах розановской души: «Он боролся с основными настроениями своего собственного морального и метафизического Я, проектируемыми вовне. Отсюда и безвыходность этой борьбы, и отсюда никогда не покидавшее знание о неизбежной капитуляции на смертном одре»⁴³, – отмечает американский славист.

«Конец Розанова был горестным. Домашние несчаствия обрушились на него, нежнейшего мужа и убежденного *pater familias*. Революция и гражданская война разрушили его домашнее гнездо, лишили труда и хлеба». Замученный голодом и болезнью, он искал убежища у монахов, и в конце концов совершенно обессилев в скучном убежище, предоставленном ему монахами в Сергиевом Посаде, «смириенно взял он обратно все свои проклятия и богохульства, благословляя всех, кого прежде обижал и огорчал», покаявшись и соборовавшись. Очи ему закрыл его духовник и друг о. Павел Флоренский.

Об отношениях Розанова и о. Павла Флоренского написана статья Ю.П. Иваска, приуроченная к 100-летию со дня рождения Розанова. В ней сопоставлены духовные искания двух «великих христианских мечтателей» – Розанова и о. Павла Флоренского⁴⁴.

Литературная дружба связывала Розанова с еще одним русским мыслителем, давшим обет монашества, – Константином Леонтьевым. А. Штаммлер отмечает, что Розанов оказался одним из очень немногих, кто сумел оценить этого «глубокомысленного философа истории», этого поистине «неизнанного феномена», как позже называл Розанов Константина Леонтьева.

В том же, 1956-м, юбилейном розановском году Ю.П. Иваск издал в Нью-Йорке избранные произведения Розанова, предварив их собственным обширным предисловием.

Касаясь вопроса о восприятии и продолжении розановской традиции в современной философии, А. Штаммлер отмечает, что на Западе «виталистический иррационализм», или «космический пантеизм» наследовался «от Джорджано Бруно, Якова Беме и Уильяма Блейка до романтических психологов, Шопенгауэра и Баховена, чтобы в конце концов подняться могучим пламенем в произведениях Ницше. Он искрит в поэзии Уитмена, пропитывает сочинения Д.Г. Лоуренса и оставляет, намеками, свои следы в умозрительных построениях Бергсона и Ортеги-и-Гассета. Со своей стороны, Розанов в России не имел такой традиции; он, правда, нашел поклонников, равно как и противников, но не учеников. В России он был единственным сознательным представителем этого существенного направления в мышлении и древнего, и нововременного человечества. Уже по этой только одной причине Розанов заслуживает почетное место в русском Пантеоне»⁴⁵.

В середине 1960-х – 1980-е годы вполне закономерным представляется появление книг русских писателей-постмодернистов, в которых явственно прослеживается обращение к художественно-философскому наследию Розанова, а в названиях этих книг, как правило, даже указано его имя: А. Терц «Мысли врасплох» (1965) и «Концентрат парадокса – “Опавшие листья” В.В. Розанова» (1982); В. Ерофеев «Василий Розанов глазами эксцентрика» (1973), М. Берг «Между строк, или Читая мемории, а может, просто Василий Розанов» (1982), Д. Галковский «Бесконечный тупик» (1988).

Эдит У. Клаус в статье «Эксцентричное самосознание: Розанов глазами Абрама Терца и Бенедикта Ерофеева», опубликованной на русском языке в сборнике «Наследие В.В. Розанова и современность», отмечает, что дореволюционная русская философия поражает своей долгой жизнью вопреки всем превратностям русской культурной политики XX в.

Советская власть на протяжении всего советского периода пыталась всячески истребить только что появившиеся ростки родной философской традиции и предать общекультурному забвению память самих философов – Н. Бердяева, Л. Шестова, С. Булгакова и В. Розанова. В неофициальной культуре советской эры наибольшей популярностью пользовался Розанов, выделявшийся среди других русских философов своей эксцентричностью. Известна

притягательная сила розановского мышления для писателей очень разного закала, таких, например, как В. Шкловский и М. Пришвин.

Творческая рецепция розановской мысли у В. Ерофеева проявилась в его уникальном произведении двойного жанра рассказ-эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» (1973). Перекличка с философией Розанова простирается еще раньше в произведениях литературного двойника Синявского Абрама Терца, в частности в его философских отрывках «Мысли врасплох» (1965). В обоих произведениях рассматривается ключевой вопрос, который связывает дореволюционное время с постсоветским: «вопрос о творческой роли эксцентричного сознания». «Мысли врасплох» и «Василий Розанов глазами эксцентрика», по мнению Э. Клаус, явились «первыми выражениями постутопического менталитета, который можно обозначить как “надорванное самосознание”». Такое эксцентричное самосознание не принимает советский идеал человека, который Терц описывает как бездумного «дурака»⁴⁶, а Ерофеев – как мускулистого бесчувственного «крепыша»⁴⁷. Розановский афористический «поток сознания» служит для каждого из этих писателей как бы «противоядием», которое позволяет выжить в атмосфере вредного для мыслящего человека советского догматизма.

В «Мыслях врасплох», по мнению Э. Клаус, розановское влияние можно увидеть в любви Терца к уединению и в его акцентировании внутреннего духовного мира человека. В последних афоризмах Терц констатирует, что «пора о душе подумать» и что жизнь «состоит в выращивании души»⁴⁸. Он предпочитает жить в уединении, и, пренебрегая религией, считает, что официальная церковь (имеется в виду официальная церковь советской эпохи) «ведет себя как нетленная мумия, ожидающая часа, когда будет сказано “Встань и иди!”»⁴⁹. Как и Розанов, Терц утверждает «оживляющую роль ереси в религии».

Философия Розанова предлагает Терцу освобождение от культа личности, от иерархичности советского склада ума и от официальной религии. Именно акцент на «душе» и интуитивном познании, по мнению американской исследовательницы, роднит Терца с его предшественником, отличая их обоих от других философов начала XX в., с их сосредоточенностью на духовном понимании личности как «ясной, целостной, самопорождающей самости», выдвинутой Н. Бердяевым.

Синявский-Терц был первым писателем «оттепели», который признался в своей духовной близости Розанову, узрев в его мышлении освобождение «от советской иерархичности, от догматической набожности, словом, от “хозяина”». Ересь в его понимании – путь «к живой вере, к живому Богу». Но несмотря на ход мыслей Терца, восприятие им розановского мышления в «Мыслях врасплох» представляется американской исследовательнице менее глубоким, чем у Ерофеева.

Э. Клаус рассматривает философско-эссеистическое повествование В. Ерофеева «Василий Розанов глазами эксцентрика» как своего рода притчу о возвращении в русскую письменную культуру утерянной, но в высшей степени актуальной дореволюционной философии. Сам Ерофеев отождествляет себя с Розановым – с человеком и художником. С одной стороны, в повествовательной структуре этой «притчи» просвечивается мелодраматическое, «униженное и оскорбленное» настроение, а с другой – ироническое издевательство над собственной личностью. Ерофеев-писатель изображает себя как «подпольного человека-философа», испытывающего сильную неприязнь к юному «сверхмужественному» идеалу, пропагандируемому советским тоталитарным режимом.

Во многих отношениях Ерофеев продолжает линию, начатую Розановым в русской словесности: он специально раскрывает запретные темы и употребляет нецензурные слова. В этом смысле «досоветский философ и внутренний эмигрант поздней советской поры взаимно спасают и оживляют друг друга: Ерофеев спасает Розанова от бесчестных похорон под глыбами мертвленного советского стереотипного мышления, а Розанов “дает” Ерофееву новую стратегию и оружие, чтобы выжить в советском аду»⁵⁰.

Вступив в литературу после духовно губительного сталинского культа личности с его характерным восхвалением мускулистого, бесчувственного, бессмысленного «крепыша», и Терц, и Ерофеев нашли в философии Розанова нужное им противоядие. В своей книге о Розанове «“Опавшие листья” В.В. Розанова» А. Синявский обратил внимание на «гипертрофию» идеи о личности и персонализме в философии начала XX в.⁵¹

При более внимательном изучении книг, очерков и статей Розанова оказывается, однако, что он не принадлежал ни к какой партии, а стоял сам за себя, отражая свой безграничный эгоцен-

тризм также и в судьбе писателя, мыслителя и публициста, подчеркивает А. Штаммлер. Так, например, в 1905 г., во время первой русской революции, он сочувствовал бунтарской стихии и высмеивал растерявшуюся царскую бюрократию. Так как всякая бюрократия была ему противна, не трудно себе представить, какой сарказм, какие насмешки вызывал у него раздутый аппарат современного Welfare state как тоталитарного, так и демократического пошиба. В связи с этим А. Штаммлер высказывает несогласие с покойным профессором Ренато Поджиоли, высказавшим предположение, что «Розанов, в конце концов, перешел бы к большевикам». Напротив, он закончил тем, что в «Апокалипсисе нашего времени» проклинал и «революцию» и «прогнившее насквозь Царство»⁵², отмечает А. Штаммлер.

«Самого переменчивого из всех русских писателей... неутомимого экспериментатора и испытателя собственной души – Розанова и все, что он написал, нельзя свести к стройной системе, будь то хронологической, философской или богословской. Некоторые из критиков пытались якобы “спасти” Розанова и все, что он написал, односторонне подчеркивая его положительные религиозно-православные мечтания и недооценивая его кощунственные выпады не только против церкви, но и самого Христа. С другой стороны, непозволительно определять его сущность и как гуманистический витализм, – не обращая при этом внимания на потрясающую серьезность и правдивость его христианского исповедания и покаяния на смертном одре»⁵³, – приходит к выводу американский славист.

¹ Розанов В.В. Собр. соч. М., 1996.

² Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / Сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2011.

³ Николюкин А.Н. В.В. Розанов в американской и русской критике // Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов (Розанов, Хлебников, Ахматова, Мандельштам, Бахтин). М.: ИНИОН РАН, 1990. С. 22–45.

⁴ Казнина О.А. // Материалы Международной научной конференции / Сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 259–266.

⁵ Штаммлер А.В. В.В. Розанов // Русская религиозно-философская мысль XX века / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург, 1975. С. 312.

- ⁶ *Poggiali R.* The Phoenix and the Spider. A book of essays about some Russian writers and their view of the self. Cambridge, Mass., Harv. univ. press. 1957.
- ⁷ *Stammller A.H.* Vasilii Vasil'evich Rozanov als Philosoph. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistic. Bd. 5. Wilhelm Smitz Verlag in Gissen, 1984.
- ⁸ Там же. – С. 310.
- ⁹ *Штаммлер А.В.* Указ. соч. С. 311.
- ¹⁰ *Слоним М.Л.* Три Любви Достоевского. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953.
- ¹¹ *Штаммлер А.В.* Указ. соч. С. 307.
- ¹² *Matich O.* Erotic utopia: the Decadent imagination in Russia's fin de siècle. Madison: Wisconsin univ. press, 2005. Цитируется по: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание в fin de siècle в России / Авторизованный пер. с английского Е. Островской. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- ¹³ *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание в fin de siècle в России. С. 237.
- ¹⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁵ *Розанов В.В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / Подгот. текста и comment. В.Г. Сукача. Вступ. ст. В.В. Бибихина. М.: Тананс, 1996.
- ¹⁶ *Benerejee M.N.* Rozanov on Dostoevsky / Slavic and East European journal. Madison (Wis.), 1971. Vol. 15, N 3. P. 419.
- ¹⁷ *Poggiali R.* Rozanov. N.Y., 1962.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 83.
- ¹⁹ *Sandoz E.* The Political apocalypce. München, 1973.
- ²⁰ *Ibid.* P. 84.
- ²¹ *Мэтлок Дж.Ф.* Литература и политика: Федор Достоевский // Вопросы литературы. М., 1980. № 7. С. 48–60.
- ²² Указ. соч. С. 59–60.
- ²³ *Scanlone J.* Dostoevsky the thinker – Itaca and London: Cornell univ. press, 2002. P. 35. Цитируется по русскому изданию: *Сканлон Дж.* Достоевский как мыслитель / Пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. СПб.: Академический проект, 2006. С. 55.
- ²⁴ *Розанов В.* Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 2. С. 428.
- ²⁵ *Розанов В.* «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. СПб., 1891.
- ²⁶ *Матич О.* Указ. соч. С. 307.
- ²⁷ Там же. С. 258.
- ²⁸ *Фуко М.* История сексуальности. Т. 1 // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Кастань, 1996.
- ²⁹ *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание в fin de siècle в России. С. 310.
- ³⁰ Там же. С. 250.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 251.

- ³³ Казакова Н.Ю. Розанов и символизм // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / Сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2011.
- ³⁴ Там же. С. 83.
- ³⁵ Розанов В. Собр. соч. «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». М., 1996. С. 410.
- ³⁶ Казакова Н.Ю. Указ. соч. С. 84.
- ³⁷ Там же С. 81.
- ³⁸ Белый А. Встреча с Мережковским и Зинаидой Гиппиус // Белый А. Начало века. М., 1990. С. 193.
- ³⁹ Казакова Н.Ю. Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁰ Там же. С. 85.
- ⁴¹ Там же. С. 84.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Штаммлер А.В. В.В. Розанов. С. 313.
- ⁴⁴ Иваск Ю.П. Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1956. № 42. С. 151–158.
- ⁴⁵ Штаммлер А.В. В.В. Розанов. С. 313.
- ⁴⁶ Терц А. Мысли врасплох // Собр. соч.: в 2 т. М.: Старт, 1992. Т. 1. С. 314.
- ⁴⁷ Ерофеев В. Василий Розанов глазами эксцентрика. Оставьте мою душу в покое: почти все. М., 1995. С. 149.
- ⁴⁸ Терц А. Указ. соч. С. 334.
- ⁴⁹ Там же. С. 335.
- ⁵⁰ Клюс Э. Эксцентричное самосознание: Розанов глазами Абрама Терца и Венедикта Ерофеева // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / Сост. А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2011. С. 244–252.
- ⁵¹ Синявский А. «Опавшие листья» В.В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. С. 16.
- ⁵² Штаммлер А.В. В.В. Розанов. С. 313.
- ⁵³ Там же. С. 306–307.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Б. Паренко

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ: К 200-летию рождения

Аннотация. В статье анализируются жизненный путь и научное наследие отечественного филолога, историка литературы и искусства, профессора Московского университета Федора Ивановича Буслаева, внесшего большой вклад в развитие сравнительно-исторического метода в языкоznании.

Ключевые слова: Ф.И. Буслаев; языкоznание; филология; история литературы; история искусства; Московский университет; сравнительно-историческое языкоznание; «О преподавании отечественного языка»; «Опыт исторической грамматики русского языка»; «Мои воспоминания».

Rarenko M.B. Fedor Ivanovich Buslaev: To the 200th anniversary of birth

Summary. The article deals with the life and scientific heritage of the Russian philologist, historian of literature and art, Professor of the Moscow University Fedor Ivanovich Buslaev, who made a great contribution to the development of historical and comparative method in linguistics.

Keywords: F.I. Buslaev; linguistics; philology; history of literature; history of art; Moscow University; comparative and historical linguistics; «The Teaching of the Russian Language»; «The Experience of Historical Grammar of the Russian Language»; «My Memories».

Кто понял сравнительное языкознание, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, т.е. русским, и между чужеземным. Столь же недостаточно изучать только свое, не ведая чужого, как и толковать только о чужом, ни во что ставя свое.

Ф.И. Буслаев
«О преподавании отечественного языка»
(1844, с. 9)

Федор Иванович Буслаев (13 [25] апреля 1818, Керенск, Пензенская губерния – 31 июля [12 августа] 1897, Люблино, Московская губерния) – отечественный лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы, действительный член Петербургской Академии наук (1860), ординарный академик, тайный советник (1877), родился в семье секретаря уездного суда. Как потом Ф.И. Буслаев напишет в книге «Мои воспоминания», годы детства, отрочества и юности будущего ученого протекали в среде простодушнопатриархальных отношений «провинциального мелкого люда» (Буслаев 1897, с. 71) в условиях тяжелых материальных лишений, горькой бедности семьи.

Когда мальчику исполнилось всего пять лет, его отец тяжело заболел и был переведен для лечения в Пензу, однако лечение не помогло, и в 1823 г. он скончался. Вся забота о ребенке легла на плечи матери, оказавшей сильнейшее и благотворное влияние на формирование характера сына, целиком посвятившей себя его воспитанию и образованию. О своей матери Федор Иванович до конца жизни сохранил самые светлые и нежные воспоминания. В «Моих воспоминаниях» Ф.И. Буслаев очень трогательно вспоминал ее: «Моя матушка, дочь армейского офицера Ивана Андреевича Андреева, участвовавшего в Суворовском походе через Альпы в Италию, родилась в г. Керенске в 1802 г., а в 1816-м, четырнадцати лет от роду, вышла замуж за моего отца Ивана Ивановича Буслаева, состоявшего в должности керенского уездного стяпчего. В начале XVIII столетия его прадед Аким Никитич был “с приписью подьячий” керенской канцелярии воеводского правления,

жалован указом Петра Великого в 1723 г. поместным окладом “ста шестидесять четвертями”.

Будучи шестнадцати лет, моя матушка родила меня 13-го апреля 1818 г., а когда мне минуло только что пять лет, я остался при ней сиротою. Вот что значится в ее записной книжке, которую я берегу вместе с ее письмами: “Первое мое замужество – в 1816 г. ноября 8-го дня. Жила с мужем шесть лет и шесть месяцев и двадцать пять дней, т.е. он скончался 1823 года июня 3-го числа, и с тех пор-то веду дни бедственные”» (Буслаев 1897, с. 47).

По наследству от отца к матери Буслаева перешли несколько человек дворовых, с которыми у нее поддерживались отношения патриархального склада: «У матушки, по наследству от ее отца, а моего деда, была крепостная дворня. Овдовев, осталась она с хорошими средствами, которые не только обеспечивали ее существование, но и давали возможность располагать удобствами жизни» (Буслаев 1987, с. 52).

Будучи женщиной умной, деятельной, настойчивой, она, хотя и не получила систематического образования, много читала и приобрела, судя по ее письмам, слог живой и сердечно-искренний, став, по признанию самого Буслаева, его настоящей наставницей по занятиям литературой наряду с гимназическим учителем словесности. Ф.И. Буслаев вспоминает, что в их доме была библиотека, как и в доме его дяди, которого они с матушкой часто навещали: «У моей матушки была своя собственная маленькая библиотечка, так сказать, фундаментальная, которая потом изредка и случайно пополнялась новыми изданиями. Она состояла из старинных книг XVIII в. и досталась ей по наследству от моего деда и отца, который принадлежал, говоря относительно и в самом умеренном скромном смысле, к образованной молодежи уездного города Керенска. О степени его развитости я могу судить по его товарищам и друзьям, которые десятками лет пережили его и которых я хорошо знал. Это были мой двоюродный дядя, Андрей Сергеевич Сергеев, и помещик Керенского уезда, Иван Асафович Броницкий, сын которого, Александр Иванович, женатый на княжне Енгалычевой, был помощником библиотекаря в библиотеке Московского университета. Когда я учился в гимназии, мы с матушкой часто бывали у моего дяди в Керенске, и я хорошо помню его довольно большую библиотеку, размещенную на полках в двух шкафах, под

стеклом. Тут впервые увидал я многотомные издания “Образцовых Сочинений” и “Российской Вивлиофики”, а также “Московский Телеграф” Полевого и “Телескоп” Надеждина» (Буслаев 1897, с. 71–72).

Переехав в 1823 г. в Пензу, мать купила дом в живописном уголке города, на крутом берегу реки. Этот дом Буслаев также описал в «Моих воспоминаниях»: «Наш дом был с мезонином и выходил к набережной палисадником, в котором были разбиты между клумбами цветов дорожки, покрытые песком; вдоль решетчатого забора поднимались невысокие кусты сирени и воздушного жасмина. Передняя часть дома состояла из залы и гостиной, которая для нас с матушкой была вместе и кабинетом, где мы оба читали какую-нибудь книгу или я учил уроки, а она что-нибудь работала» (Буслаев 1897, с. 50).

Через два года, в 1825 г., мать Ф.И. Буслаева вышла замуж во второй раз, однако брак оказался неудачным: «Вотчим не только пьянировал, пропадал по целым неделям и возвращался домой как бешеный, но и вконец разорил состояние моей матушки» (Буслаев 1897, с. 56); в 1830 г. отчим Буслаева умер от холеры, оставив жену с сыном и двумя маленькими дочерьми без средств к существованию. Буйства горького пьяницы отчима, разорение и бедность оставили глубокий след в душе впечатлительного мальчика, но не надломили и не озлобили его. Он только стал, по собственному признанию, робким, застенчивым и опасливо-осторожным, и эти особенности отмечались затем у него на протяжении всей жизни. В автобиографической книге «Мои воспоминания» он напишет: «Ничто так не скрепляет дружбу, как страдание вдвоем, и в это скорбное, безнадежное время я стал для матушки не только горячо любящим сыном, но и задушевным искренним другом, с которым она вместе страдала и проливала горькие слезы» (Буслаев 1897, с. 56); «Несчастье сильно способствует развитию детей...»; «Будучи только двенадцати лет, я уже чувствовал и поступал, как взрослый, когда дело касалось злополучий матери» (Буслаев 1897, с. 56, 58).

В 1828 г. после годичного обучения в приготовительном пансионе Буслаев поступил в Пензенскую гимназию. «Гимназический курс продолжался тогда только четыре года и состоял из четырех классов, с тремя уроками в день, по два часа на каждый из

них, всего шесть часов; два урока до обеда с 8 часов утра и до 12-ти и один после обеда, с 2 до 4-х.

Я поступил в гимназию десяти лет, в 1828 году и оставался в первом классе два года, а окончил курс пятнадцати лет, в 1833 году. Тогда принимали учащихся в университет не моложе шестнадцатилетнего возраста, и мне пришлось по окончании курса пробыть в Пензе целый год, что принесло мне великую пользу, дав мне возможность пополнить пробелы гимназического обучения и подготовиться к университетскому экзамену» (Буслаев 1897, с. 58–59).

В первом классе гимназии среди учителей Буслаева был В.Г. Белинский, преподававший русский язык и, как можно предположить, оказавший влияние на формирование его взглядов на язык и литературу. Многие дисциплины в гимназии преподавались довольно посредственно – многие учителя надеялись на то, что гимназисты смогут самостоятельно освоить преподаваемые ими науки: «Большую часть времени в гимназии мы проводили сами по себе, так сказать, по методу взаимного обучения, без надлежащего руководствования и наблюдения со стороны учителей. Мы слушали, что один из нас читал, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили с иностранных языков на русский, изготавливали свои сочинения. Между тем учителя ходили взад и вперед по классу и разговаривали между собою, всегда двое: в нижнем этаже – учителя первого и второго классов, а в верхнем – третьего и четвертого; внизу обыкновенно избирался для прогуливания второй класс, а в верхнем – четвертый. Потому в обоих этих классах наши оригинальные опыты льготного взаимного обучения несколько нарушались хотя бы и пассивным надзором находившихся налицо учителей, которые сновали из стороны в сторону перед нашими скамейками, впрочем, мало обращая на нас внимания» (Буслаев 1897, с. 63).

Юному Буслаеву запомнился учитель словесности по фамилии Евтропов, который, как вспоминал впоследствии ученый, сам много читал гимназистам, прививал им любовь к чтению произведений новейших писателей того времени, прежде всего В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др. Федор Иванович Буслаев писал: «В Пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах

и в лекциях с кафедры Московского университета» (Языков 1897, с. 379). В «Моих воспоминаниях» он писал: «Из самого раннего детства очень хорошо помню я балагурную книжку: «Не любо – не слушай, а лгать не мешай», и презантный по коловратным запутанностям интриги роман «Английский милорд Георг»...

С той же ранней поры я знал о существовании Робинзона Круэз и Дон-Кишота (так называли тогда Дон-Кихота), с при соединением немногих подробностей о их похождениях; только не помню, откуда получил я эти сведения, – сам ли я читал, или слышал от матушки. Надобно вам знать, что после Ясона Петровича Евтропова она была для меня главною воспитательницею и наставницею в литературе. Большую часть поэтических произведений в стихах и прозе мы читали с нею вместе, попеременно – то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтение, сидя рядом со мной за рукодельем.

Хотя и увлекалась она сентиментальностями XVIII в., во вкусе Жан-Жака Руссо, Карамзина или князя Долгорукова, но отдавала решительное предпочтение новым веяниям романтизма в произведениях Жуковского, и многие из его баллад знала наизусть и любила их декламировать» (Буслаев 1897, с. 74–75).

Стесненные материальные условия вынудили юного Буслаева уже в 14-летнем возрасте давать частные уроки за небольшую плату.

В 1833 г. Буслаев окончил гимназический курс и в течение следующего года изучал греческий и латинский языки. В 1834 г. он едет в Москву и поступает на отделение словесных наук, преобразованное позднее в филологическое отделение философского факультета.

Исключительно теплые отношения сохранились у Ф.И. Буслаева с матерью до самой ее смерти, случившейся в 1836 г., когда ей было всего 34 года.

Среди университетских профессоров наибольшее влияние оказали на Буслаева М.П. Погодин, С.П. Шевырев и И.И. Давыдов. По рекомендации Погодина Буслаев знакомится с «Немецкой грамматикой» Я. Гrimма. Особую благодарность высказал в «Моих воспоминаниях» Ф.И. Буслаев Давыдову: «Оканчиваю свои воспоминания об Иване Ивановиче Давыдове изъявлением ему моей сердечной благодарности. По его указанию и совету, я впервые

познакомился с таким филологическим сочинением, которое впоследствии оказало решающее влияние на мои ученые работы. Это было исследование Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии языков индогерманских (т.е. индоевропейских)» (Буслаев 1897, с. 123). Для Шевырева он составил систематический свод русских грамматик. Для чешского слависта П.И. Шафарика снял копию с Толковой псалтири XI в. В университетские годы, как и позднее, Буслаев активно изучает иностранные языки; он владел немецким, французским, итальянским, испанским, древнееврейским, санскритом, польским, болгарским и другими языками.

Молодой Буслаев отличался трудолюбием и усидчивостью; он с увлечением занялся наукой, упорно и последовательно учился у старших, перенимая у известных профессоров все наиболее ценное, что нужно будущему ученому: тщательность в изучении конкретного материала, использование первоисточников, иностранной и отечественной литературы по избранной теме, словом, стремился усвоить все тонкости методики и техники научного труда.

Окончив в мае 1838 г. университетский курс кандидатом словесного отделения философского факультета, Ф.И. Буслаев был назначен на работу в качестве сверхштатного учителя русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии. Преподавание в гимназии он совмещает с работой домашнего учителя в семьях известных аристократов – Боде, Самарина, Строганова. Надо отметить, что от преподавания в гимназии не осталось у Ф.И. Буслаева никаких воспоминаний: «Мне дали место сверхштатного учителя русского языка в младших классах второй московской гимназии. Я начал службу 18 августа и раза четыре в неделю отправлялся из Кремля в далекий путь через Покровку и Басманную, к самому ее концу, где на углу Разгуляя стоит эта гимназия.

Странное дело: мое учитительство в этой гимназии прошло мимо меня, как тень, не оставив по себе в памяти ни малейшего следа. Сколько ни стараюсь, не могу вызвать в своем воображении ни стен, ни обстановки тех классов, где я преподавал, ни того, как, чему и кого я учил...» (Буслаев 1897, с. 152).

Примерно в это же время Буслаев по рекомендации профессора И.И. Давыдова и инспектора студентов П.С. Нахимова поступил домашним учителем в семейство гофмаршала барона Льва

Карловича Боде и переселился из казеннокоштного общежития в еще студенческом вицмундире в подмосковное имение барона, Подольского уезда, в село Покровское-Мещерское, куда чуть раньше перебралось семейство Боде на лето. Буслаеву в течение года предстояло готовить 14-летнего сына барона Михаила Львовича (дружеские отношения с Михаилом Львовичем у Буслаева продолжались всю жизнь), который был моложе Буслаева всего на шесть лет, в старший класс пажеского корпуса, а двух младших дочерей барона – Александру Львовну и Елену Львовну – учить русскому языку.

Чуть позже к двум ученицам прибавилась третья – их троюродная сестра Анна Петровна Колычева, круглая сирота, после смерти своего отца поступившая под опеку и на попечение ее тетки, баронессы Натальи Федоровны.

Свой опыт работы в качестве домашнего учителя в доме барона Боде Ф.И. Буслаев также описал в «Моих воспоминаниях»: «Мне предоставлялось давать уроки Михаилу Львовичу из русской грамматики, истории и словесности по моему собственному разумению, потому что никакой учебной программы у нас не было, да и никто о ней не заботился, а я и подавно. В пензенской гимназии мы пробовались, как вы уже знаете, самоучкою, без всякого порядка и системы. Мои жалкие педагогические попытки в студенческие годы были не настоящим делом, а плохою поделкою, не пробою пера, а каракулями. Теперь приходилось самому, без посторонней помощи и без всяких пособий, производить первый настоящий опыт на учительском поприще с ответственностью экзамена моему ученику. Всю надежду возлагал я на сведения, вынесенные мною из университета» (Буслаев 1897, с. 133–134).

Как писал Буслаев, «оставив теорию в стороне, я избрал метод практический, и тем более потому, что он вполне согласовался с предметами моих уроков, с родным языком и отечественною историою, которая в общих чертах была уже несколько знакома Михаилу Львовичу» (Буслаев 1897, с. 135), который «уже не только умел разбирать церковную грамоту, но и достаточно понимал церковнославянский язык» (Буслаев 1897, с. 135). «Положив в основу наших занятий чтение и рассказ или письменное изложение прочитанного, я соединил вместе уроки истории с изучением языка, слога и литературы, разумеется, придерживаясь для себя некоторой

системы в постепенном ознакомлении моего ученика с каждым из этих разнородных предметов и не обременяя его внимания излишними подробностями» (Буслаев 1897, с. 135–136).

В конце мая 1839 г. Ф.И. Буслаев неожиданно для себя получает предложение поехать за границу в качестве домашнего учителя детей графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, которое с удовольствием принимает: «Сам попечитель Московского университета предложил мне отправиться с его семейством на два года в Италию, чтобы там давать уроки его детям. Через несколько дней он дал мне маршрут и денег, сколько нужно для переезда от Москвы до Дрездена, где я должен буду ожидать графиню с детьми из Карлсбада, а его самого из Москвы.

Впоследствии я узнал, что этим решительным поворотом в судьбе всей моей жизни я был обязан рекомендации барона Льва Карловича, который в самых лестных похвалах отзывался графу об успехах моего преподавания сыну его, Михаилу Львовичу» (Буслаев 1897, с. 154).

Почти два года (1839–1841) Буслаев проводит главным образом в Италии, где, помимо выполнения обязанностей домашнего учителя (следует отметить, что у Буслаева была возможность самостоятельно определять что и как преподавать своим подопечным), много занимается самообразованием – изучает античные древности, искусство и творчество Данте. Вспоминая о двух годах, проведенных за границей, Ф.И. Буслаев пишет: «Не удивляйтесь, если скажу вам, что с этого самого вечера (дня отъезда. – *M. P.*) в продолжение всего двухлетнего пребывания моего за границею настал для меня беспрерывный светлый праздник, в котором часы, дни, недели и месяцы – представляются мне теперь нескончаемою вереницею все новых и новых каких-то радужных впечатлений, нечаянных радостей, никогда прежде не испытанных наслаждений и захватывающих дух поразительных интересов» (Буслаев 1897, с. 156–157).

Описывая свою преподавательскую деятельность, Буслаев отмечает: «Я преподавал детям русскую историю, грамматику и словесность, но не одну только ее теорию, т.е. риторику и письму, а также и историю литературы, пользуясь, сколько нужно и возможно, лекциями С.П. Шевырева. В научных материалах для этого

предмета за границею я не чувствовал никакого недостатка, потому что в Неаполе ожидала нас довольно полная библиотека русских книг, достаточная не только для уроков моим ученикам и ученицам, но и для собственных специальных занятий моих» (Буслаев 1897, с. 190).

Поездка Буслаева с семьей графа С.Г. Строганова по Западной Европе (помимо Италии он побывал в Германии и во Франции) сыграла важную роль в становлении ученого. Она дала ему возможность ознакомиться с замечательными произведениями мирового, в том числе античного, искусства, что оказало сильное влияние на научные взгляды и интересы молодого ученого: именно в этот период он увлекается древним искусством, создает ряд работ по археологии, древней живописи: «Мои свободные часы между завтраком и обедом ежедневно проводил я в музее, за исключением праздников, а по вечерам вел записки о том, чему и как научился я в тот день: мне казалось, будто я составляю лекции, которые прослушивал в аудиториях Московского университета. Для этой вечерней работы я пользовался, по указанию графа Сергея Григорьевича, одним многотомным изданием, которое он приобрел по приезде в Неаполь и все сполна передал в мое распоряжение» (Буслаев 1897, с. 195). Особенno произвела впечатление на молодого Буслаева Италия: «Сосредоточив все свои интересы на изучении археологии и искусства в связи с историою литературы, повсюду в Италии я ни на что другое не обращал свое внимание, как только на такие предметы, которые могли удовлетворять этим моим интересам. Гуляя по улицам и площадям города, я видел здания, дворцы и церкви, портики, фасады и колоннады, а людей, которые мне встречались, и не замечал; для моих взоров существовала тогда только местность, а не обыватели, которые ее населяют. Улицы с жилыми домами и заросшая высокою травою и кустарником пустырь с развалинами античных или средневековых построек складывались для моего воображения в одно целое. Я весь поглощен был монументальностью Италии и постольку же мало обращал внимание на ее жителей, как и на разнообразные красоты ее природы. Впрочем, и сами итальянцы имели для меня некоторый интерес, но только по отношению к изучаемым мною памятникам искусства и вообще старины. Мне казалось, что жители этой страны и существуют теперь для того только, чтобы охра-

нять заветные сокровища великого прошедшего в своих городах и услужливо показывать и объяснять их иностранцам» (Буслаев 1897, с. 187–188).

Вернувшись в 1841 г. в Москву, Буслаев продолжил работать домашним учителем в семье графа, но также стал преподавать русский язык в 3-й Московской реальной гимназии: «Мы поселились на Знаменке в доме князя Гагарина (ныне Бутурлиных), против самой церкви. Моя комната была наверху, окнами на двор. Граф оставил меня при себе, поручив мне давать уроки обеим его дочерям и младшему из моих учеников, Григорию Сергеевичу, так как Павел Сергеевич, выдержав экзамен, поступил в Московский университет по юридическому факультету. Кроме того, я определен был учителем в третью московскую гимназию, что на Лубянке, называвшуюся тогда реальною. На домашние и гимназические уроки приходилось на каждый день не больше трех часов, и мне оставалось много времени для моих собственных занятий» (Буслаев 1897, с. 271).

В 1842 г. он получает место помощника к профессорам русской словесности Московского университета для разбора письменных работ студентов. В эти годы появляются его первые публикации в виде статей, рецензий, обзоров в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки». Отчасти идея заняться проблемами методики преподавания русского языка была навеяна поручениями графа Строганова: «Когда мало-помалу я втянулся в эту неизвестную мне до тех пор дидактическую область и, наконец, сильно ею заинтересовался, тогда граф, удостоверившись в частых беседах со мною о моих быстрых успехах, стал давать мне разные поручения, имевшие своим предметом распространение и вовлечение надлежащего метода в обучении русскому языку и словесности в училищах и гимназиях Московского учебного округа. Я должен был составлять по этому делу краткие циркуляры, а иногда и целые статьи, которые в печатных брошюрах рассыпались по всему учебному округу. После студенческих работ, о которых я уже говорил вам, это были мои первые самостоятельные опыты, удостоившиеся печати. Из них помню два – оба относятся к 1841 году» (Буслаев 1897, с. 271–272).

Эти работы по вопросам обучения русскому языку и словесности рассыпались по всему Московскому учебному округу (попе-

чителем округа был С.Г. Строганов). В своих воспоминаниях, говоря об этом периоде жизни и работы, Буслаев пишет: «Хотя я и приобрел на практике некоторый навык в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднялся, как следует вести дело с многолюдным классом учебного заведения. Мне недоставало теории, которая бы расширила мой кругозор» (Буслаев 1897, с. 271). В эти годы Буслаев много читает (в распоряжении молодого ученого очень кстати оказалась богатая библиотека С.Г. Строганова), он знакомится с трудами В. Гумбольдта, Ф. Боппа, Р. Раска, А.Х. Востокова, Я. Гримма и других ученых. Всю лингвистическую деятельность Буслаева в сильной степени определило новое в те времена и чрезвычайно плодотворное учение о языке, известное под названием сравнительно-исторического метода. Одновременно он интересуется проблемой методики преподавания русского языка. Свои педагогические взгляды Буслаев имел возможность проверять на практике, посещая школы, знакомясь с опытом многих преподавателей. В 1841 г. Федор Иванович составляет комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику В. Половцева «Русская грамматика для русских». Эта работа Буслаева, явившаяся как бы методическим пособием к данному учебнику, также рассыпалась в качестве руководства по учебным заведениям. Итогом его практической и теоретической деятельности в тот период становится книга «О преподавании отечественного языка», опубликованная в 1844 г. и вышедшая в двух частях.

Работа Ф.И. Буслаева сразу привлекла внимание как преподавателей Московского университета, так и работников гимназий, поскольку представляла собой первый в истории методики русского языка научный труд, в котором автор (молодой, 26-летний) стремится научно обосновать задачи, методы и приемы обучения родному языку в школе.

Как было показано выше, на протяжении многих лет Ф.И. Буслаев органично совмещал преподавательскую деятельность с ученой, и его исследование «О преподавании отечественного языка» (М., 1844. Ч. 1–2) стало результатом его осмыслений многолетнего преподавания русского языка как в качестве домашнего учителя, так и преподавателя в Московском университете.

В «Предисловии» к своему труду Ф.И. Буслаев пишет: «Занимая средину между низшими и высшими учебными заведениями, гимназия, за исключением немногих предметов, равняется первыми классами с низшими училищами, а последними с первым курсом университета: потому и говорю о преподавании отечественного языка вообще, хотя разумею, по преимуществу, преподавание гимназическое. Имею более права говорить о гимназии, ибо, будучи в ней преподавателем, частию привожу в действие на практике те основания, которые предлагаю читателям в этом сочинении» (Буслаев 1992, с. 25). Описывая структуру работы, Ф.И. Буслаев подчеркивает, что она состоит из двух взаимосвязанных между собой частей: «Разделяю его на две части: в первой метода преподавания, во второй самый предмет. Учитель должен не только знать свой предмет, но и уметь передать, что знает: о знании во второй части, об умении в первой. Должен смотреть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщает ученикам: путь к дальнейшему изучению во второй части; мера, сколько сообщить ученикам – в первой» (Буслаев 1992, с. 25).

Объясняя причины, заставившие его обратить свое внимание на написание труда по преподаванию русского языка, ученый отмечает: «В настоящее время вопрос о преподавании отечественного языка едва ли не более всех других вопросов дидактических занимает педагогов. И действительно, после закона божьего нет ни одного гимназического предмета, в котором бы так тесно и гармонически совокуплялось преподавание с воспитанием, как в обучении отечественному языку. Постепенное раскрытие дара слова и законов оного должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося: ибо *родной язык есть неистощимая сокровищница всего духовного бытия человеческого* (курсив наш. – М. Р.)» (Буслаев 1992, с. 26).

Первая часть работы «О преподавании отечественного языка», объемом 335 страниц, названная «Педагогические начала», была посвящена вопросам дидактики и знакомила читателей с современными взглядами на преподавание родного языка, разными методами обучения, выработанными и уже применявшимися в странах Западной Европы, вводила в мир научно-педагогических интересов. В ней Ф.И. Буслаев подчеркивает принципиальное различие между исследовательскими работами и методическими:

«Надобно отличать ученую методу от учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается» (Буслаев 1992, с. 26), фактически предвосхищая современные требования к преподаванию, подчеркивающие необходимость личностного подхода к учащемуся.

Ф.И. Буслаев считает, что изучение родного языка должно быть систематическим, основываться на тех приемах и методах, которые позволяют учащимся понять и осознать сущность языковых явлений, закономерности тех процессов, которые в языке происходят. Вслед за Я. Гриммом Буслаев различает два способа изучения языка: филологический и лингвистический. В первом случае грамматика – это только искусство правильно писать и говорить, притом обучение ограничивается книжной речью: «Для первого языка есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало-помалу сживается с древним языком и, долго и непрерывно упражняясь взглядываться в него и чувственно и духовно, так усваивает себе его образ и состав, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно условливаются друг другом, так что с возрастанием уразумения речи и поэзии богатеет и содержание для грамматики» (Буслаев 1992, с. 28). При втором подходе язык рассматривается как предмет сравнительно-исторического изучения с целью выявления законов его изменения и развития. Ученый пишет: «Другой род изучения, лингвистический, углубляется в язык, как в непосредственную цель свою и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкоучение можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать сво-

бодное движение всех его членов и подслушивать нежное его дыхание» (Буслаев 1992, с. 28).

Обращаясь к имевшимся на тот момент учебникам, признавая их сильные стороны, Ф.И. Буслаев видит их главный недостаток в отсутствии методической направляющей: «Для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматик Востокова и Гречи, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая *личности учащегося* (курсив наш. – *M. P.*), между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики... Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова. Как часть непонятна без целого, так и целое без частей: часть речи понятна тогда, когда известна речь; а самая краткая и простейшая форма речи есть *предложение*» (Буслаев 1992, с. 30). Таким образом, Буслаев фактически говорит о необходимости, во-первых, комплексного подхода при изучении языка, а во-вторых, коммуникативно ориентированном, предвосхищающем веяния XX столетия. Рассуждая о способе преподавания, Буслаев выделяет два: «Или заставляют ученика самого доискиваться и находить то, чему хотят научить его, или же предмет преподаваемый дается ему готовый, без всякого с его стороны *пытания*» (Буслаев 1992, с. 32), называя первый «гейристическою методой», а второй – «историко-догматическою». Рассуждая о достоинствах каждой из них, он пишет: «Иные противополагают гейристическую методу строго научной или систематической, почитая характером последней нисхождение от отвлеченного к конкретному, а первой – восхождение от конкретного к отвлеченному. Несправедливы те, которые полагают сущность гейристической методы в разговорном, диалогическом изложении, а историко-догматической в сплошном рассказе: метода эротематическая и акроаматическая основываются только на внешнем изложении, не касаясь сущности самого дела. Применимость той

или другой методы условливается отчасти предметом преподавания (объективно), отчасти личностью учащегося (субъективно). Так, все историческое и положительное не может преподаваться гейристически, ибо ученик никоим образом не дойдет своим собственным рассуждением до факта, подлежащего только памяти. Напротив того, эта метода применительна к математике, философии и языку отечественному» (Буслаев 1992, с. 32).

Ученый особое внимание обращает на то, что обучение родному языку и иностранному предполагает разные методы: «Ошибка... в том, что они (учителя, авторы существующих учебников по русскому языку. – *M. P.*) не отличают совершенно противоположных методов в изучении чужого и своего языка. Если мы возьмем в руководство грамматики Востокова, Гречи и др., то, конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методе грамматик для чужих языков: начинаются определением частей речи, склонениями и спряжениями, с не- нужными для детей подробностями, и потом уже предлагают синтаксис. Многие наши педагоги до сих пор все хлопочут о спряжениях да склонениях, и не догадываясь, что русские без правил умеют правильно и склонять и спрягать. Половцев частию применил преподавание русского языка к требованиям русских учеников, но и он не достиг своей цели, предпослав этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое. В ошибку другого рода против отличия в преподавании отечественного языка от иностранного впал Вурст. Хотя, следуя Беккеру, имеет он надлежащее понятие об отношении этимологии к синтаксису, однако в своем руководстве принимает методу латинских и греческих грамматик для изучения правил отечественного языка: перед каждым правилом примеры, а за правилом задачи для упражнения в оном. Всяк видит, что все внимание Вурста обращено на правило как средоточие и примеров и упражнений, а в этом-то и ошибка, ибо правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении» (Буслаев 1992, с. 51–52).

В параграфе, озаглавленном «Метода обучения отечественному языку», Ф.И. Буслаев приводит четыре правила, которым, по его мнению, должен следовать преподаватель отечественного языка: 1) «Приводи дитяти все явления языка таким образом, как

поступает сама природа, т.е. помошю изустного выражения непосредственных представлений, помошю разговора и чтения» (Буслаев 1992, с. 54); 2) «Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа» (Буслаев 1992, с. 56); 3) «С разбором соединяй синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях» (Буслаев 1992, с. 56); 4) «Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием» (Буслаев 1992, с. 57).

Подводя итог рассуждению о том, как должно преподавать отечественный язык, Буслаев приводит 13 положений, «с которыми надлежит соображаться»: 1. Все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно. 2. Грамматика должна быть только прибавлением к чтению, к письменным и словесным упражнениям, она не может быть самостоятелью систематическою наукою в первоначальном обучении. 3. На первой, низшей степени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика). 4. На высшей степени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. 5. Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть генетическая, основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова: она следит за ходом самой природы, безусловно подчиняя ей предмет преподаваемый. По этой методе ученику не дается ничего нового, но только уясняется и приводится в сознание то, что он уже имеет. Этим отличается метода обучения отечественному языку от всякой иной. Остальные предметы преподавания строятся на искусственной системе, родной же язык развивается и уясняется по законам самой природы... 6. Так как язык, кроме знания, предполагает и уменье, потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в искусстве читать, говорить и писать. Все это искусство должно быть основано на практических упражнениях. Доселе грамматика и язык в обучении были две

совершенно разрозненные области, между тем как грамматика, даже как руководство к искусству правильного употребления языка, должна исходить из чтения, разговора и письма. Потому величайшая ошибка многих учителей в том, что они заставляют детей выучивать, напр., правила правописания не в связи с письмом, тогда как учебник должен быть только справочною книгою при диктанте. 7. Чтение и письмо должны идти в параллели с грамматическим обучением; так, напр., как скоро дети узнали предложение, тотчас уже могут отделить одно предложение от другого – при чтении остановкою голоса, на письме знаком (сначала только запятою)... 8. Правописание и словопроизношение не составляют теоретической части грамматики: они суть не что иное, как применение этимологического и синтаксического учения к практике. 9. Постоянно надобно отличать преподавание отечественного языка от иностранного, следов., никогда не говорить детям того, что они знают уже сами; стало быть, и не мучить их склонениями и спряжениями со множеством подразделений и различий... 10. Отечественная грамматика как наука в низших классах заменяет логику, а в высших становится сравнительно-историческою грамматикою. Многие педагоги несправедливо исключают сию последнюю из гимназического курса, между тем как необходимость ее неоспорима – и в практическом отношении, ибо сравнительное языко-знание служит руководством в переводах и облегчает изучение чужих языков, а историческое необходимо для уразумения памятников древней, средней и даже новой литературы нашей; – и в теоретическом, ибо только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму. 11. Как скоро изучение отечественного языка переходит в науку, тотчас должно получить систематический характер. Но поелику система имеет ценность тогда, когда уже знаешь материалы, имеющие быть приведенными в систему, то и систематической сравнительно-исторической грамматике должно предшествовать, с одной стороны, практическое изучение чужих языков в сближении с русским, а с другой – чтение памятников нашей литературы, и древних и новых... 12. Так как много потеряли мы живого сочувствия к родному языку вследствие постоянного его движения и изменения, а частию и порчи,

потому и он, как бы несколько чуждый, заключает для нас много неясного, иногда даже неизвестного, не только в древней нашей литературе, но и в народной речи. Возведение к сознанию всего неясного и неопределенного требует науки отечественного языко-знания, которая, будучи сравнительной и исторической, нисколько не противоречит основным началам гуманизма и примиряет его с реализмом. 13. Отечественный язык и на высшей степени, т.е. сравнительно-исторической, где только возможно, должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного» (Буслаев 1992, с. 67–70).

Во «Введении» ко второй части своего труда, озаглавленной «Материалы для русской грамматики и стилистики», объемом 375 страниц, в которую вошел обширный материал, как теоретический, так и фактический, по истории русского языка, стилистике, необходимый, по мнению Ф.И. Буслаева, учителю, стремящемуся именно научить родному языку, в частности русскому, ученый указывает, что существуют три способа изучения языка – сравнительный, исторический и философский: «В настоящее время наука об языке достигла высокой степени совершенства. Одни филологи исследуют вдруг по нескольку языков древних и новых, азиатских и европейских и сравнивают их между собою; другие берут какой-либо один язык, проходят его по всем наречиям и последовательно ведут его историю от самых древних памятников его литературы до позднейших времен; трети подводят все частные видоизменения грамматических форм к общим философским законам. Первый способ изучения называется сравнительным, второй – историческим, третий – философским. Таким образом, филология разрабатывается теперь и в ширину, т.е. сравнительно, и в длину – исторически, и в глубину – философски. Эти три способа взаимными силами подкрепляют друг друга. Так, исторический обыкновенно идет рука об руку с сравнительным; притом исторический есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени; а сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен. Оба они служат материальной основой способу философскому, который, со своей стороны, освещает идею и совокупляет стройным един-

ством многоразличные и разрозненные факты изучения исторического и сравнительного» (Буслаев 1992, с. 192–193). По мнению ученого, отечественный язык следует изучать сравнительно, и для этого есть все предпосылки: «Состоя в тесной связи со всеми славянскими наречиями и преимущественно с церковным, русский язык необходимо должен изучаться сравнительно; славянское народописание, составленное Шафариком и переведенное на русский язык профессором Бодянским в 1843 г., предлагает материал для сравнительной грамматики славянских наречий; грамматика Боппа связывает славянский язык с индоевропейским» (Буслаев 1992, с. 193).

Во вступительной статье «Ф.И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог» к изданию трудов Ф.И. Буслаева, посвященных проблемам методики преподавания русского языка, вышедшему в 1992 г. под названием «Преподавание отечественного языка», академик АПН СССР, доктор филологических наук, профессор И.Ф. Протченко отмечает, что «методическая система Ф.И. Буслаева, изложенная в книге “О преподавании отечественного языка”, была слишком новой, необычной для своего времени. Лишь в 60-е годы эти педагогические и методические идеи получают широкое и всеобщее признание, многие педагоги подробно разрабатывают намеченные Федором Ивановичем вопросы. В числе этих методистов-учителей были К.Д. Ушинский, В.И. Водовозов, В.Я. Стоюнин и мн. др.» (Протченко 1992, с. 11), и указывает на то, что «проблемы, анализируемые в труде “О преподавании отечественного языка” – объяснительное чтение, метод грамматического обучения, ведение письменных упражнений, преподавание орфографии на начальном этапе обучения, развитие речи учащихся, осмысленное восприятие обучающимися изменений и закономерностей, характерных для развития русского языка, – до настоящего времени находятся в центре внимания методики русского языка», что является свидетельством тому, что «рассматриваемая книга Ф.И. Буслаева не утратила своего значения и в наши дни. И не случайно, что положения методического труда Ф.И. Буслаева постоянно используются в методических работах, статьях, исследованиях советских методистов, педагогов, филологов, в учебниках и пособиях для студентов педагогических институтов, будущих учителей-словесников» (Протченко 1992, с. 12).

Издание книги «О преподавании отечественного языка» сразу же привлекло внимание как учителей-практиков, так и ученых-филологов. На страницах периодических изданий («Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Русский инвалид», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин» и др.) появились многочисленные отзывы. Среди них были не только восторженно-положительные, хотя их было большинство, но и отрицательные. В публикациях того времени, в архивных документах, как указывает в своей статье И.Ф. Протченко (Протченко 1992) имеется немало писем учителей-практиков, приветствовавших выход книги, – по сути, первого методического пособия по преподаванию русского языка с большим количеством готового практического материала, который можно было использовать на занятиях; в ряде рецензий справедливо отмечалось, что вопросы продуманного обучения и воспитания (волнующие всех и давно ожидающие решения) впервые рассмотрены с такой обстоятельностью, новизной, смелостью, так свежо и значительно, что книга Буслаева – это «драгоценный подарок для школы» (цит. по: Протченко 1992, с. 12). Учителя находили в этом труде не только освещение общих проблем методики преподавания родного языка и литературы, но и разъяснение многих частных вопросов грамматического, этимологического, стилистического, литературоведческого и этнографического характера для конкретного анализа на уроках в школе.

В рецензии, опубликованной на страницах «Современника» (1844, т. XXXV), отмечалось, что книга Ф.И. Буслаева является выдающимся и замечательным сочинением, но, по мнению автора рецензии, мысли, высказанные Буслаевым, могли быть с трудом применены на практике, поскольку для воплощения в жизнь этих очень ценных методических принципов ученого-педагога нужно время и специалисты, чтобы подготовить новое поколение учителей, способных не только воспринять эти идеи, но и реализовать их.

Отрицательных откликов также было много. Как пишет Ф.И. Протченко, «представители реакционной журналистики и педагогики – такие как Греч, Булгарин, Сенковский – отзовались о труде Ф.И. Буслаева недоброжелательно, резко критически. Их раздражало то, что Буслаев всесторонне и обоснованно отрицательно отзывался не только об отсталой системе преподавания

языка в школе, но и о тех пособиях, которые эту систему пропагандировали» (Протченко 1992, с. 12).

Критикуя современные ему пособия по обучению русскому языку, Ф.И. Буслаев в одной из своих статей писал: «Наши грамматики можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию» (цит. по: Протченко 1992, с. 12), и его современникам было понятно, что в данном случае ученый-педагог имел в виду грамматику Н.И. Гречи, который был автором популярных учебных пособий по русскому языку и литературе для начальных и средних школ. «Его работы не только не отличались новизной, но и содержали в себе субъективизм в классификации языковых явлений, на что указывали учителя и методисты», — пишет Ф.И. Протченко (Протченко 1992, с. 12–13). Это мнение разделяли и современники. Так, В.Г. Белинский писал: «Кто не согласится, что Грамматика г. Гречи не без достоинств, что в ней есть много дельных замечаний, что ее автор умел иногда кстати пользоваться трудами и открытиями наших филологов? Но кто, вместе с этим, не согласится, что эта грамматика есть не что иное, как сбор, или лучше своз материалов, книга полезная для составителя грамматики, но отнюдь не то, что должно разуметь под наукой в высшем значении сего слова? И притом, сколько странностей, сколько клевет на бедный русский язык!..» (Белинский 1948, с. 122). Практически все, кто был знаком с учебниками Н.И. Гречи, сходились в едином мнении о том, что он «нередко подгонял факты и особенности русского языка под готовые стандарты и формулы зарубежных и русских составителей грамматик, руководствовавшихся принципами универсально-логической теории» (Протченко 1992, с. 13).

Таким образом, вышедшая книга оказалась на злобу дня, она действительно отличалась свежестью идей, направленностью на то, чтобы улучшить преподавание русского языка в школе.

В том же 1844 г. Ф.И. Буслаев печатает две брошюры по методике начального преподавания языка: «Опыт начального обучения отечественному языку» и «О преподавании азбуки в приходских школах».

Летом 1846 г. Ф.И. Буслаев принял решение покинуть гимназию. В этот же период произошло еще одно знаменательное событие в жизни Буслаева: он женился на Анне Алексеевне Сиро-

тининой и, после долгих скитаний по чужим углам, обзавелся своим собственным домашним хозяйством, водворившись на постоянное жительство в Москве.

В конце 1846 г. Иван Иванович Давыдов, получив место директора Педагогического института, оставил кафедру Московского университета и переселился в Петербург. «На его место был принят я в качестве стороннего преподавателя, потому что, не защитив магистерской диссертации, я не имел права быть адъюнктом. Таким образом – говорю это с особенной гордостью – я был в Московском университете первым по времени приват-доцентом. Мне дано было четыре лекции в неделю: две на первом курсе математического факультета по теории словесности и две на втором курсе филологического факультета по сравнительной грамматике и истории церковнославянского и русского языка», – пишет Ф.И. Буслаев в «Моих воспоминаниях» (Буслаев 1897, с. 304–305).

Вспоминая о подготовке магистерской диссертации, Ф.И. Буслаев писал: «Я готовился к своему магистерству по предварительному взаимному соглашению с экзаменаторами. Они хорошо знали о моих успешных занятиях за границею и отнеслись ко мне благородно и снисходительно, не в пример другим, может быть, отчасти и из уважения к графу, который меня любил и жаловал, заботясь о моем образовании. Их было четверо: декан факультета, Иван Иванович Давыдов, должен был экзаменовать меня из теории словесности и языка (из так называемой общей грамматики); Степан Петрович Шевырев – из истории иностранной и русской литературы; Осип Максимович Бодянский – из славянских наречий и Дмитрий Львович Крюков – из философии, так как специального профессора по этому предмету в Московском университете тогда не было» (Буслаев 1897, с. 276).

После защиты магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. По Остромирову Евангелию» (1848) он стал адъюнктом по кафедре русского языка и словесности и приступил к чтению лекций по сравнительной грамматике и истории церковнославянского и русского языков. Основные положения магистерской диссертации Ф.И. Буслаев сформулировал в «Моих воспоминаниях», и сводятся они к следующему: «История языка стоит в теснейшей связи с преданиями и верованиями народа. Древнейшие эпические формы ведут свое происхождение

от образования самого языка. Родство языков индоевропейской отрасли сопровождается согласием преданий и поверий, сохранившихся в этих языках. Славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей. Славянский перевод Евангелия отличается чистотою выражения христианских понятий, происшедшо вследствие отстранения всех намеков на прежний дохристианский быт. Готский перевод Библии, сделанный Ульфилою в IV в., напротив того, являет едва заметный переход от выражений мифологических к христианским и составляет любопытный факт в истории языка, сохраняя в себе предания языческие для выражения христианских идей. В истории славянского языка видим естественный переход от понятий семейных, во всей первобытной чистоте в нем сохранившихся, к понятиям быта гражданского. Столкновения с чуждыми народами и перевод Св. Писания извлекли славян из тесных, домашних отношений, отразившись в языке сознанием чужеземного и общечеловеческого. Отвлеченност славянского языка в переводе Св. Писания как следствие ясного разумения христианских идей, очищенных от преданий дохристианских, усилилась гречизмами, которых, сравнительно с славянским текстом, находим гораздо менее в готском. По языку перевода Св. Писания можно себе составить некоторое понятие о характере переводчиков и того народа, в котором произошел перевод Св. Писания» (Буслаев 1897, с. 309).

Вся последующая научная деятельность Буслаева связана с Московским университетом. В 1850 г. он получил звание экстраординарного профессора, в 1859 г. – ординарного. В 1861–1881 гг. Ф.И. Буслаев возглавлял кафедру русской словесности. В 1867 г. Буслаеву была присвоена степень доктора русской словесности, в 1873 г. – звание заслуженного профессора. С 1852 г. Буслаев был членом-корреспондентом Академии наук, а в 1860 г. он получил звание академика.

Буслаев неоднократно выезжал за границу для изучения истории искусства; в 1863–1864, 1870 и 1874 гг. работал в музеях и библиотеках Германии, Италии, Франции, Чехии, Швейцарии. В последние годы жизни, утратив зрение, диктовал свои воспоминания, до сих пор опубликованные лишь частично (Мои воспоминания. М., 1897).

В 1858 г. Ф.И. Буслаев публикует «Опыт исторической грамматики русского языка» (последующие издания назывались «Историческая грамматика русского языка»). В этом труде Ф.И. Буслаев развивает мысли, отчасти высказанные им в работе 1844 г. Во «Введении» к первой части «Опыта» «Этимологии» ученый пишет: «Язык есть не случайное изобретение, совершенное одним или несколькими лицами, а необходимое выражение дара слова, которым творец отлил человека от прочих животных. Образование языков скрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще. Знаем только, что ни один народ, даже на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился» (Буслаев 1973, с. 147–148). Рассуждая о том, как зарождается язык, Буслаев высказывает идею о том, что «образование частей речи, так и изменений их основывается на законах синтаксических, ибо совершается по требованию мысли» (Буслаев 1973, с. 148). Для ученого совершенно очевидно, что единицей высказывания следует признать предложение: «Мы не имеем никаких исторических свидетельств, на которых могли бы основать предположение о том, что люди сначала пользовались только отдельными членораздельными звуками, потом сложили их в слоги, а слоги в слова и, наконец, связали слова в стройное целое для выражения мысли. Напротив того, из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, из которой выразился дар слова, есть уже целое предложение, что совершенно согласно с существенным назначением дара слова – передавать мысли членораздельными звуками, ибо только в целом предложении мысль может быть выражена» (Буслаев 1973, с. 148), а поскольку «предложение образовалось в разговоре между лицами, а разговор состоит во взаимном сообщении и подробном изложении мыслей, то сочетание мыслей должно было выразиться в языке сочетанием предложений» (Буслаев 1973, с. 148).

В свою очередь, речь ученый определяет как «ряд соединенных предложений» (Буслаев 1973, с. 148).

Логика рассуждений приводит исследователя к тому, чтобы рассматривать «составные части языка» как единое целое – речь: «Все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, кото-

рое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка» (Буслаев 1973, с. 148).

Описывая грамматику русского языка, Буслаев подчеркивает «двойное» употребление языка: «Для изучения законов русского языка равно важны и язык разговорный с его местными видоизменениями, и язык книжный. Просторечие не только расширяет силу закона, стесняемую книжною речью, но иногда вернее и тверже держится первоначального закона, уже нарушенного в речи книжной» (Буслаев 1973, с. 149), утверждая, что «в местных наречиях, менее книжного языка подвергавшихся изменениям, сохранилось больше старины» (Буслаев 1973, с. 149). В качестве примера Буслаев приводит формы глагола «хотеть», употребляемые в книжном языке (*хотим, хотите, хотят*) и просторечно (*хочем, хочете, хотут*), возводя последние к церковнославянским формам.

Ученый настаивает на необходимости отличать в грамматике законы языка от правил: «Грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка», – замечает он (Буслаев 1973, с. 149), в то время как «грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только некоторыми формами» (Буслаев 1973, с. 150). При этом необходимо знать и правила, принятые в языке, и языковые законы: «В употреблении языка принято согласовывать с правилами. Но чтобы понять правило, необходимо знать тот закон, к которому оно относится. Тогда, с одной стороны, легче усвоются правила, а с другой – самое употребление языка в разговоре и на письме становится отчетливее» (Буслаев 1973, с. 150). В качестве примера Буслаев приводит написание слов «сделать» и «здесь», поясняя, что по правилам эти слова необходимо писать именно так, в то время как по законам языка эти слова «должны бы писаться одинаково: или оба с буквою с..., или оба с з» (Буслаев 1973, с. 150), поясняя, что «первого начертания требует производство, последнего – закон изменения звуков» (Буслаев 1973, с. 150).

Как можно видеть даже из нескольких приведенных выше примеров, «современный русский язык представляется совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Одни из них сходны с формами церковнославянского

языка..; другие от них отличны..; иные сохранили на себе остатки древнейшего употребления..; иные старину подновили так, что трудно определить тот закон, по которому они составлены..; иные чисто русские и старинные формы, вытесненные из языка письменного, сохранились в областном просторечии; иные же... удержались как в просторечии, так и в языке книжном...» (Буслаев 1973, с. 150). Такое разнообразие форм может быть объяснено историческим образованием языка, но в отличие от, например, истории искусства, историю языка, по словам Буслаева, нельзя рассматривать как нечто, возникшее из «малых начатков», и затем совершающееся: «Что же касается до языка, то мы не знаем первых начатков его; знаем только, что все языки, в их древнейшую эпоху, нам доступную по оставшимся памятникам, отличаются особенною полнотою и разнообразием форм» (Буслаев 1973, с. 151), поэтому обращение к древнему языку необходимо для того, чтобы «яснее понять употребительные грамматические формы, сблизить их с соответствующими им древними» (Буслаев 1973, с. 151).

Вторая часть «Опыта» была посвящена синтаксису, который Ф.И. Буслаев понимал как «законы сочетания слов» (Буслаев 1973, с. 151). В этой части своей работы взаимоотношения языка и мышления Буслаев рассматривает в большинстве случаев в духе философской грамматики, указывая на исключительную сложность в их отношениях, объясняя это тем, что, хотя язык служит выражением деятельности мышления, мысль развивается независимо от форм языка. Во «Введении» ко второй части, озаглавленной «Синтаксис», он писал: «Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т.е. представлений, понятий и суждений. Поэтому должно знать: 1) что есть представление, понятие и суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими. Сведения о первом предмете заимствуются из науки о мышлении, или из логики; сведения же о втором собственно принадлежат грамматике и касаются того, чем язык отличается от мышления и грамматика от логики» (Буслаев 1973, с. 152).

В зависимости от того, какую мысль говорящий хочет передать, выбирается особый тип предложения: «Когда судим о каком-нибудь предмете, тогда соединяем понятия с понятиями или понятия с представлениями. Например, *птицы летают*, эта комната

общирна. В первом примере понятие *летают* приписывается понятию *птицы*; во втором понятие *общирна* приписывается представлению *эта комната*. В первом примере мы судим о птицах, во втором об этой комнате. Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим (*subjectum, subject*). То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым (*praedicatum, prädicat*). Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение» (Буслаев 1973, с. 154), при этом центром высказывания ученый считает сказуемое: «Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все так называемые безличные глаголы; например, хочется, нельзя, нездоровится и проч.; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего» (Буслаев 1973, с. 154).

Ф.И. Буслаев отмечает, что «язык к мышлению находится в двояком отношении: с одной стороны, формы языка служат точнейшим выражением всех действий нашего мышления, так что, думая про себя, постепенно облекаем каждую мысль в слово; а между тем, с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка и что весьма часто случается встречать затруднения в приискании слов для выражения мысли» (Буслаев 1973, с. 156).

В истории языка исследователь различает два периода – древнейший и позднейший. Он полагает, что с течением времени в языке происходят кардинальные изменения, касающиеся того, какие функции язык выполняет – постепенно язык «теряет свои первоначальные свойства, состоящие в художественном и разговорном характере и отличающие его от свойств логического и отвлеченного мышления, а вследствие этого становится собранием условно принятых знаков, выражающих в своем сочетании только понятия и суждения» (Буслаев 1973, с. 157), т.е., по мнению исследователя, «в древнейшем периоде выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи» (Буслаев 1973, с. 157), а «в новейшем периоде... словам, означавшим первоначально живые впечатления и отношения между лицами,

в разговоре, дается смысл общих отвлеченных понятий» (Буслаев 1973, с. 158). Уделяя большое внимание этимологии, Буслаев объясняет, что «этимологические формы и в том и в другом периоде истории языка стоят в различном отношении к выражаемой ими мысли. В древнейшем периоде мысль находится в теснейшей связи с этимологическою формою, и потому синтаксическое употребление слов оказывается на этимологической форме... В новейшем периоде язык сочетает слово независимо от этимологической формы, на основании только общего смысла, какой дается речениям...» (Буслаев 1973, с. 158).

Буслаев отмечает, что «все языки с течением времени теряют или же искажают первоначальные этимологические формы» и, «подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнообразное употребление слов старинной и народной речи», что в свою очередь приводит к тому, что «синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов» (Буслаев 1973, с. 159).

Исследования Ф.И. Буслаева имели большое значение для развития сравнительно-исторического языкознания. Ф.М. Березин, указывая на некоторую односторонность исторических взглядов ученого: «история языка, по его мнению, связана только с прошлым народа, когда слово воспринимается в своем существенном значении» (Березин 1984 б, с. 63), очень высоко оценил вклад Ф.И. Буслаева в развитие отечественного языкознания: «Буслаев сделал для языкознания очень много – он создал историческую грамматику русского языка. Теоретическое обоснование собранного им богатого историко-лингвистического материала было очень важно для дальнейших исследований» (Березин 1984 б, с. 63).

11 ноября 1859 г. Ф.И. Буслаев получил от графа С.Г. Строганова официальное письмо, в котором тот писал: «М. г., Федор Иванович! Высоко цея ученые труды ваши, я нашел полезным пригласить вас для преподавания его высочеству государю наследнику истории русской словесности, в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа, и имел счастье повергать сие на усмотрение Государя императора, на что и последовало высочайшее его величества соизволение. Во исполне-

нение высочайшей воли сообщено о новом назначении вашем министру народного просвещения.

Извещая о сем, прошу вас, милостивый государь, о составлении по сему предмету программы в том виде, как вы предполагаете вести занятия с наследником, имея в виду годовой срок и лекции по три раза в неделю» (цит. по: Буслаев 1897, с. 330).

Вспоминая занятия с цесаревичем Николаем Александровичем, Буслаев писал: «Лекции я читал в самый ранний час, с которого ежедневно начинались учебные занятия цесаревича, именно с девяти до десяти, по вторникам, четвергам и субботам, а накануне, т.е. по понедельникам, средам и пятницам, весь день я употреблял на составление и тщательную обработку того, что завтра утром буду излагать своему слушателю. Я не читал ему написанное на принесенных с собою листах, а соображаясь с ними, время от времени давал своей лекции форму более оживленной беседы, вызывая его на вопросы в тех случаях, когда, как мне казалось, возможно было с его стороны какое-либо недоразумение. Принесенные листы оставлялись ему для приготовления отчета, которым и начиналась следующая лекция» (Буслаев 1897, с. 334). Впоследствии эти лекции были опубликованы*.

В 1861 г., спустя три года после публикации «Опыта», Ф.И. Буслаев выпускает «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» (1861). В хрестоматию было включено полностью или в извлечениях 135 произведений древнерусской письменности XI–XVII вв., причем 69 из них были впервые опубликованы по рукописям.

В «Предисловии» к «Хрестоматии» Ф.И. Буслаев пояснял, что «памятники, изданные в этой Хрестоматии для изучения древней русской литературы, расположены в хронологическом порядке самого их составления, а не написания тех рукописей, в которых они до нас дошли. Сосредоточивая главный интерес учащихся в литературе, издатель принял на себя обязанность облегчить им грамматические трудности ее языка. С этой целью разнообразие старинного написания, важное в истории языка для специалистов-филологов, подведено в этом издании под общий уровень право-

* Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). Вып. 2. 1905. Ч. 2. 491 с.

писания, систематически выдержанного, с разделением на два периода: 1) на древнейший, от начала письменности на Руси до XIV столетия включительно, и 2) на позднейший, от XV до XVIII столетия. За устраниением описок и разнообразия в начертании одного и того же слова различными способами, письменность 1-го периода (в №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14) оказалось возможным систематически подвести под общие правила правописания древнейшего, а письменности 2-го периода (от № 16 до 43, за исключением № 28) дать правописание новейшее, ныне принятное. Впрочем, как образчики древнего письма, оставлены без исправления №№ 1, 2, 3, 7, 15 и 28» (Буслаев 1870).

Объясняя принципы отбора текстов для их включения в Хрестоматию, Буслаев пишет: «В выборе статей для Хрестоматии предпочтены памятники исторического содержания, как потому, что историческое летописное направление вообще господствует в древней русской литературе, так и для того, чтобы Хрестоматия литературная, сколько возможно, ближе и нагляднее знакомила учащихся с их отечественною стариною, предлагая исторические памятники тех эпох и лиц, с которыми они в общих очерках знакомятся в классе русской истории. С этой же целью распространены в примечаниях объяснения исторические, иногда приводимые собственными словами летописцев и историков, особенно Карамзина. Равномерно и из народной поэзии приведены многие былины содержания исторического» (Буслаев 1870).

Примечательно, что эта книга составлялась для воспитанников «военно-учебных заведений» (т.е. для кадетов), однако ее уровень сопоставим с современными пособиями для студентов-филологов. Заслуживают особого внимания комментарии, данные ученым, к каждому памятнику: поясненийдается немногого, но они отличаются конкретностью и точностью.

На основе «Опыта» и «Исторической хрестоматии» Буслаев подготовил впоследствии новые, облегченные издания: «Учебник русской грамматики» (1869) и «Русская хрестоматия» (1870), которые многократно переиздавались вплоть до начала XX в. Так, изданный в 1869 г. для средних учебных заведений «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянскою, с приложением образцов грамматического разбора» выдержал до конца XIX в. девять изданий, его десятое издание вышло в 1907 г.

Сокращенная версия буслаевской «Хрестоматии» (под названием «Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. Для средних учебных заведений») выдержала 13 изданий, из них последнее – в 1917 г.

Параллельно с исследованиями в области русского языка Буслаев интересуется проблемами отечественной литературы. В 1850-х годах Буслаев обращается к проблемам народной поэзии и древнерусской литературы. В «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», журналах «Отечественные записки», «Москвитянин», «Русский вестник», газете «Московские ведомости» и других изданиях появляются его статьи «Об эпических выражениях украинской поэзии» (1850), «Эпическая поэзия» (1851), «Русские пословицы и поговорки» (1854), «Повесть о Горе и Злосчастии» (1856), «О народности в древнерусской литературе и искусстве» (1857), «О народной поэзии в древнерусской литературе» (1859), «Русская поэзия XI и начала XII века» (1859). Эти статьи позднее вошли в двухтомник фундаментальных «Исторических очерков русской народной словесности и искусства» (1861). Последующие работы Буслаева по фольклору собраны в его книге «Народная поэзия. Исторические очерки» (1887). Среди них особое значение для развития фольклористики сыграли статьи «Русские духовные стихи» (1861) и «Русский богатырский эпос» (1862). Из поздних работ Буслаева особый интерес представляет статья «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873), в которой дается критический обзор основных мифологических теорий второй трети XIX в. Поздние исследования Буслаева, посвященные истории литературы, собраны в его книге «Мои досуги» (М., 1886. Ч. 1–2).

Вышедшие в 1861 г. «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (в 2 т.), в которых Ф.И. Буслаев рассматривал фольклор – «осколки древних мифов» – и выступил последовательным представителем мифологической школы в российской науке, вызвали общественный резонанс: «Ни одно из моих изданий ни прежде, ни после не имело такого успеха в периодической печати, какой выпал на долю моим “Историческим очеркам русской народной словесности и искусства”. И в мелких рецензиях,

и в объемистых статьях одни смехоторвно надо мною издевались и всячески порицали меня, другие восхваляли и усердно защищали от злостных нападок. Первые смотрели на русскую старину и народность, на вековечные, исконные предания и обычаи, составлявшие предмет моих монографий, как на дрянной, никуда не годный хлам, который надо было выкинуть за окно; их противники утверждали, что вопрос о народности с ее старобытными устоями есть один из самых важных и существенных в виду совершающихся перед нашими глазами эманципаций. Таким образом, между газетами и журналами разных оттенков зачалась оживленная и задорная полемика» (Буслаев 1897, с. 355–356).

За эти два тома Академия наук почтила Ф.Т. Буслаева званием ординарного академика, а совет Московского университета возвел в степень доктора русской литературы.

В 1870-е годы Ф.И. Буслаев читал лекции о новом направлении сравнительного метода в изучении мифологии, преданий, народного быта и литературы, а впоследствии напечатал несколько статей на эту тему в «Русском Вестнике». Часть лекций была опубликована во втором томе «Моих досугов».

В 1881 г. Федор Иванович по состоянию здоровья вынужден был оставить преподавательскую работу в университете и вплоть до 1888 г. занимался узкоспециальной научной областью – изучением миниатюр в старинных священных книгах. В 1884 г. Общество любителей древней письменности издало на иждивении графа Сергея Дмитриевича Шереметева исследование ученого «О русском лицевом апокалипсисе» с альбомом рисунков.

В 1887 г., еще до своего 70-летнего юбилея, Федор Иванович Буслаев стал отмечать, что его левый глаз стал хуже видеть. Обращение к окулисту, к сожалению, не возымело никакого действия, и вскоре второй глаз стал хуже видеть. Зрение Федора Ивановича стало все более и более ухудшаться. Летом 1888 г. Ф.И. Буслаев самостоятельно подготовил новое издание своего учебника русской грамматики, внес в него дополнения и изменения. Это была его последняя работа. В течение зимы 1888–1889 гг. зрение настолько ослабело, что Ф.И. Буслаеву врачи запретили самому читать.

Один из друзей Ф.И. Буслаева посоветовал ему заняться диктовкой своей биографии и своих воспоминаний. Воспоминания Ф.И. Буслаев писал (диктовал) в течение 1889, 1890 и 1891 гг.

Осенью 1892 г. «Воспоминания» были окончены. Этот последний труд Ф.И. Буслаева «Мои воспоминания» в 1890 г. начал печататься в журнале «Вестник Европы». В 1897 г. «Мои воспоминания» вышли отдельной книгой.

В июне 1897 г. Федор Иванович поехал на дачу в Люблино, где вскоре окончательно слег, и 31 июля его не стало. Похоронен Федор Иванович Буслаев в Новодевичьем монастыре в Москве. От первого брака у Ф.И. Буслаева был сын Владимир, пошедший по стопам отца и возглавивший гимназию в Серпухове.

Буслаев был человеком самых разносторонних интересов. Помимо филологии, он изучал также древнерусскую иконопись, миниатюры лицевых рукописей, орнамент. Среди наиболее значительных его труды в этой области: «Общие понятия о русской живописи» (1866) и «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX-й» (1884).

Будучи человеком широко образованным, обладающим энциклопедическими знаниями в области гуманитарных наук, Ф.И. Буслаев одним из первых осознал необходимость комплексного подхода к изучению народной культуры, что и наглядно демонстрировал в своих трудах, сочетавших в себе исследования фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания.

Одним из первых Буслаев предложил теоретическое, эстетическое и нравственное обоснование новых сфер научного изучения, таких как русская народная культура, русское народно-поэтическое творчество, древнерусская иконопись. Ему принадлежат основополагающие труды в этих областях, остающиеся актуальными и сегодня; Буслаев стал основателем научных школ и направлений, оставил после себя многочисленных учеников и последователей, среди которых А.Н. Веселовский, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.И. Кирпичников, Н.П. Кондаков.

Буслаев хорошо знал немецкую классическую философию, хотя относился к ее постулатам отчасти критически, большой интерес проявил к трудам немецких романтиков, что отражается прежде всего в его диалектическом видении языка, мифологии и культуры как органически целостных и в то же время внутренне

противоречивых объектов, взятых в аспекте происхождения и внутреннего развития и во множестве внешних связей и отношений.

Еще будучи студентом Московского университета, Ф.И. Буслаев увлекся работами В. Гумбольдта и Я. Гримма, благодаря возврению которых глубоко осмыслил мировоззренческие и историко-культурные функции языка и рассматривал языкоизнание как основу науки о культуре или народном духе. «Из уст Погодина, – вспоминает Буслаев, – в первый раз услышал я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей» (Буслаев 1897). Язык Ф.И. Буслаев понимал как непрерывный творческий процесс: «Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов» (Буслаев 1941, с. 68). Вслед за Я. Гриммом, Буслаев понимал историю языка чрезвычайно широко, рассматривая ее по существу как основу знания об этносе, как прикладную историю культуры: «В культурно-исторической теории Гримма Буслаев видел возможность проникнуть в далекое прошлое народа и найти в языке отражение его культуры, быта и верований», – пишет Ф.М. Березин (Березин 1984 а, с. 60). В работах Буслаева впервые в истории отечественной науки язык последовательно рассматривается как исторический источник, и через все его труды проходит мысль о тесной связи языка и жизни народа, его духовной культуры.

Буслаев придавал универсальное значение сравнительно-историческому методу, активно применяя его не только при изучении языка и языковых процессов, но и русской народной поэзии, мифологии и бытовой жизни. Изучая лексику славянских языков в сравнительно-историческом аспекте, он представил картину славянских верований мифopoэтического периода. Как особую заслугу ученого Ф.М. Березин отмечает тот факт, что Ф.И. Буслаев «впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка» (Березин 1984 а, с. 60). И.Ф. Протченко высоко оценил «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева: «“Историческая грамматика...” Ф.И. Буслаева сыграла большую

и очень значительную роль в истории отечественной филологии. Эта книга стала образцом составления научных грамматик, сравнительно-исторического подхода к анализу языковых явлений для многих последующих поколений лингвистов» (Протченко 1992, с. 16).

Буслаев видел в прошлом народной культуры источник и основание ее современного состояния, а в настоящем – живое присутствие прошлых стадий развития. Принцип преемственности также присущ мышлению Ф.И. Буслаева как исследователя и прослеживается в его трудах по истории языка и эпической поэзии.

Говоря о вкладе Ф.И. Буслаева в развитие отечественного языкоznания и литературоведения, нельзя не упомянуть значительность влияния ученого, ученика С.П. Шевырева (1806–1864), на формирование и развитие романистики, в частности итальянстики, в России. Как отмечает А.П. Лободанов, «исследование Буслаевым итальянского мира счастливо простипалось не только в область сравнительно-сопоставительного изучения литератур, но и в сферу искусствоведения», а в лице Ф.И. Буслаева молодая российская итальянстика обрела «самостоятельного и тонкого исследователя, устремлявшегося мыслью к романским литературам и искусству, в частности Италии» (Лободанов 2015, с. 124).

Таким образом, благодаря Ф.И. Буслаеву филология, история искусств и сравнительно-историческое языкоznание заняли особое место в отечественной научной мысли

Известный филолог XIX – начала XX в. профессор Е.Ф. Будде впоследствии в речи, произнесенной 28 сентября 1897 г., говорил: «Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей русского языка; он дал нам грамматику современного нам русского языка, а не чужого». И далее: «...Вся грамотная Россия добровольно признала в Ф.И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка... Мы все собственно – буслаевцы, мы все его ученики и воспитанники!.. Буслаев был учителем нескольких поколений...» (цит. по: Протченко 1992, с. 11).

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Избранные педагогические сочинения. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948. 191 с.
2. *Березин Ф.М.* Значение трудов Ф.И. Буслаева для развития сравнительно-исторического языкознания // *Березин Ф.М. История лингвистических учений.* М.: Высшая школа, 1984 б. С. 62–63.
3. *Березин Ф.М.* Общеязыковедческая проблематика в трудах Ф.И. Буслаева // *Березин Ф.М. История лингвистических учений.* М.: Высшая школа, 1984 а. С. 60–62.
4. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка (1858) // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина, сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1973. С. 147–169.
5. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М.: Изд. В.Г. фон-Бооля, 1897. 387 с.
6. *Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. М.: тип. Грачева и К°, 1870. XVI, 429 с.
7. *Лободанов А.П.* Ф.И. Буслаев // *Лободанов А.П. Очерки из истории отечественной итальянстики.* М.: Издательство «БОС». С. 115–134.
8. *Протченко И.Ф.* Ф.И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог // *Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка.* М.: Просвещение, 1992. С. 7–24.
9. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина, сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1973. 504 с.
10. *Языков Д.* Федор Иванович Буслаев // *Русский вестник.* 1897. № 9. С. 379.

Список трудов Ф.И. Буслаева

- Буслаев Ф.И.* Испанский народный эпос о Сиде / Соч. Ф.И. Буслаева. – СПб.: тип. Имп. академии наук, 1864. – 98 с. (Записки Императорской академии наук; Т. 5, № 6. Приложение.)
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1–2. Изд. 2-е, передел. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. Т. 1. – 259, [3] с. – Т. 2. – 374 с.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1–2. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: бр. Салаевы, 1868–1869. – [Ч. 1]: Этимология. – 1868. – [4], 276 с. – [Ч. 2]: Синтаксис. – 1869. – [2], 394 с.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. [Ч. 1–2]. Этимология. Синтаксис. – Изд. 5-е – М.: кн. маг. наслед. бр. Салаевых, 1881. – 676 с. разд. паг.
- Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков: Сост., на основании наставления для образования воспитанников

- воен.-учеб. заведений, выс. утв. 24 дек. 1848, Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1861. – [6], II с., 1632 стб., VIII с. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений).
- Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. [Русская народная поэзия]. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – [8], IV, 643 с.: [24] л. ил.; Т. 2. [Древнерусская народная литература и искусство]. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – [6], 429 с.: [110] л. ил.
- Буслаев Ф.И.* Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. – Пг.: Отд-ние рус. яз. и словес. акад. наук, 1917. – IV, [1], 216 с.
- Буслаев Ф.И.* История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). – Вып. 2. – 1905. – Ч. 2. – 491 с.
- Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания: С портр. авт. / [Соч.] акад. Ф.И. Буслаева. – М.: В.Г. фон-Бооль, 1897. – VIII, 387 с., 1 л. фронт. (портр.).
- Буслаев Ф.И.* Мои досуги: Собр. из период. изд. мелкие соч. Федора Буслаева: В 2 ч. – М.: В Синод. тип., 1886. – Ч. 1. – [6], 407 с.; Ч. 2. – [6], 480 с.
- Буслаев Ф.И.* Народная поэзия: Исторические очерки орд. акад. Ф.И. Буслаева. – СПб.: тип. Имп. АН, 1887. – VI, [2], 501 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; Т. 42, № 2).
- Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1848. – 211 с.
- Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка / Соч. Федора Буслаева. Ч. 1–2. – М.: Унив. тип., 1844. – Т. 1. – С. [4], II, V, 335. – Т. 2. – С. [4], III, 375.
- Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка // *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – С. 25–373. *Буслаев Ф.И.* Общие понятия о русской иконописи: С 40 литографир. рис. на 15 табл. и с 5 политипажами в тексте / Соч. Ф. Буслаева. – М.: в тип. Грачева и К°, 1866. – [2], 106 с., 15 л. ил.: ил. – Отд. отт. из Сборника на 1866 г., изд. О-вом древнерус. искусства.
- Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей: Ч. 1–2 / Сост. Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1858. – 2 т. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений). – Ч. 1: Этимология. – [12], XL, 244 с. – Экз. ИНИОН деф.: нет с. 91–94. – Ч. 2: Синтаксис. – X, [2], 428 с.
- Буслаев Ф.И.* Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда: (Четыре лекции из курса об истории нар. поэзии) / [Ф. Буслаев]. – [Москва, 1858?]. – 39 с. Авт. указан в конце текста. – Отт. из: «Атеней». М., 1858. – Ч. 4. – С. 191–229.
- Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. – М.: тип. Грачева и К°, 1870. – XVI, 429 с.

Буслаев Ф.И. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Сост. Федор Буслаев. – М.: Синод. тип., 1884. – XIV, [1], 835 с.

Буслаев Ф.И. Сочинения Ф.И. Буслаева. Сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1–3. Т. 1. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1908. – [2], IV, 552, II, [1] с., 1 л. фронт. (портр.); ил.; Т. 2. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. С 148 рис. в тексте. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1910. – [4], 455, [2] с.: ил.; Т. 3. – Л.: Акад. наук СССР, 1930. – [4], 239 с.: ил.

Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянскою, с приложением образцов грамматического разбора: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. – Изд. 3-е, испр. – М.: в Унив. тип., 1873. – [4], 221, [3] с.

Буслаев Ф.И. Эпизоды из истории Московского университета. – М., 1896. – 10 с.

М.А. Бирюкова, А.Н. Стрижёв
ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ОЛЬГИ ХМЕЛЕВОЙ

Аннотация. Статья обращена к жизни и творчеству забытой детской писательницы 2-й половины XIX в. – О.Н. Хмелевой. Публикуются архивные материалы.

Ключевые слова: О.Н. Хмелева; В.Г. Чертков; Л.Н. Толстой.

Biriukova M.A., Strizhov A.N. The watchful heart of Olga Khmeleva

Summary. The article deals with life and creative activity of the Russian forgotten writer of the 2nd half of the XIXth century – O.N. Khmeleva. Archival materials are published.

Keywords: O.N. Khmeleva; V.G. Chertkov; L.N. Tolstoy.

Писательские судьбы, как и пути Господни, неисповедимы. Вот, казалось бы, само по себе возникло яркое литературное имя, и никому не ведомо, откуда что взялось – изящный слог, такт, мастерское владение сюжетом. Разумеется, всё это результат тщательной внутренней работы, глубокого постижения мира, степени личной культуры прозаика и проявления его таланта. Не всегда такой самобытный огонек долго светит и согревает. Бывает, что мелькнет как бы неожиданно и так же неожиданно пропадет. Нечто подобное произошло с писательницей Ольгой Хмелевой. Ее литературный дебют – «Робинзон в русском лесу» – увлекательная книга о приключениях сельских мальчиков, преисполненных надежд на самостоятельную жизнь в уединении, сразу покорила

читателей захватывающим сюжетом и свежестью изложения. Повесть печаталась под псевдонимом «Качулкова» в 1873 г. в журнале «Семья и школа». Потом выходила не раз отдельной книгой. Кто прочел ее в детстве, запомнил на всю жизнь. Так, известный русский писатель Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942) в книге «Времена» (Париж, 1955) признавался: «Я научился читать пяти лет и в семь сам прочел изумительную книжку “Робинзон в русском лесу”, автора не помню, но лучшей детской книжки не было никогда написано. Она меня завоевала и заполнила целиком мое детское сознание».

Напомним имя автора этой книжки: звали ее Ольга Неоновна Хмелева. О ее происхождении известно немного. Но дворянская фамилия Хмелевых на Псковщине не затерялась. Погост Платично, Торопецкого уезда, отстоит от Пскова в 320 верстах, а в селе том каменная церковь Живоначальной Троицы, ставлена в 20-е годы XIX столетия. Кроме явленной храмовой иконы, украшенной здесь серебряной ризой, там же еще были святые иконы Успения Пресвятой Богородицы и образ почитаемого святого Иоанна Иерусалимского. В этой же церкви и крещена младенец Ольга, предположительно в 1850 г., там же крестили и ее братьев: Леонида (1838), Владимира (1843), Аркадия (1845) и Неона (1851). Родословная Хмелевых известна с XVII в. Весь этот род служил российскому Престолу и за верную службу верстан в дворянство с получением поместных окладов. В семье бережно хранились жалованные грамоты на поместья, выписки с отказных книг и составленная родословная. Герб Хмелевых представлял собою щит, и на красном поле с подложенным золотом сияет золотой крест, а под ним видна серебряная подкова, обращенная шипами вверх. Увенчан щит обыкновенным дворянским шлемом с короною, а над нею изображена взлетающая птица. Род Хмелевых записан в шестой части родословной книги Псковской губернии, а герб внесен в пятую часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи.

Отец писательницы, Неон Александрович (1809–1878), и мать Евдокия Поликарповна (тех же лет) погребены на погосте Платично, где упокоились и все Неоновичи, сыновья, скончавшиеся в раннем возрасте, кроме Леонида, дожившего до 1905 г. Конечно, барская жизнь до Положения, до падения крепостного права, была на

селе и привольна и радостна. Семья жила безбедно, дети получали хорошую выучку для культурной жизни. Ольга Неоновна, к примеру, свободно владела главными европейскими языками, была обучена манерам, любила книги. Но настало время разорения усадебного уклада, и нужда погнала всех со двора: кто уехал поближе к Пскову или в сам Псков, как то получилось с Ольгой Неоновной. Устроилась учительницей, затем взялась за литературный труд – он был ближе ее душе, попробовала переводить и кое-что публиковать в журнале «Семья и школа». А в 1883 г. в журнале «Семейные вечера» Софии Кашпирёвой поместила свой обширный очерк «Прогулка по Крыму», написанный живо и колоритно. Читатели полюбят это имя, повести Хмелевой еще не раз будут появляться на страницах замечательного издания. В 1885 г. писательница создает новую повесть «Безвестная труженица» и предлагает ее вниманию графа Льва Николаевича Толстого. «Повесть Хмелевой очень хороша, очень хороша будет, если выкинуть все рассуждения, описания природы и красоты и, главное, уничтожить форму словесного рассказа и обращения к слушателю. Это может выдти одна из лучших наших книжек», – сказал Лев Николаевич в письме к В.Г. Черткову в декабре 1885 г. после прочтения авторской рукописи, полученной вместе с предложением напечатать книжкой в издательстве «Посредник» (Толстой Л.Н. ПСС. Т. 85. С. 280). Книжка с переделками вышла в свет в 1886 г. под названием «Марья-кружевница». Первоначальный текст повести напечатан в журнале «Родник» тогда же. В письме к В.Г. Черткову от 19 октября 1885 г. заведующий «Посредником» Павел Иванович Бирюков заметил: «Сегодня познакомился с интересной личностью... г-жой Хмелевой. Барыня, похожая на мужчину. Принцип “непротивления злу” она вставила по собственному опыту, говорит, что сама испытала его силу, и когда я обратил внимание на это место, то она думала, что это мне не нравится. Она произвела на меня хорошее впечатление». В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранились письма О.Н. Хмелевой к единомышленнику Л.Н. Толстого В.Г. Черткову, они во многом дополняют скучные сведения об этой уникальной детской писательнице. Вот ее письмо, посланное 30 декабря 1890 г.: даем полностью, с факсимile страницы автографа – написан черными чернилами.

«(Л. 1) Многоуважаемый Владимир Григорьевич, здравствуйте!.. Сколько лет, сколько зим!.. Сколько воды утекло! И чего она за это время не смыла, чего не принесла! Но, очевидно, и она, как и все в мире, имеет круговое движение и в силу его приносит нам по временам многое старое, давно позабытое. Для Вас таким “старым” буду я с моим письмом, а для меня был приезжавший ко мне вчера Бернард Эрнестович Кетриц и предмет его разговора со мною, которым вызвано и это письмо мое к Вам. – Б. Эрн. К., как Вы знаете, состоит секретарем Комитета (Л. 1 об.) Грамотности и приезжал сообщить, что в Комитете поднят вопрос о том, чтобы дать мне за “Кружевницу” золотую медаль и что, кроме того, Комитет спрашивает моего согласия на ряд изданий этого рассказа с тем, что станет платить мне за каждое из этих изданий по 100 р. – На это мною отвечено было: от медали я отказываюсь, ибо, на мой взгляд, я ее не заслуживаю; а относительно денег положение мое вот какое: с 8 ч. утра до 9 вечера я на службе в обойном магазине, который ничем не отапливается зимой и ничем не освежается летом. Вознаграждения получаю 50 р. в месяц. На добавление этого заработка мне остается (Л. 2) время от 6 до 8 ч. утра и от 9–1 ночи, каковое и употребляю на переводы и т. под. работишки. Очевидно, что при таком образе жизни и при питании из дешевых трактиров, здоровье мое разваливается весьма успешно, что может отчасти доказать и самый почерк этого письма. В результате – я ежесчасно опасаюсь обратиться в пациента какого-нибудь благотворит. общества, вот почему от денег, предлагаемых Комитетом, не отказываюсь до тех пор, пока не спишу с Вами, так как я решительно не помню, ни что мною получено от Вас за “Кружевницу”, ни на каких условиях, т.е. выражаясь языком издательским, “навсегда и безраздельно” она была мною (Л. 2 об.) Вам предоставлена или только на определенное количество изданий, а если Вы помните, что “навсегда и безраздельно”, то ответ мой Комитету зависит уж не от меня, а от Вас. – Выслушав это, Б.Э. Кетриц поручил мне передать Вам, что издание Комитета отнюдь не может составить конкуренции Вашему, так как Комитет издаст вещь коп. на 10 на 15, а следовательно, она и расходиться будет несколько в ином слое читателей. – Сообщив Вам все это, убедительнейше прошу Вас, добрейший Владимир Григорьевич, ответить мне немедленно, так как промедление Б. Эр. мог бы принять за небрежность мою

к его добрым заботам обо мне, и на меня обидеться, да и мне лично интересно знать, что изо всего этого выйдет. Раз уж представилась необходимость напомнить Вам о себе, не могу не воспользоваться случаем, чтобы не спросить (Л. 3) Вас еще о двух вещах: сообщите, пожалуйста, Ваши намерения относительно еще двух моих рассказов, о которых Вы за давноштию лет, вероятно, забыли, — один “Маляр”, а другой “Золотой баран” и пишите совсем откровенно: может быть, это такая дрянь, что Вы купили их у меня для того, чтобы спасти от них наивного русского читателя? Так сообщите и это, — мне оно в смысле назидательном полезно. А еще: когда вчера мне пришлось съездить к “Посреднику” за Вашим адресом, тамошний управляющий подарил мне 1 экз. “Кружевницы” и в нем меня удивили две вещи:

1) одобрение военн. ведомства. Благодарю Вас за хлопоты, связанные с таким одобрением,

2) фамилия моя (Л. 3 об.) напечатана уж больно грамматично: “Хмел...” — Что хмель пишется через е — это мне известно; в герольдии под гербом нашим стоит то же е, в стариннейших жалованных грамматиках — оно же. Но лет полтораста назад какой-то грамматей стал писать нас через ѣ и все почему-то приняли это правописание да так его и держатся по днесь. Не хотелось бы и мне от него отступаться, — так, видно, и помру с безграмотной кличкой. В следующих изданиях прикажите пожалуйста сохранить эту (Л. 4) прирожденную мою безграмотность, буде такие издания предстоят. Писать мне лучше всего на магазин, потому что дома я только ночую.

Адрес: Ольге Неоновне Хмелевой. — Угол Невского и Садовой против Гостинного Двора, д. № 18. Магазин обоев Царско-сельской обойной фабрики.

Супруге Вашей мой душевный привет.

А затем, примите уверение в искреннейших моих (Л. 4 об.) симпатиях и полнейшем почтении.

Хмельева

Петербург

30 Декабря 1890 г.».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2745. Л. 1–4 об.)

Супругой В.Г. Черткова с 1886 г. была Анна Константиновна Дитерихс (1859–1927), выпускница Бестужевских женских курсов, детская писательница и мемуаристка. Ее волевой образ и устремленность мысли хорошо переданы на картине художника Н.А. Ярошенко «Курсистка». Работа Ольги Неоновны Хмелевой в магазине обоев Царскосельской фабрики поглощала у нее все самые благоприятные для творчества часы суток, и писать приходилось урывками по ночам, что подсекало и без того расшатанное незавидное здоровье. Хроническое безденежье, неуверенность в литературных заработках, порывистость в отношениях с людьми и чуткость к скорбям других обостряли личные эмоции, не снижая, впрочем, требовательности к себе в отстаивании принципиальных позиций в вопросах веры и школьного воспитания детей.

По-другому складывалась жизнь аристократа, богача В.Г. Черткова. Отслужив восемь лет в конногвардейском полку, он под влиянием толстовского учения пережил духовный переворот и переселился из родовой усадьбы на хутор, в гущу крестьянской жизни. Теперь он обитает в тесной комнате, опростел, ездит только в вагонах третьего класса, в разговорах с простонародьем осуждает барскую жизнь. Естественно, всё это стало известно властям, насторожило и придворных, ведь мать Черткова, Елизавета Ивановна, была вхожа в круг царствующих, и поначалу она пыталась смягчить резко отрицательное отношение к поведению сына и даже пробовала унять в нем его враждебность. Утешало ее разве что увлечение Владимира Григорьевича евангельскими истинами, пусть даже истолкованными в духе толстовства.

Неприятности семьи начались с обысками в столичном доме Чертковых на Галерной Гавани. Искали улики вмешательства друга Толстого в дела преследуемых духоборов, молокан и штундистов. Доказательств оказалось предостаточно, в результате в 1897 г. было решено сослать В.Г. Черткова в Сибирь. Но благодаря хлопотам матери перед государем Сибирь заменили высылкой в Англию. Имениями остался управлять усердный писатель Александр Эртель, и потекли в Лондон доходы с земель, и Чертков смог обзавестись вольной типографией, чтобы печатать за границей книжки в защиту сектантов и, разумеется, те писания Толстого, что цензура запрещала публиковать в России. Вскоре мать примирится с сыном, Елизавета Ивановна тоже окажется в Лондоне, где они

проживут целых 11 лет. До ссылки В.Г. Черткова Ольга Неоновна регулярно посыпала ему письма: лишь в архиве РГАЛИ их сохранилось десять. О чем же они? Главный мотив писем – устройство изданий и деньги, в которых талантливая псковитянка постоянно нуждалась. Вот ее просьба, присланная из Петербурга 19 июля 1887 г.:

«Будьте так добры, Владимир Григорьевич, прочтите прилагаемую рукопись “Золотой Баран” возможно скорее и сообщите мне тотчас же, признаете ли Вы ее пригодной для Вашего издания. Не обессудьте за стремительность и назойливость такой просьбы. Дело в том, что у меня стряслось какое-то безобразие в сердце, выражющееся в невыносимых болях во всем левом боку, в головокружениях и в целом ряде всяких таких изводящих явлений. Был у меня доктор. Говорит, что необходимо лечиться и притом тотчас же, а обстоятельства мои летом (Л. 13 об.) и вообще бывают крайне неважные, а нынче сложилось так, что я уж давно подумываю, не начать ли мне красть кур у моего старшего дворника и есть их, вероятно, сырьем, потому что готовить я не умею. В виду этого я и хочу просить Вас: если найдете “Барана” для “Посредника” пригодным, дайте распоряжение, чтобы мне выдали из конторы хоть сколько-нибудь денег тотчас же. А если штука окажется для Вас неподходящей, то не будете ли Вы так добры снести об ней прямо из России с Сытиным; может быть, он ее напечатает, и, если даст мне сейчас за эти 64.000 знаков (приблизительно) хоть 20–25 рублей, то для меня (Л. 14) и то будет хлеб: куплю вод [минеральных], а при них диета все равно обязательна. Если возможно, устройте это, Владимир Григорьевич, благодетель будете. – “Богачиху”, начало которой у Вас, пишу очень помаленьку; – с болью в боку и с адским вальсом в голове скверно работается! Во всяком случае, если не умру, то к половине Августа кончу и “Богачиху” и “Терпение и труд все перетрут” и “Глину”, о которой мне даже вспоминать совестно. А пока в виде моциона неистово мечусь по двору и завидую даже лягушкам в болоте.

Так сделайте милость, Владимир Григорьевич, не оставьте меня скорым ответом.

Вашей супруге, коли она меня помнит, мой привет. Починила ли она свое здоровье?

Искренне Вам преданная
Хмелё... (росчерк)».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2744. Л. 13–14 об.)

В следующем, предпоследнем, письме к В.Г. Черткову Ольга Неоновна просит похлопотать у знаменитого издателя И.Д. Сытина, нет у него какой-либо для нее работы: согласна на самую рядовую – переводить книжки с другого языка, либо составлять в новом изложении. Надо было прекратить «беспрерывное бессмысленное и мучительное метание» в поисках заработка. «Достаньте мне работу!» – это ль не вопль отчаяния? Приводим горестное письмо Ольги Неоновны от 9 октября 1887 г. целиком, как сложилось в пору отчаяния.

«Петербург 9-е Октября 1887 г.

Ради самого Христа, Господа, проездом через Москву повидайтесь с Сытиным и устройте меня у него компилятором, переводчиком, хоть поденщиком, наконец, думаю даже, что я в состоянии писать рассказы на заданные темы, не очень хуже тех, котор. Сытин издает десятками, – художественного творчества там не требуется. – Заработки в Питере становятся (Л. 15 об.) почти невозможны да и вообще я не умею организовать своих сношений, а потому и обращаюсь к Вам: помогите. Писать постоянно вещи оригинальные и удачные при растерзанности нервной системы, я не в состоянии, управительство мое гарантирует мне нынче только крышу, – лезу в долги, не лечусь, волнуюсь, путаюсь, мучаюсь и тем еще больше утрачиваю способность надумать что-нибудь путное. Жизнь обращается в беспрерывное (Л. 16) бессмысленное и мучительное метание, – “великие помыслы и барахтанье в грязи”. – Доставьте мне работу и вызвольте меня из этого омута. Я не прочь заняться бы ремеслом и даются мне эти вещи легко, да “штрументу не ма”, – не прочь заняться хоть писарством при каком-нибудь департаменте, да чиновников знакомых нет. Одним словом, я знаю, что дана мне способность делать многое, да приняться, пристроиться я не умею. Помогите мне в этом деле. –

Кстати, спрятайтесь, (Л. 16 об.) пожалуйста, у Сытина, напечатает ли он моего “Барана”. Обещала мне Анна Константиновна подчинить в нем кое-что, – сделала она это? Когда кто-нибудь из Вас приедет в Петерб., сделайте милость, побывайте у меня. Очень побеседовать хочется, а я лично, по обстоятельствам, от меня не зависящим, из дома выходить не могу. Если есть время, ответьте мне, что может из этого письма моего воспоследовать, если бы даже то был и отказ. От души приветствую Вас всех и желаю вам всех и всяческих благ.

Хмелева (росчерк)

Измайл. Полк, 2-я рота, д. № 14 кв. 14.

(*Приписка сверху*): Застать меня удобнее всего вечером, после 7. Я даю в нашем доме уроки за одну учительницу, у которой затевается горловая чахотка. Чтобы спастись, она должна молчать месяц.

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2744. Л. 15–16 об.)

Другой сподвижник Л.Н. Толстого, последователь его религиозного учения, Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940), сторонник «свободного воспитания», инициативный деятель издательства «Посредник», а с 1897 г. его руководитель. При нем основное внимание в выпуске книжек обращалось на соответствие их взглядам толстовцев на народ, в первую очередь сельский, на внутренний мир детей и юношества, которым предназначалась особая серия изданий. Выпускалась также «Библиотека свободного воспитания», украшенная трогательными картинками художницы Елизаветы Меркульевны Бём.

Письма Ольги Неоновны Хмелевой в основном касаются состояния по изданию ее книг, материального вознаграждения и сопутствующих вопросов, волнующих корреспондентку. Вот одно из них, первое, связано с авторскими правами писательницы:

«(Л. 1) Балт. Ж.Д. полууст[анок] Пудость. Ивановка
21-е Апреля 1903 г.

Милостивый государь,

Несколько лет тому назад мною было передано право издания написанного мною рассказа “Марья Кружевница” книгоизда-

тельству “Посредник”. Не помню, был ли нами тогда составлен по этому делу какой-либо письменный договор. Впоследствии В.Г. Чертков письмом из деревни, где он тогда проживал, возвратил мне это право полностью. Но письмо это, к сожалению, мною или потеряно (Л. 1 об.), или хранится в грудах моих бумаг, извлечь его из которых было бы трудом весьма кропотливым. Между тем москов. Фирма Панафицина задалась фантазией издать весь недлинный ряд моих рассказов. Остальные мои издатели выразили на это свое согласие, и только письменного доказательства разрешения В.Г. Черткова у меня нет. Это обстоятельство и вынуждает меня беспокоить Вас убедительнейшей просьбой, если это входит в сферу прав Ваших, повторить разрешение В.Г. от имени книгоиздательства, а если нет, то списаться с ним (к сожалению, адреса его не знаю), передав ему мою просьбу.

Извещение Ваше или В.Г. Черткова благоволите адресовать:
(Л. 2) СПБ. Зимин переул. 4

Вере Ивановне Гунст
для передачи Ольге Неоновне Хмелевой.

Позволяю себе присовокупить еще и просьбу о возможно скорейшем ответе, т. к. замедление задержит дела не только мои и издания, но еще и оборудование женск. шк. сельск. хоз., которым я теперь занимаюсь со всеми муками труда Данайд и котор. сажу и “мозг костей своих” и свой последний грош. – Уже два года бьюсь с этим делом, как рыба об лед, выплясывая с двумя министерствами какой-то бессмысленный хоровод под музыку справок, отношений, замедлений, недоразумений, ловления мороза в шапку и всяких иных столь же остроумных и полезных произведений ржавчины, официально нарекаемой “просвещенным русским чиновничеством”. Право, часто опускаются руки и хочется бежать (Л. 2 об.) в могилу, чтобы не видеть настоящего и не думать о грядущем!

С совершеннейшим почтением
Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 1–2 об.)

Из той же Ивановки, что у полустанка Пудость, 23 июля 1903 г. О.Н. Хмелева пишет опять Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову о своем тяжелом положении – украдена лошадь, так

необходимая при школе сельского хозяйства и домоводства, организованной Ольгой Неоновной вместе с Верой Ивановной Гунст (ск. 1928):

«Дорогой Иван Иванович,

У меня стряслась великая [по нищете моей] беда! Благодаря безумному пьяństву одного из моих рабочих, в Гатчине у него угнали лошадь с упряжью, с телегой, со всею кладью! Отрадный сюрприз стоимостью рублей в 250! Но и это осложняется еще тем, что без лошади стали все мои работы! Наём же у крестьян-соседей обходится 3 р. в день, да и за такие безумные деньги не достанешь, т. к. из нашей местности угоняют 700 подвод в Псковск. губернию под маневры до 20 Августа. Положение адское! Теперь все пропадает, а зимою придется за это отдуваться целым океаном скорбей, тревог, труда и убытков! Да еще и при этом спасешься ли от окончательного разорения?? – Сжальтесь, вышлите деньги мгновенно! Ведь отдать мою “Марью” в вековечную кабалу Панафидиной заставляла меня нужда, а теперь грозит, пожалуй, и нищета с цепями неоплатных долгов на шее. Ради Господа, поспешите

Ваша
Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 3–4 об.)

Упомянутая издательская фирма А.Я. Панафидина известна писательнице О.Н. Хмелевой с 1890-х годов. В 1898 г. фирма выпустила в свет ее книжку «Каменные пасынки каменной мачехи» о самоотверженных финляндских крестьянах, сумевших среди камней обзавестись клочками земли и своим трудом заставить их плодоносить и давать добрые урожаи. Очерк этот так тепло и с любовью написан, что кажется – и сама сочинительница там не раз побывала и обследовала места. Фирма Панафидина переиздает повесть Хмелевой «Катькина дача, или Есть ли на свете лишний человек», выпущенную сначала в Петербурге в 1892 г. Так что с этой издательской фирмой существовали давние связи, и к предложению переиздать ее крепкую повесть «Марья-кружевница», а с нею и другие произведения Ольги Неоновны, она отнеслась серьезно, но надо было узнати мнение на этот счет «Посредника»,

куда Хмелева отдавала в собственность (во временную или вечную – рассказчица уже и не помнит, все договоры велись устно).

Надо сказать, жизнь людей на окраинах Российской империи привлекала давно такого человека «зоркого сердца», каким была Ольга Хмелева. Ею составлены превосходные страницы, посвященные не только Финляндии, но и Крыму, и Уссурийскому краю (очерки «Правда об Уссурийском Крае и его обитателях», 1899). Но «Марья-кружевница» так и осталась в собственности издательства «Посредник».

Тревожным было письмо О.Н. Хмелевой Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову, посланное из Ивановки 23 июля 1903 г. В это время писательница была поглощена заботами по устройству дела, способствующего разумному укладу домашней жизни вопреки невежеству и расточительности, царящим во всех слоях общества. В развернутом письме к И.И. Горбунову-Посадову от 14 мая 1903 г. Хмелева подробно останавливается на трудностях обзаведения школой домоводства, налаживания ее нормальной работы, как то задумывалось В.И. Гунст и О.Н. Хмелевой десять лет назад.

«(Л. 7) Ивановка 14 Мая 1903 г.

Первым впечатлением, произведенным на меня Вашим письмом, исполненным такой доброты и такого благородства, было разумеется, чувство живейшей благодарности за Ваши ободряющие слова, и намерение отказаться от предлагаемых Вами денежных условий ради Вашего дела, цену которого я понимаю теперь, может быть, лучше, чем даже Вы сами, многочтимый Иван Иванович. Дело в том, что уже лет 20–15 тому назад меня стала поражать та бессмысленность, безалаберщина и дикарская расточительность, неразрывно связанная с невежеством, которое царит в домашней жизни всех слоев нашего общества. Постепенно мне стало все яснее, что при таких условиях, невозможны ни имущество (Л. 7 об.) благосостояние, ни телесное здоровье, ни духовная свобода, ни правильное воспитание подрастающих поколений. А для упорядочения хаоса нужно начинать с оздоровления того места, в котором начинается зловредное брожение, его порождающее, т.е. с семьи. И вот, не имея ни гроша денег, кроме убогих

заработков, мы с сотрудницей моей, Вер. Иван. Гунст, открыли 10 лет тому назад первую в России школу домоводства, в котор. силились доказать, насколько серьезно дело разумного уклада домашней жизни, насколько оно составляет ценное служение обществу и насколько в то же время, при систематической его постановке, оно сберегает и средства, и время, давая возможность и мужу, и жене посвящать их высшим интересам человечества. Вероятно, в обществе уже бродила еще несознанная потребность в чем-либо подобном, т. к. дело наше пошло и стало развиваться. Разумеется, не обошлось оно и без (Л. 8) тяжкого труда и скорбных разочарований, котор. и теперь глубоко огорчают нас, не достигая того идеала, котор. мы себе предпоставили, но тем не менее, за эти 10 лет школу нашу прошли свыше 3½ тысяч женщин и девушек [выпуски ежемесячные] и из них свыше 60 челов. разосланы нами учительницами домоводства, припасоведения и подаяния перв. помощи в несчастных случаях, в различные города провинции. Сверх того, по воскресным дням в шк. обучается [и с великой охотой!] от 40–80 челов. девушек и женщ. из населения фабричного. Эта мера имела в Англии [по отчету француза] блестящее влияние на отрезвление и оздоровление этого населения. – Но чем ближе мы знакомились с делом, чем глубже в него всматривались, тем яснее становилось для нас, что корень зла в семье не городской, а деревенской, а между тем, существующие школы сел. хозяйства “ничуть не отвечают своему назначению”, чтобы не сказать чего-нибудь более сильного. И вот, обманувшись успехом своего первого (Л. 8 об.) начинания, мы задумали пойти глубже – именно к самому корню – открыть школу сельск. хоз. и домоводства. Для этого заняли мы денег, купили имение и стали с одной стороны хлопотать в министерствах, а с другой подготовлять практические условия для осуществления школы. Вот тут-то и начался тот скорбный путь, “движение”, по которому дает мне право сказать Вам, что я, может быть, лучше Вас самих понимаю всю ценность, всю необходимость Вашего дела. Я мечусь как раз в середине между слоями правящих и управляемых и, несмотря на всю мою воловью выносливость и выдрессированное хладнокровие, часто рисую помешаться от отчаяния. Что за общество! Что за народ! Что за взаимное непонимание, недоверие, даже озлобление и, в лучших случаях – что за непробудное равнодушие ко всему,

что не “Я” и не “моя шкура”. Это положительно стадо [а не общество] людей психически больных, утративших не только разум, но и всякое (Л. 9) 2. (Извините! Это со слепья!) (*перепутаны стороны листа. – М. Б.*) чувство, кроме способности ощущать боль, голод, зависть и жадность изголодавшегося животного! Их нужно именно лечить, всеми средствами будить в них “человека, носителя искры Божией”! И это как в правящих, так и в управляемых! Даже трудно сказать, в ком это необходимое! Тем так и ценные труды таких работников, как Менщиков и Вы и Вам подобные.

Избавлю Вас и себя от перечня и описания всех случаев и подробностей, вымучивших у меня все эти вопли и вздохания. Да и нельзя рассказать их уже потому, что тянутся они денно и нощно, ежесекундно, без перерыва и без роздыха, следовательно: за ними не поспело бы никакое перо. А главное – сами, Вы, зная все, что знает теперь каждый мыслящий русский человек, сами же можете составить себе представление и об этих подробностях. Тяжело! Тяжело безысходно, особенно для человека, который близок к смерти и не может питать даже надежды на то, что ему доведется воочию увидеть хоть (Л. 10) 3. слабую зарю рассвета. – С фактической же стороны скажу Вам, что домучились мы с Вер. Иван. до того, что решили покинуть всякие надежды на сотрудничество, сочувствие и помочь правящих и общества. [Простите за старческую болтливость! Не могу воздержаться, чтобы не иллюстрировать своего письма следующим анекдотом: наши “специалисты” стали настоящими авгурами, дурачащими людей наивных! Услыша о нашем начинании, является к нам один из “специалистов Министерства”, говорит разные воодушевляющие речи, проявляет участие вроде старания пробежать в 1 минуту 10 верст, не вставая со стула, гарантирует себе у нас место при шк. в 1500 р. годов. жалования на готовом содержании со всем семейством и т.д. Укрепившись в этом, начинает толковать о трудностях “организации”, о необходимости “строго выработанной программы хозяйства”, что он все это берет на себя (это не зная-то ни имения, ни почвы, ни местных условий труда и сбыта!), но, что он женат, (Л. 10 об.) 4. у него дети, он не имеет права работать даром, а потом требует за “предварительные работы” еще до открытия школы 2000 р. единовременно! Право, шутники!]. Вот на обзваведение школы да на таких просвещенных молодцов и ушли за эти 2 года все наши

средства с Вер. Ив. до последних крох, а дело, кроме нескольких сотен “запросов”, “отношений”, “прощений”, “справок”, “поправок”, “извещений” и т.д. и т.д. не подвинулось ни на вершок! Теперь они “вдруг вспомнили”, что по их же настоянию в программу входит 1 урок Зак. Бож. в неделю, а это предмет общеобразовательный, след. необходима санкция Министер. Умапомрачения, на что потребуется еще месяца 4. Но мы уже изнемогли и решили предоставить им “сноситься”, “справляться” и “переправляться” сколько их душам угодно, а вести основание школы без всякого их участия и субсидирования, как создали и вели школу городскую, вырабатывая каждый отдел собствен. трудом и опытом постепенно. А когда создали все это по-своему, (Л. 9 об.) 5. действительно честно и дельно, то лишь попросить их о разрешении открыть школу. Так. образом у меня, как у того чиновника, явились “жена-вдова и семеро детей”, имеющие на меня и на все достояние мое права неотъемлемые.

В письме своем Вы, со свойственным Вам великодушием, упоминаете о моей труженической бедности. Это не совсем верно: 1) потребности у меня очень скромные (особенно в деревне) и удовлетворить их не хитро, т. к. у меня есть все необходимое; 2) есть у меня и люди, котор., в случае надобности, меня прокормят, и взять от них мне стыдно не будет. А вот моя “жена-вдова и семеро детей” [= школа, – именно вдова!] народ очень требовательный и жадный, вымывающий из меня все жилы! “Для ради” них я даже подвязываю щеку и выхожу на перекрестки нищенствовать. Вот вижу на Вашем бланке: “Серия книг: «Деревенское Хозяйство». Между прочим, я составляю (исподволь) для своей вдовы и библиотеку. (Л. 11) 6. Моментально подвязываюсь и начинаю гнусаво-трепетным голосом канючить:

– “Господин, пожертуйте отставному ветерану!.. Нужда... дети сироты... жена-вдова. Заслуги не оценили”. – Нет, серьезно, будьте добры вышлите наложенным платежом в П.Б. Зимин переул. 4 на имя Веры Ивановны Гунст все, что у Вас есть из дешевых изданий по этому предмету. Относительно “Марыи-Кружевницы” скажу так: из этого письма все дела и цели мои Вы знаете, а потому решите сами, которая из язв опаснее: та ли, которую врачауете Вы, или та, которую силюсь подживить я, – той и помогите. Те средства, о котор. мы с Вами толкуем, разумеется, ни Вашего, ни моего

дела особенно не подвинут, и в сущности – не все ли равно, на которое из них они придут? А вот если будет у Вас под рукой работа переводная, компилятивная или популяризаторская – предоставьте ее мне. Все же что-нибудь заработаю для своей вдовы – 2–3 четверти семян Ивановской ржи, например, за которой гоняюсь (письменно) уже 2 года. Только работать с прежней быстротой (Л. 11 об.) и удалью (1 печат. лист в 5½ ч. работы) обещать уже не могу – плохо вижу, а главное хвораю сильно и мучительно, что совсем расколачивает нервы. Кстати: если изданы “Наши пищевые средства” Петерса, то вышлите мне, пожалуйста, один экземпляр. Для нужд нашей городской школы возжусь с немец. подлинником, а родной язык всегда удобнее. – Совестно мне беспокоить Вас просьбой о длинном письме, но мне очень хотелось бы знать, где и что В.Г. Чертов с женой и П.И. Бирюков. Со времени раскассирования петерб. “Посредника” мы как-то потеряли друг друга из вида, а я по-прежнему люблю и уважаю их.

С рождением Вашей девочки поздравляю не только Вас, а и всех хороших людей, Вас знающих и не знающих, ибо их число с ее рождением увеличилось.

(Л. 12) Ну, да хранят Вас и все и вся Вам присное Бог и все Его Святые, чего ото всего горячо желает

Ваша
Хмелева

Р.С. – И письма, и все, что вздумаете переслать мне, благоволите адресовать

ПБ. Зимин 4
Вере Ивановне Гунст.

Это выйдет несколько медленнее, но гораздо вернее. Я живу возле весьма убогого полустанка с безалабернейшим почтовым отделением. Бывают случаи, что письма по нескольку суток валяются у полустанка в кустах, т. к. почтов. поезд не останавливается, а корреспонденц. (Л. 12 об.) вышвыривают, даже не обвернув ее бумагой, и ветер разносит пакеты, куда хочет. А т. к. происходит это в 11 ч. вечера, то и разыскивать их по горячим следам затруднительно. Не думайте, что описываю Вам “случай случайный”, единичный. Нет, так делается по установившемуся обычаю ежедневно.

Картиночка отечественной культурности!
13-е Мая 1903 г.

Панафидиной мною отвeчено отказанoм.
О работе прошу уиcленно.

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 7–12 об.)

Вера Ивановна Гунст – давняя знакомая О.Н. Хмелевой по обучению девиц из низших сословий домоводству – поваренному искусству, хранению хлебных и мясных припасов, уходу за малолетними и престарелыми людьми и, само собою, рукоделию, также должное внимание уделялось домашней чистке и глажению тканей, счетоводству – всему тому, с чем сталкивается женщина в семье. В 1894 г., 15 марта, в Петербурге, в Зимине переулке была открыта практическая Школа поварского искусства и домоводства во главе с основательницей, Верой Ивановной Гунст. Это была первая в Российской империи школа такого рода, нацеленная на приобретение учащимися опыта, позволяющего в семьях избыть бессистемность и расточительство. Домашние приготовления и заготовки, вопросы гигиены, оказание первой помощи, уход за цветами – объяснялись на практических занятиях. В школе обучались хозяйки семей, заведующие хозяйствами крупных общественных учреждений – больниц, приютов, учебных заведений. Школа существовала на средства В.И. Гунст и пожертвования доброхотов. Здесь обучали женщин жить разумно, по достатку. За недолгое время такие же школы практического домоводства возникли в ряде городов России. Почин В.И. Гунст увлек Ольгу Хмелеву, доставил ей радость общения с трудолюбивыми людьми...

Возможно, если бы состоялась большая книга рассказов и очерков О.Н. Хмелевой в издательстве Панафидина, то там бы нашлось место и для замечательного ее очерка «Прогулка по Крыму», напечатанного всего один раз.

О Крыме, вошедшем в состав России еще в XVIII в., создано много ярких, запоминающихся очерков и рассказов, написанных русскими литераторами по личным впечатлениям. Особый вклад представляют собой записки исследователей своеобразной жизни края, раскрывающие черты быта обитателей и результаты их хозяйственной деятельности; поведано также ими об исторических

достопримечательностях и памятниках культуры. Если собрать воедино все эти записки, получим замечательный венок Крыму – приношение ему от русских писателей. Здесь будет много славных имен, в частности, к XIX в. относятся: Н.И. Надеждин, В.В. Пассек, Е.В. Сухово-Кобылина (псевд. Евгения Тур), воронежский романист Е.Л. Марков, псковитянка Ольга Хмелева и ряд других. В своем очерке «Прогулка по Крыму», где повествование ведется от мужского лица, сочинительница поделилась своими впечатлениями от увиденного и высказала ценные краеведческие соображения.

Среди житейских невзгод, преследовавших писательницу всю сознательную жизнь (скончалась, предположительно, в 1908 г.), ей чаще всего вспоминались светлые годы детства, проведенные под родительским кровом в имении Платично, погост Торопецкого уезда. Этому посвящены трогательные страницы повести «Анютка», опубликованной в журнале «Семейные вечера» в 1885 г. Приведем страничку этого произведения, чтобы прочувствовать сцены усадебного быта провинциальной псковской семьи. Имена и фамилии в художественном рассказе изменены, но имя Ольга – небесная покровительница Хмелевой – оставлено, как было. Да и домашние все узнаваемы в этом живом изложении. Эта усадебная картинка, взятая из второй главы повести «Анютка», как бы воссоздает годы детства талантливой псковитянки, труженицы отечественной словесности:

«Весело начался следующий день для села Высокого и его окрестностей. Народ поднялся, по своей неизменной привычке, вместе с солнцем; но, вместо серо-синей будничной одежды, деревенские улицы скоро запестрели красными сарафанами, желтыми платками и белыми рубахами баб и синими поддевками и кумачовыми косоворотками мужиков. По всем проселкам потянулись к погосту веселые вереницы прихожан. Каждый спешил и Богу помолиться, и на ярмарке что-нибудь купить, и на людей посмотреть, и себя показать. Ребятишки веселой шумной гурьбой гнались за родителями, успевая на ходу и подраться, и помириться, и забежать в сторону, в лес или на пожню захватить несколько ягод спелой земляники.

В роду богатых помещиков Барсовых имя св. Ольги пользовалось особыенным почетом. Еще пррапрадед теперешнего владельца

Высокого построил верстах в четырех от своего села, на красивой горе, мирно глядевшейся в озеро, обширный храм во имя св. равнопостольной княгини Ольги, и в каждом поколении Барсовых одна из девочек непременно носила это же имя. Вследствие этого, день 11-го июля стал днем веселья и радости для всей округи.

Во времена крепостные, в день храмового праздника владельцы угожали у себя в селе всех своих крестьян, не жалея ни вина, ни пива, ни медов, ни жирных щей, ни жареного мяса, ни пирогов, и оказывая при этом и иные, более серьезные милости. С уничтожением крепостного права, когда помещики значительно пообеднели, обычай этот вышелся, но ярмарка при погосте сохранилась, а все окрестные жители продолжали считать день 11-го июля одним из самых веселых праздников в году. К нему готовились заранее: хозяйки откармливали овец или свиней, шили обновы, варили пиво; мужики копили деньги, чтобы купить кое-что да погулять на ярмарке, и даже ребяташики норовили собрать ягод, грибов, наловить раков или снетков, чтобы продать их и заготовить несколько медяков на медовые пряники, оловянные и медные колечки, серьги и крестики.

В самом селе, как у служащих и рабочих, так и у самих господ собирались в этот день много гостей, и все оно еще дня за два оживлялось веселой праздничной суматохой. Повара немилосердно стучали ножами; поварята, как угорелые, носились то в ледник, то в погреб, то к ключнице, то к птичнице; лакеи и горничные в доме приготовляли спальни для гостей, прачки хлопотали с бельем; ключница и дворецкий сбивались с ног, за всем присматривая, выдавая, отмыкая и запирая; кучера на конюшнях приводили в порядок лошадей, сбруи, экипажи и седла, из которых многие бывали в употреблении только в этот день в году.

Ровно в половине десятого вышла из своей уборной одетая в легкое белое платье Ольга Николаевна Барсова. Муж и дети с гувернером и гувернанткой ожидали ее в просторной и прохладной гостиной, особенно роскошно украшенной ради этого дня самыми редкими цветами. Григория Александровича очень тешило, что жену его случайно звали тоже Ольгой, и он готов был праздновать этот день еще роскошнее, чем это делывали его предки. Он с восхищением взглянул на ее все еще легкую и стройную фигуру и прекрасное лицо, горячо обнял ее, поздравил и отступил, давая

место детям. Те подходили сначала чинно, точно конфузясь, говорили иностранные стихи, раскланивались, а потом просто бросались горячо, искренне и даже шумно целовать и обнимать свою красавицу мать, не выключая даже и тринадцатилетнего Леонида. Француз, М-г Десаль, и гувернантка, Фрейлейн Бундель, пробовали было восстановить приличествующую случаю торжественность, но, по правде сказать, толку из этого всего было мало, потому что и сами родители были как-то особенно шумно веселы.

— Уж вы их сегодня извините! — вступилась за детей Ольга Николаевна, с ласковой просьбой обращаясь к воспитателям.

— Ну, Олюшка, пойдем скорее в столовую, — сказал жене Григорий Александрович, — там тебя ждут. Напьемся чаю, да и в церковь. Ты ведь знаешь, какой любезник наш отец Семен — без нас обедни не начнет, а людям ярмарку открыть хочется.

— Ах, и правда, Гриша! Я, как на беду, сегодня проспала. Пойдемте, дети.

В столовой действительно было уже несколько человек гостей. Они приехали или очень издалека, или из города, и ночевали в Высоком».

Проза Ольги Неоновны Хмелевой сразу привлекла к себе внимание даже взыскательных читателей. Живописная, темпераментная, сдобренная терпкой горчинкой, она еще и очень конкретна. Писательница пристально вглядывается в то, как трудятся ремесленники и мастерицы, вникает в приемы повышения мастерства, воспитания в себе воли к усовершенствованию. Хмелевой была сродни поэзия украсителей простого быта, благоприятного для здоровья. Меньше всего развлекаются ее герои, они трудятся и живут по совести. Эта черта в них привлекает и радует. Слова главного героя, которыми оканчивает Ольга Хмелева свою книгу «Робинзон в русском лесу», пожалуй, выражают и ее жизненное кредо: «Никто не должен стыдиться небольшого поля своей деятельности и запускать его. Пусть всякий, не жалея труда и усилий, старается сделать как можно больше добра, не разбирая, где оно делается!».

Честность и порядочность в отношениях между людьми — это принципиальная позиция Ольги Хмелевой: об этом говорят и ее книги, и ее письма. В лихие дни первой русской революции Ольга Неоновна издала брошюру о «Религиозном воспитании»

и, видимо, сознавая важность такого воспитания и недостаток доступной, понятной простому народу, популярной литературы по этому вопросу, разработала «программу некоторой, так сказать, сводки христианского мировоззрения в одно стройное целое, на основании которого думалось [ей] написать ряд статеек, рассматривающих с этой точки зрения по возможности все положения и отношения человеческие на земле». Рукопись этой «программы» она передала для рассмотрения И.И. Горбунову-Посадову в январе 1906 г. Долго не получая ответа, О.Н. Хмелева написала ему два письма (от 09.06.1906 и без указания даты), чтобы выяснить окончательно, пожелает ли он стать «издателем довольно длинного ряда брошюрок», которые она «имеет в виду написать по этой программе». В первом письме она прямо задает вопрос: «Не воспрепятствует ли Вам заняться этим то обстоятельство, что я не могу согласиться с некоторыми определениями Льва Никол. отношения Бога к человеку, вроде хранения от него каких-то тайн и т.д.?». Во втором письме О.Н. Хмелева откровенно высказывает свою точку зрения на понятия «любовь» и «собственность», невзирая на то что ее взгляды могут полностью разрушить надежду на издание брошюр «Посредником»:

«...Чтобы нечаянно не обмануть Вас, говорю заранее: я не разделяю мнения Льва Ник., что “собственность есть кражा”. Если вера без дел мертвa есть, то любовь – тем более! Любя необходимо дать. Для того, чтобы дать, нужно иметь. Для того, чтобы иметь, нужно заработать. Только одухотворенная идеей работа [даже подметание улиц] может вызвать полное и свободное проявление и применение духовных и физических сил, только это одухотворение может вызвать развитие талантов, гениев, героев, тружеников, мучеников. Только свободная решимость дать то, что заработал и имею, под влиянием идеи и побуждении любви есть даяние благородное, свободное и ни мер, ни весов для него не имеется – могу отдать и миллионы, и последнюю рубаху! “Милости хочу, а не жертвы!” – Вот почему собственность для меня не “кража”, а и могучий корень, и беспредельное поле для свободного труда и для свободной любви и милости. – Какова будет моя любовь, жалость и милость к лентяю, мозгляку или больному, которые в сущности все больные, если к дележу моего заработка с ними меня будут

приглашать железной линейкой по затылку [беспочвенность социализма!], или каково будет мое усердие к труду и к воспитанию детей, если это доставит и им, и мне, лишь наслаждение знакомства с той же линейкой да с вколовченным ею хамским лицемерием. Так я думаю, так буду и писать, так судите меня и мои замыслы и Вы, искренне уважаемый. А за отказ я не обижусь.

Ваша Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1439. Л. 20–Л. 22 об.)

Отдельная полка книг Ольги Хмелевой – это ее многочисленные переводы западных классиков и произведений научно-популярных – к ним тяготела и сама Ольга Неоновна. Еще предстоит в будущем найти затерянное и неизвестное из собственных творений вдохновенной труженицы и то, что пересказала и перевела она для юношества. Тогда приоткроются и пока недоступные черты непростой жизни этого даровитого человека.

А.Н. Николюкин

С.П. ШЕВЫРЁВ О ПУШКИНЕ*

Аннотация. В статье рассматривается первое эссе С.П. Шевырёва о наследии А.С. Пушкина, опубликованное в 1841 г. в журнале «Москвитянин».

Ключевые слова: А.С. Пушкин; С.П. Шевырёв; русская литература; поэзия; «Москвитянин».

Nikolyukin A.N. S.P. Shevyrev about Pushkin

Summary. The article deals with S.P. Shevyrev's essay on Pushkin published in the journal «Moskvityanin» (1841).

Keywords: S.P. Shevyrev; A.S. Pushkin; Russian literature; «Moskvityanin».

Основатель науки русского литературоведения Степан Петрович Шевырёв (1806–1864), находясь в Риме, написал «Послание А.С. Пушкину», позднее, в 1850-е годы были записаны Воспоминания Шевырёва о Пушкине. Менее известна большая статья Шевырёва о Пушкине, появившаяся в «Москвитянине» (1841. Ч. 5. № 9. С. 236–270). Это была одна из первых статей, представляющих общий взгляд на наследие Пушкина после его смерти.

Поводом для появления шевырёвской статьи «Сочинения Александра Пушкина» стало завершение первого издания Сочине-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00150 «Полное собрание литературно-критических трудов С.П. Шевырёва».

ний Пушкина (СПб., 1838–1841. Т. 1–11), на что откликнулись П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, П.А. Плетнёв.

Шевырёв смотрит на Пушкина и его наследие как современник и как близкий друг поэта, высоко ценившийся им. «А когда вспомнишь, что этот художник был первый поэт Русский, гениально отгадавший тайну нашей народной Поэзии; что его мастерская была наша Русская жизнь, в которой он наиболее черпал свои вдохновения; что этот чудный мрамор, покорявшийся меткой руке его, был наше Русское слово, которого поэтическую тайну он постиг и унес с собою...». Интересно, что о той же тайне говорил Ф.М. Достоевский в конце своей известной речи о Пушкине: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Мысли ихозвучны и отражают непреходящее впечатление от неожиданной гибели Пушкина. И Шевырёв еще поясняет эту мысль: «В Италии есть поговорка об Рафаэле, что он унес с собою в могилу тайну своих красок. У нас можно тоже сказать о Пушкине, что он взял с собою тайну своего стиха».

В последние годы своей жизни, отмечает Шевырёв, поэт был в «самой могучей поре своего развития». Как первый мастер русского стиха, он победительно освоил и русскую прозу и искусно владел обеими формами отечественной речи. Эти две формы служили выражением для двух главных направлений. «Стихами изображал он тот мир идеально прекрасный, где было первоначальное назначение Пушкина; прозу представлял для того мира живой действительности, с которой опыт собственной жизни познакомил его гораздо позднее».

В стихах соединены и конец и начало поэтической деятельности Пушкина. «За стихотворениями, которые писаны в последние годы его жизни и представляют высший цвет стихотворного стиля, следуют его стихи Лицейские – любопытные особенно для истории его развития». Читая стихотворения последних лет его жизни, нельзя не удивляться, до какой степени совершенства довел Пушкин отделку формы русского стиха.

Русский стих прошел две школы. Одна шла от Державина, она имела характер пластический, мало заботилась о звуке и обращала все внимание на образ. «Вслед за пластической школой, – продолжает Шевырёв, – образовалась у нас школа музыкальная:

основали ее Жуковский и Батюшков». Пушкин совместил в стихе своем образ державинский с звуком Жуковского и Батюшкова — «и тем повершил изящную форму русского стиха».

Пушкин в высшей степени был одарен русским глазом и русским ухом. «Надо было послушать, — вспоминает Шевырёв, — как читал Пушкин русские песни и свои стихи, чтобы вполне убедиться в том, что широкий орган его голоса был совершенностроен по широкому звуку русского языка».

Переходя к анализу отдельных сочинений Пушкина, Шевырёв выделяет роман «Евгений Онегин» — «самое высшее произведение Пушкина, всех более отразившее в себе жизнь ему современную», «этая Одиссея нашего времени, служит самым сильным доказательством в пользу мнения нашего, потому что в самом зародыше этого произведения главным условием был недостаток полноты в целом». Про «Капитанскую дочку» говорится, что «это произведение лучше других» — «в нем можно было видеть переход к какому-то еще новому, дальнейшему развитию Пушкина, если бы жестокая судьба русской поэзии не присудила иначе». И вновь возникает идея «тайны», которую унес с собой поэт.

Чудеса русского стиха Шевырёв находит в «Медном всаднике», «чудную картину Великого бронзового всадника, который с грохотом скачет неотступно за безумным. Каким чутким ухом Пушкин подслушал этот медный топот в расстроенном воображении юноши! Как умел он тотчас найти поэтическую сторону в рассказе события, кем-то ему сообщенном!».

По словам Шевырёва, Пушкин делился с ним замыслом драмы «Ромул и Рем» из истории основания Рима. В этой драме он намеревался вывести «волчиху, кормящую двух близнецов». Осуществлен был другой замысел — «Каменный гость». В этой драме «заметно весьма пристальное изучение Шекспира, которому Пушкин, как видно и по его поэме “Анджело”, и по отрывкам в смеси, предавался особенно в последние годы своей жизни».

Шевырёв проводит прямое сопоставление драмы «Каменный гость» с Шекспиром. «Сцена Дон-Жуана с Донной Анной напоминает много сцену “Ричарда III” между Глостером и Леди Анной, вдовой Эдуарда Принца Валлийского, даже до подробности кинжала, который Дон-Жуан, как и Глостер, употребляет хитрым средством для довершения победы. Положение совершенно одно

и то же: не мудрено, что Пушкин, и без подражания, без подушечки памяти, сошелся нечаянно в некоторых чертах с первым драматическим гением мира».

Заключительная сцена «Каменного гостя» поражает тем, что после преступного поцелуя внезапно появляется статуя. «Как глубоко значительна эта быстрая смена преступления наказанием! Эта сцена совершенно убеждает нас в том, что Пушкин глубоко понимал тесную, неразрывную связь изящного с нравственным».

В подражаниях Данту, отмечает Шевырёв, Пушкин завещал нам образцы превосходных русских терцин пятистопной и шестистопной длины. «Удивительно, как великий художник успевал во всем дать пример и указать путь. Те ошибутся, которые подумают, что эти подражания Данту – вольные из него переводы».

Из писателей русских все лучшие представители национального вкуса сходятся влиянием своим в его стихотворениях. Жуковский, Батюшков и даже Богданович слышны в его посланиях, написанных трехстопным ямбом. «Да, весь Парнас Русский, начиная от Ломоносова до непосредственных предшественников Пушкина, участвовал в его образовании. Он есть общий питомец всех славных писателей русских, и их достойный и полный результат в прекрасных формах языка отечественного».

Пушкин воспитал Музу свою на Ариосте, Парни и русских сказках, после чего и создал «пир молодого воображения» – «Руслана и Людмилу». Известно, что Байрон произвел сильное впечатление на Пушкина. «В лице Пушкина и Байрона встретились новая, свежая, полная юных сил и подвигов, кипящая мечтами Россия, и охладевший, разочарованный, уже покидавший веру в свое грядущее, Запад». В «Евгении Онегине», продолжает Шевырёв, только одна внешняя форма и некоторые «замашки» указывают на то же влияние Байрона. Вся глубь картины занята беспрерывно сменяющимся калейдоскопом всего быта России, всей жизни русского народа. «Создание Тани принадлежит к лучшим идеалам Пушкина, какие вынес он из самых светлых воспоминаний своей страстной юности».

Поэма «Полтава» стала переходом от влияния Байрона к самобытности. В «Борисе Годунове» Пушкин явился Пушкиным. Здесь, как и в других позднейших его произведениях, влияние Байрона миновало совершенно и «началось скорее влияние

Шекспира, влияние менее опасное, потому что Шекспир духом своим более согласовался с духом нашего Пушкина».

Высоко оценивает Шевырёв прозу Пушкина. «По природному эстетическому чувству он должен был отгадать, что новый мир существенности, обнажавший перед ним себя, требовал от него и новой формы, которая бы ему совершенно соответствовала. Он овладел русскою прозою и дал ей новый оттенок».

«Летопись села Горохина» («История села Горюхина») – самая едкая сатира на внутреннюю пустоту нашей сельской жизни. Повесть «Египетские ночи» – это сатирическая картина тех отношений, в которых у нас поэт находится к обществу. «Арап Петра Великого» остался неоконченным. Анализируя «Дубровского», Шевырёв, однако, не упомянул «Повести Белкина» и «Пиковую даму».

Завершая свою статью, Шевырёв замечает: «Заслуживает особенное внимание отношение Пушкина к его критикам; он не презирал критику, как сознается сам; он счел за нужное даже оправдаться перед читателями в том, в чем его понапрасну обвиняли. Презирал Пушкин одни только ругательства, и, по примеру Карамзина, премудро завещал всякому писателю, сознающему в себе какое-нибудь чувство достоинства: на все придирки и нахальные ругательства завистливой посредственности, полагающей единственную опору своей славы в том, что она перед чернью окричит все, что ее выше, – отвечать одним молчаливым презрением».

Е.А. Цурганова ДЖОН РЁСКИН

Аннотация. Характер эстетических взглядов Джона Рёскина (1819–1900), английского теоретика и историка искусства, писателя, художника, социального реформатора, известного также как автор работ по естествознанию и политической экономии, определяется как переходный от романтизма к реализму. Рёскин отстаивал понятие «художественная правда в искусстве» («righteousness»), утверждал, что искусства и наука взаимно дополняют друг друга. Истоки романтического искусства связывал с критической реакцией на «недостатки в социальной экономии». Свою задачу усматривал в том, чтобы ввести мораль и эстетику в политическую экономию.

Ключевые слова: романтизм; прерафаэлитизм; Китс; Блейк; Вордсворт; Колеридж; красота; добродетель; подражание; художественная правда; воображение.

Tzurganova E.A. John Ruskin

Summary. The article traces the life and created activity of an English famous publicist and writer John Ruskin (1819–1900). In his works and lectures at Oxford University he always stressed the moral and ethical consideration of art and its close connection with life.

Keywords: romanticism; prerafaelitism; Keats; Blake; Wordsworth; Coleridge; Byron; Shelley; W. Scott; beauty; imagination; virtue; artistic truth.

Джон Рёскин (Раскин, Ruskin) (8. II. 1819, Лондон – 20. I. 1900, Конистон, Сев. Ланкашир) – английский теоретик и историк искусства, писатель, поэт, художник, литературный критик и публицист, автор работ по естествознанию, социальный реформатор.

Родился в семье шотландца, богатого виноторговца, воспитывавшего сына в атмосфере религиозного благочестия. Получил первоначальное домашнее воспитание, еще в детстве имел возможность побывать во Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, обучался живописи.

В 1836 г. поступил в оксфордский Королевский колледж, где слушал лекции по геологии, биологии, настаивая впоследствии на необходимости изучения этих предметов художниками-пейзажистами. Окончил Оксфордский ун-т (1839). В 1869 г. избран первым почетным профессором искусств этого ун-та.

Творческое наследие Рёскина обширно и многогранно – собрание сочинений составило 39 томов. Он писал с детства. Ранние прозаические произведения основаны на Библии, которую Рёскин постоянно читал вместе с матерью, до конца своих дней разделявшей интересы сына. В Оксфорде Рёскин писал стихи и среди немногих уже известных писателей получил престижную премию (Newdigate). Первый том задуманного им пятитомного труда «Современные художники» (Modern painters, V. 1–5, 1843–1860) вышел, когда автору было 17 лет. Именно здесь Рёскин выступил с защитой нового современного искусства, выразителем которого считал английского пейзажиста Джона Тёрнера (1775–1851). Рёскин был первооткрывателем творчества этого художника. В данной ранней работе закладывались основы эстетики Рёскина – синтез античной гражданственности, идей просветительства и романтического одухотворения природы. Соединение поэтики романтизма и интереса к архитектуре привлекло внимание Рёскина к готике. Он подчеркивал общечеловеческую ценность готического искусства XII–XIII вв., видел в нем истоки современного романтизма и залог возрождения подлинного искусства вообще. Рёскин создал в английской литературе новый жанр – эссе, в котором обнаруживается синтетический подход к произведениям изобразительного искусства и его связях с литературой.

После поездки в 1845 г. в Италию, посещения Лукки, Пизы, Флоренции, Венеции Рёскин издает книгу «Семь светочей архитектуры» (The seven lamps of architecture, 1849) и трехтомник «Камни Венеции» (The stones of Venice, 1851–1853), где стремится установить связь между венецианской архитектурой, историей и современным образом жизни этого города. В 1848 г. он женится на

Эфимии Чалмерс Грэй и вместе с ней совершают очередные путешествия по Италии.

Упрочивается литературная и искусствоведческая слава Рёскина: выходит его поэтический сборник «Венецианские стихотворения» (1851), издается подготовленный Рёскиным посмертный каталог работ Тёрнера (1851).

Рёскин привлек внимание английской публики к новому художественно-эстетическому явлению в литературе и живописи своим эссе в «Таймс» «Прерафаэлитизм» (Pre-Raphaelitism, 1851) в ответ на академическую критику выставки этой группы. Он фактически открыл эту группу, как сделал это в отношении творчества Тёрнера. Творчеству прерафаэлитов Рёскин посвятил также лекцию, прочитанную в философском институте Эдинбурга 18 ноября 1853 г. и опубликованную в «Лекциях об архитектуре и живописи» (Lecture on Architecture and Painting, 1854), статью «Прерафаэлитизм в Ливерпуле» (Pre-Raphaelitism in Liverpool, 1858), эссе «Общие соображения о шотландских прерафаэлитах» (Generalization on Scotch Pre-Raphaelites, 1858), работу «Искусство Англии» (The Art of England, 1884). Упоминания о прерафаэлитах содержатся также в четвертом томе «Современных художников» (1858). Романтические идеи основателей «Братства прерафаэлитов» (The Pre-Raphaelite Brotherhood, 1851) (Д.Г. Россетти, Миллес, Хант, Бёрн-Джонс) о пагубном влиянии посттрафаэлевского академизма, внимательном изучении натуры, следовании «правде детали» были близки Рёскину. В своем восприятии красоты прерафаэлиты основывались на эстетике Дж. Китса, для которого чувственная красота (*sensual beauty*) означала все. Рёскину, однако, более близка была традиция Блейка и Вордсвортса, а не Китса. Поэтому освоение наследия Рёскина – это вступление в совершенно иную сферу мышления. В своей программной книге «Искусство Англии» (1884) Рёскин переосмыслил идею Китса о том, что «предмет красоты – это радость навеки»¹, выраженную поэтом в начальных 24 строках его поэмы «Эндимион» (1817). Красота – это вечная радость, несущая людям покой, здоровье, мечты; она торжествует, несмотря на отчаяние. Труды Рёскина более значительны, чем труды его современников прерафаэлитов, он исходит из более глубоких источников английской мысли. Рёскин увлекается проектами социальных преобразований в духе «средневекового

социализма» и видит свою задачу в просвещении английской молодежи и воспитании поколения, которому предстоит реформировать Англию.

В 1857 г. в Манчестере им был прочитан курс «Политическая экономия искусства» (The political economy of art), послуживший основой книги «Радость навеки» (A joy forever, 1880).

Используя в заглавии формулировку Китса о красоте, Рёскин выступил против ложного истолкования этого тезиса, которое стали широко использовать сторонники «чистого искусства». В «Искусстве Англии» он писал: «Добиться радости для себя и для ваших детей – в полях, домах и церквях Англии – вы можете только в том случае, если по-иному прочтете эту обманчивую стихотворную строчку. Прекрасная вещь как данность существует лишь одно мгновение, но как свидетельство она существует вечно. В своей вечной жизни народы должны уповать на закон красоты и на свидетельства его; именно в самих делах и в самой правде предмет красоты – это закон навеки. В этом истинный смысл классического искусства и классической литературы – не в свободе удовольствий, а в законе доброты... Смысл бытия не столько в красоте, сколько в доброте. Этот закон красоты – единственный, и, насколько мы можем судить, будет реализовывать себя более совершенно с течением времени, по крайней мере это единственный закон, в котором ничто никогда не устареет»².

В 1860 г. увидел свет последний том капитального искусствоведческого труда Рёскина «Современные художники», но в сфере его интересов уже очевидны изменения. В период подъема чартистского движения в Англии и революции 1848 г. в Европе социальная публицистика занимает Рёскина больше, чем история искусства, хотя по-прежнему сфера его интересов неисчерпаема. Последовательно выходят: книга «Последнему, что и первому» (Unto This Last, 1862) по экономике, «Сезам и Лилии» (Sesame and Lilies, 1865, расш. изд. 1871) о литературе и общих проблемах культуры, «Кrona дикой оливы» (The Crown of Wild Olive, 1866) – по социальным проблемам, «Королева эфира» (The Queen of air, 1869) – о греческой мифологии. Свои во многом утопические социально-политические взгляды Рёскин изложил в работе «Времена и течения» (Time and tide, 1867).

С 1871 г. Рёскин начал периодически публиковать «Письма к рабочим и труженикам Великобритании» (Fors Clavigera: Letters to the Workmen and Labourers of Great Britain, 1871–1886). Всего 96 писем.

В 1869 г. в Оксфорде впервые была открыта кафедра искусства, куда Рёскин приглашен в качестве первого профессора. Через год появилось отдельное издание «Лекций об искусстве» (Lectures on Art, 1870), еще при жизни автора выдержанное несколько изданий и переведенное на основные европейские языки. «Лекции» содержали не краткую историю искусства, а отражали стремление изложить историю видения и способности отражения живого видения в изобразительном искусстве; рассчитаны на студентов-литературоведов и будущих художников. Рёскин считает искусство главной нравственной, продуктивной и образующей силой страны. Основные положения своих лекций Рёскин выделяет подчеркиванием: «Искусство каждой страны есть показатель ее социальной и политической силы»³. «...Прочность лучших искусств и самого светлого счастья зиждется на добродетели, и только на ней одной»⁴.

Рёскин пишет о гибели нравственности и искусства в буржуазном обществе, выступает за необходимость реформ в образовании и организацию ремесленного производства. В 1871 г. Рёскин организовал близ Брэнтвуда общину Св. Георга – коммуну с ремесленными мастерскими, где применялся исключительно ручной труд и работа была организована по средневековым цеховым принципам, не лишавшим людей творческого воображения. Он хотел преодолеть пагубные последствия промышленной революции и вернуть рабочих «к земле». Смерть матери (1871), по словам Рёскина, погасила интерес к «общине» и обострила нервное расстройство, которым он страдал много лет.

В 1875 г. оксфордская университетская администрация предоставила Рёскину по его просьбе отпуск. К преподаванию он больше не вернулся.

В деятельности Рёскина – истоки современной эстетической и литературной критики Великобритании. Сила его теории состоит в утверждении понятия «художественная правда в искусстве». «Слово “правда” (righteousness), примененное к искусству, означает верное представление в уме и чувствах каких-либо природных

фактов»⁵. Если «подражание» предполагает похожесть в воспроизведении материального объекта, то «художественная правда» состоит в концептуальном осмыслении объекта. Рёскин был уверен, что для постижения правды в искусстве необходимо понимать законы природы. В этом плане он высоко ценил науку. Искусство и наука взаимно дополняют друг друга. Художнику важно быть верным как научной истине, так и творческому *воображению*. «Истина и красота, знание и воображение неизменно сочетаются в искусстве»⁶. Оригинальность произведения искусства Рёскин видел не в новизне художественных приемов, а в постижении правды, в подлинности изображения жизни. Здесь он вплотную подошел к определению некоторых сторон реалистического творчества, что определяет характер его эстетических взглядов как переходный, состоящий в эволюции от романтизма к реализму.

Однако наиболее полно Рёскин сумел усвоить и сформулировать принципы романтической эстетики. Идеи Рёскина основываются на синтетическом подходе к культуре: живопись, скульптура, архитектура рассматриваются им во взаимосвязи с литературой. Ему принадлежат исследования о Данте, Шекспире, Вордсворте, Кольридже, Китсе, В. Скотте, Диккенсе.

Истоки возникновения романтического искусства в конце XVIII – начале XIX в. Рёскин связывал с критической реакцией на «недостатки в социальной экономии»⁷ современного ему общества. Он был убежден в том, что индустриализм буржуазного общества разрушает единство человека и природы. Здесь он следовал за большинством английских романтиков – Вордсвортом, Саути, Байроном. Индустриальному рабству Рёскин противопоставлял романтическое представление о небуржуазной личности, душа которой свободна. Такого человека привлекает очарование мечты, обращенной к прошлому или будущему.

Концепция романтизма XIX в. развернуто изложена Рёскиным в работе «Искусство Англии»: «Я использую слово “романтизм” всегда в благородном смысле, имея в виду тот взгляд на внешний реальный мир, который был свойствен авторам романтических историй, певцам, творившим в Средние века, и тот взгляд, который в наше время выразили Скотт, Бёрнс, Байрон и Теннисон... Наша современная высокая романтическая литература во всех случаях с большой силой отображала современные явления»⁸.

Рёскин видел огромное значение романтизма в его обращении к личности, изображении сложного противоречивого внутреннего мира человека.

Рассуждая о пассивном и активном отношении романтиков к жизни, Рёскин стремился сохранить все лучшее в этической системе романтизма. Он использовал нравственные идеи романтиков в своей деятельности по защите социальной справедливости. В книге «*Fors Clavigera*» Рёскин впервые в истории английской критики предложил историко-функциональное использование идей романтизма.

Будучи сам поэтом, Рёскин был чуток к устремлениям каждого из романтиков и относился к ним дифференцированно. Рассматривая творчество Уильяма Блейка, он оценивал его и как художника и как поэта. В работе «Орлиное гнездо» («*The Eagle's Nest*», 1872) он подчеркивал: «Его поэмы написаны с абсолютной искренностью, с бесконечной добротой, и, хотя в их стиле есть нечто болезненное и дикое, это – поэмы отличающиеся правдивостью слов великого и мудрого духа... высказывающего пламенные афоризмы, которые являются самыми драгоценными словами в существующей литературе»⁹.

Рёскин высоко ценил У. Вордсворта, лучшие стороны творчества которого вдохновляли его в течение всей жизни. Несмотря на существующие между ними различия – гражданская пассивность Вордсворта и активная социально-эстетическая позиция Рёскина – Рёскину была близка «философия» поэта: «Он необычайно одарен чувством красоты природы, и его приятная склонность к размышлению, хотя и не очень проницательным, но все-таки производящим сильное впечатление, оказывает целительное действие на тех, кто подвержен лихорадке смятенной и развернутой жизни их времени»¹⁰.

В работах «Искусство Англии» и «*Fors Clavigera*» Рёскин формулирует свое этическое кредо, основываясь на стихе Вордсворта: «Мы живем Восхищением, Надеждой и Любовью» из четвертой книги поэмы «Прогулка». Рёскин считал эти «три нематериальные полезные вещи», эти «романтические страсти» сутью человеческой жизни. «Восхищение» – способность распознавать красоту, оказывать уважение к людям. «Надежда – истинное видение и узнавание лучшего, чего можно достичь в будущем нами и

другими; и надо стараться по мере сил достигать этого»¹¹. «Любовь» означала все самые счастливые и благородные отношения в семье и обществе. Именно эти силы, включенные в стихотворный афоризм Вордсворта, Рёскин противопоставлял аморализму буржуазного общества. Рёскин подчеркнул глубокий гуманизм поэта. Соединенное с его собственной «радикальной разновидностью романтизма» (Г. Блум), творчество Вордсворта демонстрирует непреходящий характер нравственно-эстетических ценностей, выдвинутых английским романтизмом.

Рёскин чувствовал своеобразие каждого из английских романтиков. Сопоставляя Вордсворта и Кольриджа в письме к Уолтеру Брауну в 1843 г., он писал: Кольридж «позволял своему прекрасному уму, данному ему богом, работать беспорядочно, без определенной цели, как придется. У Вордсворта же был большой, последовательный, превосходно дисциплинированный, всеохватывающий интеллект, для которого ничего не было слишком малого, ничего слишком великого, он все видел в должных соотношениях. Вордсворт божественно чист в своих представлениях об удовольствиях, благороден в спокойном сознании блага, интенсивен, как белое пламя, в своих строгих чувствах. Кольридж, быть может, и великий поэт, но о нем нельзя сказать, что он великий человек... Я думаю, что Кольридж оказал очень незначительное моральное влияние на мир; его произведения созданы благожелательным человеком, но страдающим лихорадкой»¹².

Имена Шелли и Байрона Рёскин часто объединял: «Шелли и Байрон при виде мук и несправедливости испытывали чувство горечи и негодования»¹³. Он отдавал при этом предпочтение Байрону, считая его лучшим романтическим поэтом Англии XIX в. В Шелли Рёскина привлекало понятие «интеллектуальная красота», которое он предпочитал «красоте как радости» Китса и использовал в первом томе «Современных художников». В стихотворении «Гимн интеллектуальной Красоте» (1816) Шелли выразил этим понятием свой идеал прекрасного, являющийся для него смыслом бытия. Однако Рёскин, испытывая «лихорадочное волнение» при чтении Шелли, не мог понять до конца поэму «Восстание Ислама» и «потратил много времени на “Чувствительное растение” и “Эпипсихидион”». Но чтение поэмы «Освобожденный Прометей» помогло ему «понять кое-что в Эсхиле»¹⁴.

Поэзия Байрона оказывала большое влияние на юного Рёскина. Стихи, написанные в подражание «Гяуру» и «Абидосской невесте», дали возможность «лучше узнать олимпийский язык», ему была близка байроновская независимость духа, способствующая смелости его выступлений против социальных устоев капиталистического общества, прежде всего в очерках «Последнему, что и первому», «*Munera Pulveris*» (1863).

Рёскин ценил стихи Байрона за их пророческую силу, насыщенность мыслью, этическую позицию, мужество отстаивать свою независимость в атмосфере травли и вражды, щедрость и глубину страстей. Он восхищался образованностью поэта. «Рано проявившиеся способности Байрона были основаны на постоянном чтении великих мастеров во всех областях литературы, и, я думаю, что такое образование в раннем возрасте не имело себе равного ни у кого другого...» «В его точных наблюдениях была самая большая правда, а выбранные им слова были самыми содержательными и емкими из всех, что я прочел в литературе»¹⁵. Рёскин утверждал, что после чтения Байрона «человек, если его душа не мертва, становится лучше как личность, его мысли возвышеннее, сердце чище, чувства благороднее»¹⁶.

Рёскин убежден, что критерием качества стиля является нравственное чувство, выраженное в художественном произведении. Он считал Байрона великим мастером стиха, так же как Тёрнера – великим мастером живописи. И оба они стали для Рёскина любимыми художниками на всю жизнь. Наиболее полную характеристику творчества Байрона Рёскин дал в принципиальной для его литературной теории работе «Художественный вымысел: прекрасное и безобразное» («*Fiction, Fair and Foul*»).

Рёскин был поклонником творчества В. Скотта. Он высоко ценил нравственное начало в его произведениях, называл его «представителем духа своего века». Рёскин мечтал посвятить Скотту многотомное исследование, однако сумел написать лишь отдельные статьи, вошедшие как главы в книги «Современные художники» (т. 3) и «*Fors Clavigera*». В прозе Скотта Рёскин отмечал проявление интереса к готике. Для Скотта первостепенное значение имело творческое воображение. «Особенность готического воображения – это не только интерес к возвышенному, но и тенденция к фантастическому и смешному»¹⁷. Гротескность готики

Рёскин считал родственной романтизму. «Более значительным художником является тот, кто способен улавливать переходы от ужасного к красоте, от красоты к ужасному»¹⁸.

В своих исторических романах Скотт сумел передать суровость готического искусства, упорство в достижении поставленной цели, пуританский дух. Рёскин постепенно приходит к отрицанию меланхолического настроения, свойственного романтикам, призывает к изображению многообразных проявлений чувств. Обращенная к готике, даже у любимого им В. Скотта, ориентация на прошлое оценивается им в конечном счете как ограниченность английского романтизма. «Скотт посвящает почти половину своей интеллектуальной деятельности приятному, но бесцельному мечтанию о прошлом и тратит половину своего литературного труда на попытки возродить его, не в реальности, а на подмостках литературы». Рёскин считает эти попытки успешными «только потому, что Скотт изобразил под старинными доспехами вечную человеческую натуру, которую он знал; и совершенно безуспешно он рисовал доспехи, о которых ничего не знал. Превосходные достоинства творчества Скотта находятся в прямой зависимости от его обращения к современной жизни»¹⁹.

О романтическом в творчестве Скотта Рёскин судит уже с позиций реалистической эстетики, что свидетельствует о трансформации эстетической и теоретико-литературной мысли Англии XIX в. – движении от романтизма к реализму. В работе «Сезам и лилии» (1865) он пишет: «Хотя ранняя романтическая поэзия была прекрасна, ее свидетельства уже не имеют такого веса, как прежде; она сохраняет значение в качестве юношеского идеала»²⁰.

Если ранний Рёскин призывал к тщательному изучению природы, развитию пейзажной живописи, в чем видел путь к нравственному исправлению общества, то позднее он осознал необходимость соотносить свою деятельность с социально-экономическими проблемами современности. Он отказывается признавать самоценность индивидуализма. Личность должна утверждать себя «в бескорыстном присутствии человеческого духа во всем, активизации его в процессе общения со всем окружающим; этот дух живет и выражает себя благодаря связи во всем, что есть в мире»²¹.

Огромное воспитательное значение имела лекторская деятельность Рёскина: лекции об архитектуре и живописи (1853),

лекции об искусстве в Оксфордском университете (1869–1878; 1883–1884), лекции, прочитанные в Манчестере в 1857 г.

Рёскин ставил перед собой труднейшую задачу – ввести мораль и эстетику в политическую экономию. Он призывает своих слушателей учиться воспитывать молодое поколение: «Подготовляя их к полному служению обществу, вы должны в самом высшем смысле сделать из них людей благородных, т.е. озабочиваться о таком воспитании их души, чтобы во всем, что они будут изображать, они видели бы и чувствовали самое благородное... главная и конечная ценность для каждой нации зависит от способности облагораживать зрителей и приводить их в восторг; и картина, наиболее заслуживающая названия художественного сокровища, всегда будет из числа нарисованных хорошим человеком»²².

Эволюция эстетических идей в деятельности Рёскина – это движение от романтической концепции «человек и природа» к реалистической концепции «человек и общество», что отражает общие закономерности развития художественной культуры XIX в.

Незаконченными остались мемуары «Praeterita» (1885–1900), которые многими оцениваются как лучшее произведение Рёскина.

Сочинения: Works / Ed by Cook and Wedderburn. 1903–12 (39 vols); The Literary Criticism of John Ruskin / Ed. H. Bloom. Gloucester (Mass.) 1969; Искусство и действительность. – Новосибирск: Сова, 2006; Лекции об искусстве / Под ред. Е. Кононенко. – М.: БСГ-Пресс, 2006; Радость навеки и ее рыночная цена, или Политическая экономия искусства. – М.: КомКнига, 2007.

Список литературы: Аникин Г.В. Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986; Chambers R.W. Ruskin on Byron. The English Association. – Pamphlet N 62. November, 1925; A.H.R. Ball. Ruskin as Literary Critic. Cambridge Univ. Press, 1928; Townsend F.G. Ruskin and the Landscape Feeling. Urnaha, 1951; Ladd H. Victorian Morality of Art: An Analysis of Ruskin's Esthetic. N.Y., 1968.

¹ Keats J. Poetical Works. M., 1966. P. 28.

² Ruskin J. The art of England. L., 1893. P. 105–106.

³ Рёскин Дж. Лекции об искусстве. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006. С.69.

⁴ Там же. С. 71.

- ⁵ *Ruskin J. Modern Painters.* L., 1897. Vol 1. P. 24.
- ⁶ *Ibid.* P. 441.
- ⁷ *Ibid.* Vol. 3. P. 297
- ⁸ *Ruskin J. The art of England.* L., 1893. P. 5–6.
- ⁹ *Ruskin J. Eagle's Nest.* – In: *Ruskin as Literary Critic: Selections* / Ed. A.H.R. Ball. Cambridge Univ. Press., 1928. P. 264.
- ¹⁰ *Ruskin as Literary Critic.* P. 265.
- ¹¹ *Ruskin J. Fors Clavigera: Letters to the Workmen and Labourers of Great Britain.* L., 1906. P. 97.
- ¹² *The Literary Criticism of John Ruskin* / Ed. H. Bloom. Gloucester (Mass.). P. 1.
- ¹³ *Modern Painters.* Vol. 3. P. 315.
- ¹⁴ *Ruskin J. Praeterita.* L., 1889. Vol. 1. P. 281.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 210; 215.
- ¹⁶ Цит. по кн.: *Chambers R.W. Ruskin (and others) on Byron. The English Association Pamphlet N 62. November, 1925.* P. 19.
- ¹⁷ *Ruskin J. Stones of Venice.* – In: *Ruskin J. Works.* N.Y., 1887. Vol. 6. P. 202.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 190.
- ¹⁹ *Modern Painters.* Vol. 3. P. 281.
- ²⁰ *Ruskin J. Sesame and Lilies // Wirk of John Ruskin.* N.Y., 1889. Vol. 11. P. 91.
- ²¹ *Modern Painters.* Vol. 5. P. 226.
- ²² *Рёскин Дж. Радость навеки и ее рыночная цена, или Политическая экономия искусства.* М.: УРСС, 2007. С. 22.

Е.А. Щурганова

АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЬЗ СУИНБЁРН

Аннотация. Статья посвящена английскому поэту, драматургу, критику А.Ч. Суинбёру (1837–1909); анализируются основные мотивы его творчества – воспевание свободы, отрицание догмы, пантеистическое отношение к природе, любовь к чувственной красоте, к средневековому язычеству. Отвергал воспитательную роль искусства, дидактизм; в духе романтизма считал творческое воображение единственной истиной. Представитель «эстетического движения», Суинбёрен был близок к прерафаэлитизму; предложил свое толкование концепции «искусство для искусства» («art for art's sake»).

Ключевые слова: Байрон; Шелли; Китс; Колридж; творческое воображение; прерафаэлитизм; «искусство для искусства»; идеализация чувственности; психологизм.

Tzurganova E.A. Algernon Charles Swinburne

Summary. The article traces the literary activity of A.Ch. Swinburne (1837–1909), the English poet, dramatist and the writer of art. Swinburne deals the romantic principle understanding imagination as the central esthetic concept; in common with Preraphaelitism gave his own art for art's sake theory, neglected the didactic function of art.

Keywords: Byron; Shelley; Keats; Coleridge; Preraphaelitism; art for art's sake theory; imagination; phycologism.

Алджернон Чарльз Суинбёрен (Swinburne) (5. IV. 1837, Лондон – 10. IV. 1909, Патни, близ Лондона) – английский поэт, драматург, критик; сын адмирала. Учился в Итоне и Оксфорде. Суинбёрен представляет характерный тип литературного критика,

который сложился в Великобритании второй половины XIX в. Это критик-поэт, как С. Колридж и Мэттью Арнольд, пишущий одновременно и о литературе и о живописи. Он единственный в Англии высказал сочувствие к вагнеровской идее синтеза искусств на музыкальной основе. Как поэт и драматург Суинбёрн продолжил традиции поколения Байрона, Шелли, Китса. Мотивы их творчества созвучны: воспевание свободы, враждебность по отношению к ортодоксальной религиозности, отрицание догмы, пантеистическое отношение к природе, любовь к чувственной красоте, к средневековому язычеству (сборники «Песнь об Италии» (A song of Italy, 1867), «Предрассветные песни» (Songs before sunrise, 1841)). Лучшие произведения Суинбёрна – трагедия «Шателяр» (Chastelard, 1865), составившая вместе с «Босуэллом» (Bothwell, 1874) и «Марией Стюарт» (Mary Stuart, 1881) драматическую трилогию о шотландской королеве XVI в.; сборник «Поэмы и баллады» (Poems and ballads, 1866, 1878). Суинбёрн внес в поэзию и нечто новое, соответствующее заканчивающемуся XIX столетию: бунт против пуританства, против подчинения искусства социальной жизни общества, идеализацию чувственности, что открывало путь к декадентской литературе.

В отличие от других английских поэтов Суинбёрн был подвержен влиянию современных французских писателей. Он восхищался творчеством Виктора Гюго, считая его величайшим мастером языка, Теофиля Готье, усваивал пессимистическую тональность творчества Бодлера. Суинбёрн обогатил романтизм психологизмом и интеллектуальностью. Он ратовал за интенсивную жизнь личности, но рассматривал ее вне моральных категорий добра и зла. Для Суинбёрна сохраняет значение романтический принцип – жизнь как постоянное неудовлетворенное томление. Он отвергал воспитательную роль искусства, полагая, что дидактизм противоречит его сути; единственной истиной считал творческое воображение.

Суинбёрн стал не только известным поэтом, но и крупным литературным критиком. В своих критических исследованиях: «Уильям Блейк» (William Blake: A critical essay, 1868), «Статьи и очерки» (Essays and studies, 1875), «Заметки о Шарлотте Бронте» (A note on Charlotte Brontë, 1877), «Изучение Шекспира» (A study of Shakespeare, 1880) – он развивал идеи Дж. Рёскина об «органи-

ческой форме», о воображении, о благородстве искусства, но в них отсутствовал тот социальный и моральный пафос, который отличает статьи и книги Рёскина. Он упрекал В. Гюго за подчеркнутый социальный характер романа «Отверженные». Восхваляя «Цветы зла» (*Les fleurs du mal*, 1862) Бодлера, он отвергал дидактический аспект.

Суинбёрну были близки идеи прерафаэлитизма. В 1856 г. он стал членом нового «братьства прерафаэлитов», созданного в Оксфорде под влиянием деятельности Д.Г. Россетти. Однако Суинбёрн превзошел рамки этого движения, существенно расширив его границы. Он – представитель условно называемого «эстетического движения» (*aesthetic movement*) в Англии, зачинателем которого был Дж. Рёскин, а завершителем – О. Уайльд.

Как теоретик литературы Суинбёрн предложил свое толкование концепции «искусство для искусства» (*«art for art's sake»*). В книге «Уильям Блейк» он писал: «Давайте никогда больше не будем говорить о моральной миссии искусства как о важнейшей его задаче». Близкий ему французский термин *«l'heresie de l'enseignement»* Суинбёрн перевел как «великая моральная ересь» (*«the great moral heresy»*), хотя не был знаком с источником этой формулировки, предложенной Э. По, – «ересь дидактики» (*«heresy of the didactic»*). Однако приверженность Суинбёрна теории «искусство для искусства» не была последовательна. Он настоятельно отвергал дидактическую функцию искусства, утверждая, что задача поэта – писать хорошие стихи, никоим образом не воспроизводить общество путем отыскания основ морали. Но в 1872 г. Суинбёрн модифицировал свои теоретические взгляды: хорошо известная формула «искусство для искусства», писал он, имеет, как и другие доктрины, две стороны. «Взятая как утверждение она абсолютно правдива. Ни одно произведение искусства не имеет ценности и не жизнеспособно, если оно не осуществлено подлинными средствами искусства». В очерке же «Заметки о поэмах и рецензиях» (*Notes on poems and reviews*, 1866), написанном в собственную защиту на критические отзывы о его переизданном и дополненном сборнике «Поэмы и баллады» (1878), Суинбёрн процитировал принципиальный отрывок из работы о Блейке: «Мы полагали, что ценность произведения поэтического искусства не имеет ничего общего с его моральным содержанием, но, с другой

стороны, мы отказываемся утверждать, что искусство высочайшего класса не связано с моральным или религиозным аспектами, с этическими или политическими национальными особенностями своего времени». Позднее Суинбёрн даже писал о том, что не знает творческих личностей, которые утверждают, что поэзия никогда не должна быть нравоучительной или дидактической. В эссе о Блейке он размышлял о разрыве формы и содержания в произведениях искусства и пришел к заключению, что красота и сила выражения вряд ли соотносятся с «пустым или бесплодным» содержанием. Суинбёрн по-прежнему высказывался против ограничений викторианского искусства и оценки искусства с позиции догматического содержания и его возможностей судить о действительности. Он говорил о несправедливости отдавать предпочтение глубоко содержательному «Генриху V» Шекспира в сравнении с «бессмысленной и бесцельной красотой» (pointless and aimless beauty) его «Сна в летнюю ночь».

Суинбёрн пришел также к убеждению, что было бы ошибкой считать совершенным произведение искусства, обладающее «словесной гармонией и больше ничем» (verbal harmony and nothing else). Развивая концепцию «органической формы», он пишет, что истинное произведение искусства – это единство процесса анализа, анатомирования с облеченностью в безупречную форму (solid and flowless unity, whole and indissoluble). Но как критик-практик Суинбёрн не всегда выдерживал свои позиции теоретика. Он вообще считал, что невозможно дать определение поэзии. «Тест на высшую поэзию – это ускользание от всяких тестов».

Критические работы Суинбёрна отличают две экстремальные позиции: суперлативные оценки, которые он относит к творчеству Гюго, Шелли, елизаветинских драматургов, и экстравагантно порочащие, направляемые им в адрес его противников и недоброжелателей. В рамках этих крайностей Суинбёрн предпочитает останавливаться на сравнительных аспектах анализа. В работе «Вордсворт и Байрон» (Wordsworth and Byron, 1884), уязвленный оценкой М. Арнольда, который ставил Вордсворта и Байрона выше Шелли и Китса, Суинбёрн обрушивается на Байрона как на «третъеразрядного поэта» (third-rate poet), творчество которого считает «хаосом фальшивых образов» (chaos of false images), лишенным истинной музыкальности и даже отблесков воображения

(neither a note of real music nor a gleam of real imagination). Вместе с тем в «Избранном» (Selections, 1866) Суинбёрн высоко оценивает Байрона и как человека и как поэта. Суинбёрн возвышает Шелли в сравнении с Вордсвортом и Китсом, настаивая на том, что при звуках его «Оды к западному ветру» «меркнут небесные звезды Вордсворта и соловей Китса».

Теоретические искания Суинбёрна базировались на поисках «чистой поэзии» (pure poetry), которая реализовывалась для него в единстве двух компонентов – «воображения» и «гармонии». Он воспринимал ее либо как «визуальную образность», либо как «словесную музыку». Поэзия Шелли воплощала для него оба эти идеала. Суинбёрн редко анализировал любимых поэтов-романтиков детально. Но тем не менее как текстуальный критик он исследовал творчество Шелли, Теннисона, Браунинга, М. Арнольда. Вслед за Шелли Суинбёрн ставит Колриджа, полагая при этом, что Шелли превосходил Колриджа в моральном отношении подобно тому, «как Мильтон превосходил Драйдена», а «Софокл Горация». Суинбёрн высоко ценил лишь поэмы «Старый мореход», «Кубла хан», «Кристабель», но в целом характеризовал концепцию Колриджа как «безногую райскую птицу» (footless bird of paradise), подобную Антею, контакт которого с землей лишал его всех сил. Он считал Колриджа «величайшим из мечтателей» (the greatest dreamer of dream), вобравшим в себя все эмоции любви и веры, все героическое обаяние моральной страсти – качества, которые Суинбёрн находил в творчестве Данте, Шелли, Мильтона и Гюго.

Оценки творчества М. Арнольда противоречивы. С одной стороны, Суинбёрн называл его классиком (reborn greek), но с другой – в сравнении с любимыми им поэтами-романтиками он оценивал его как Псевдо-Шелли (pseudo-Shelly), Псевдо-Вордсворт (pseudo-Wordsworth). Считал Арнольда несостоявшимся критиком (one of the worst critics).

Суинбёрн высоко ценил поэзию Д.Г. Россетти. Прежде всего его поэму «Бремя Ниневии» (The burden of Nineveh, 1856), считал это произведение воплощением единства формы и содержания.

Две работы Суинбёрна посвящены У. Уитмену – «Под микроскопом» (Under the microscope, 1872) и «Уитмания» (Whitmania, 1887). Он не рассматривал Уитмена как основателя школы «поэзии будущего» (the founder of a future school of poetry).

В работах о творчестве английских драматургов – от Марлоу до Р. Давенпорта, при широком историческом охвате материала, Суинбёрн не проявил интереса к теоретическим аспектам искусства драмы: структуре, стилистике, сценичности, особенностям создания характеров. Работа «Изучение Шекспира» (A study of Shakespeare, 1880) не отличается оригинальностью, построена на уточнении периодизации творчества драматурга и общей характеристике его пьес.

Анализируя творчество английских прозаиков, Суинбёрн наиболее высокие оценки дает романам Диккенса и сестер Бронте. Работа «A note on Charlotte Brontë» (1877) написана в стремлении подчеркнуть контраст «кreatивности» сестер «конструктивности» Джордж Элиот, в попытке сравнить «гений» с «интеллектом».

Несмотря на известную непоследовательность и вкусыевые предпочтения в оценках, Суинбёрн остается значимой фигурой в формировании основ английского литературоведения.

Основные издания: The complete works of Algernon Charles Swinburne / Ed. Gosse E.; Wise T.J. Bonchurch. Edition (20 vols). L., 1925–1927.

БИБЛИОГРАФИЯ

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА КОХАНОВСКАЯ (СОХАНСКАЯ) (1823–1884): Материалы к библиографии

Первая значительная публикация писательницы Н.С. Кохановской – повесть «После обеда в гостях» («Русский вестник» 1858, № 16) сразу же после выхода из печати вызвала ряд откликов, одобрительных или придирчивых. Впрочем, все они сходились в одном: появилось еще одно даровитое имя, необыкновенное. Писательница находит и показывает положительных героев, причем в действительности самой обыкновенной, на селе, в самой глубинке. И что это за светлые личности – цельные и правдивые натуры, владеющие сокровищами родного языка и народной мудростью! В своем отзыве на эту повесть Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), в частности, заметил: «Прежде всего останавливает нас значение содержания самой повести, значение чисто внутреннее, психологическое. Одно уже это содержание обличает в сочинительнице необыкновенную глубину взгляда и понимание нравственного мира». Отзыв Константина Аксакова появился в четвертом выпуске «Русской беседы» в том же, 1858 г., сразу после публикации повести. «Повесть эта столь глубокая по своему значению, замечательна в художественном отношении и является как одно художественное целое», – сказано в том же отзыве.

Что же представляет собой новый автор и откуда он с таким своим голосом? Надежда Степановна Кохановская (настоящая фамилия Соханская) родилась на хуторе Весёлый Корочанского уезда

Курской губернии. Тут она провела раннее детство в бедной малопоместной семье, затем долгие годы пребывала в Харьковском институте благородных девиц, по окончании его опять стала хуторянкой, но уже не в Курской, а в соседней, Харьковской губернии, и хутор ее будет называться Макаровка, что вблизи города Изюма. Тот же окрест бескрайний простор, те же заботы по хозяйству, та же бедность – нет ни земли, ни работников. Зато домашний уют, задушевные рассказы и песни матери, Варвары Григорьевны, и родной тети – даровитых сказительниц и песельниц, упоительное чтение русских книг (их Надежда берет в соседнем зажиточном поместье), серьезная проба пера. Но нет бумаги, пришлось писать на ротных донесениях родного батюшки, Степана Павловича, служившего кавалерийским ротмистром и ушедшего рано из жизни. Первые свои рассказы Надежда Соханская послала издателю «Современника» Петру Александровичу Плетнёву (1792–1865). Сочинения снабдила письмом, и в нем поведала о себе. Петр Александрович художественные сочинения начинающей писательницы отверг – поддалась литературной моде, а автобиография Надежды Степановны привела его прямо-таки в восторг. В письме к В.А. Жуковскому П.А. Плетнёв писал: «Автобиография г-жи Соханской есть лучшее, что только явилось у нас оригинального в последние пять лет. Тут исчерпаны все виды красоты и все оттенки русской жизни... Одну из этих тетрадей я препроводил для прочтения к Государыне Императрице, Ее Величество разделяет мое мнение». В изложении разных фактов и обстоятельств жизни было столько живости и благородства души, и сам язык свеж и колоритен, что весь слог писаний выдавал в авторе крупный талант, его самобытную сущность. Маститый литератор, как опытный наставник, убедительно рекомендовал барышне применить свое умение в создаваемых произведениях, тогда ее проза заговорит изящно и натурально.

И стала Соханская рассыпать в разные газеты и журналы свои первые повести и рассказы. В выборе псевдонима определилась не сразу. Поначалу ставила скромненькое Н., затем вывела полное свое имя – Надежда, или Макаровская – по хутору Макаровка, где жила, и только позже прочно овладела псевдонимом «Кохановская» – по ласковому прозвищу ее пращура, любимца, «коханца» князя Константина Острожского. Надежда Кохановская

благодаря таланту начала вдвигаться в большую отечественную литературу под этим псевдонимом, с ним навсегда и осталась. Степная хуторянка полюбилась многим читателям, самым требовательным и взыскательным. Мирная, тихая жизнь людей совестливых, честных, почитающих традиционный обиход в быту, и творческое веселение в труде, они стойко переносят невзгоды и огорчения, придерживаясь нравственных начал. И это ценилось в писаниях Надежды Кохановской не только Константином Аксаковым, но и всеми его сподвижниками.

Среди литературных откликов на произведения писательницы ярко и благожелательно прозвучал голос Павла Васильевича Анненкова (1813–1887), издателя первого научного собрания сочинений А.С. Пушкина, собирателя материалов для биографии великого поэта. Развернутая статья П.В. Анненкова, авторитетного литературоведа, была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» в августе 1863 г., сразу после выхода в свет двухтомника Надежды Кохановской. «Известно, — пишет рецензент, — что г-жа Кохановская начинает с той же точки, на которой остановился Гоголь: она ищет крепкого, физически и нравственно мощного русского человека и в этом смысле может называться продолжателем Гоголя, исполняя и доканчивая его предсмертную программу: показать миру глубину и величие русской души, удивить его новым и необычным типом. Материалов для этого... ищет в твердости религиозных убеждений, в преданности светлым преданиям родной поэзии и в нравственных, самостоятельно выработанных началах провинциального быта нашего, который и становится у нее питомником и рассадником многочисленной семьи крепких, изумительно мощных людей». П.В. Анненков далее отметил, что «Кохановская первая подошла к провинциальному быту, тождественному с народным в ее глазах, со страстной любовью, с явным намерением почерпнуть в нем не только вдохновение, но и житейскую мудрость». Провинциальный быт, таким образом, выдвинут в первые ряды национальных сил, укрепляющих народное сознание. Других начал придерживались критики-образователи, как они себя называли, им не по нутру ровная, мирная жизнь. Необходим бунт против «ненормальности общественного организма». Разбирая повесть Кохановской «После обеда в гостях», М.Е. Салтыков упрекает сочинительницу за то, что она взяла за идеал «смирение,

возведенное на степень деятельной силы, и прощение, как единственный путь к примирению жизненных противоречий». Не нравится рецензенту теория смирения и прощения, проповедуемая Н.С. Кохановской, это ведь противоречит высшему общественному идеалу, при котором «интересы частного лица и интересы общества шли рука об руку». Вместе с тем М.Е. Салтыков, как зоркий художник, высоко оценил присущие Кохановской талантливую наблюдательность и сердечную память, позволившие «воспроизвести эту жизнь осязательно и дать почувствовать читателю почти неуловимые ее свет и тени». (Публикация рецензии: «Современник» 1863, № 9.)

Творчество Надежды Степановны Кохановской сильно заинтересовало Ф.М. Достоевского. В своих письмах и записных книжках 60-х годов он неоднократно возвращался к оценке ее повестей. Вот одна из записей: «Мы многому научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, что хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует» (ПСС. Т. 20, с. 178). Фёдор Михайлович всегда радовался удачам близкой по духу писательницы и негодовал, когда замечал срыва.

Оказывается, самобытная провинциалка талантлива и мудра. В личном письме к писательнице Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), касаясь ее повести «После обеда в гостях», заметил: «Я думаю, вы и сами не знаете (как это часто бывает с художниками) всего огромного значения этих двух-трех печатных листов № 16 “Русского Вестника”. Повесть ваша, конечно, пользуется всеобщим успехом: хвалят ее со стороны чисто художественной, другие – со стороны психологической, но никто, в этом смею вас уверить, не оценил ее так высоко, как мы. Ваша повесть дохнула свежим, здоровым дыханием цельной русской жизни... Автор “Семейной хроники”, мой отец, С.Т. Аксаков, поручил мне передать вам свою глубокую благодарность за наслаждение, доставленное ему вашею повестью...». Высокая оценка со стороны подвижников русской мысли ободрила Надежду Кохановскую, вселила в нее уверенность в свои силы. Все ее творения затем станут задушевным чтением для многих русских людей.

Второй весьма заметной вехой в творчестве Кохановской была публикация крупной статьи «Степной цветок на могилу

Пушкина» («Русская беседа», 1859, № 17). Пушкин как национальное явление русской жизни осознавался нашими людьми постепенно, подобно познанию самой жизни. Тем более представлялись непостижимыми духовный облик поэта, его православные черты – заслонялись внешним налетом, озвученным игрой еще не настроенной лиры. Впрочем, близкие друзья Александра Сергеевича знали, как сродни его душе православные добродетели и как он в зрелые лета тянулся к благочестию – главной книгой почитал Евангелие, собирался в своем имении поставить Вознесенский храм, пробовал писать жития святых, умилительно перелагал стихами молитвы, послушно внимал церковным наставникам. Мученическую кончину Пушкин встретил с достоинством христианина и всех своих обидчиков простил, благоговейно принял Святое причастие.

Сразу после погребения поэта ближайший его друг и старший современник, Василий Андреевич Жуковский, в обширном письме к Сергею Львовичу Пушкину (1770–1848), отцу покойного, заметил: «Россия лишилась своего любимого национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созреванье совершилось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, буйною, часто беспорядочною силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе здравого мужества, столь же свежей, как и первая; может быть, не столь порывистой, но более творческой». Толпы простого народа со слезами прощались с Пушкиным, как с близким человеком, выразителем правдивых чувств.

Начинался период освоения наследия Пушкина, разработки его биографии. Ценный вклад в это народное дело вложил Павел Васильевич Анненков, первый публикатор в 1855–1857 гг. научного издания Сочинений поэта в семи томах. Тогда же вышли в свет и его важные «Материалы для биографии Пушкина», с включением писем и других документов, полученных Анненковым из семейного архива. Всё это точнее уяснило мировоззрение великого поэта, позволило разглядеть в его творческом портрете религиозные черты; обозначился путь, пройденный А.С. Пушкиным к православию. Этой важнейшей проблеме и был посвящен очерк Надежды Степановны Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина», написанный ею в 1857 г., в самом начале серьезного освоения

наследия поэта. Крупной жемчужиной оказался ее очерк в окружении совсем еще необъемной пушкинианы. Оставался он драгоценной жемчужиной в оправе уже возросшей пушкинистики и впоследствии, вплоть до нашего времени.

Публикация очерка проходила не без трудностей. Первое: неудачно был выбран журнал, куда Кохановская поначалу послала «Цветок», ей, степной хуторянке, неведом был и редактор журнала «Библиотека для чтения»; в 1857 г. им был Александр Васильевич Дружинин, критик западной ориентации. Мог ли ему подойти очерк, посвященный православному облику зрелого Пушкина, с высказанными здесь авторскими суждениями о необходимости пересмотра укоренившегося в обществе мнения о безрелигиозности поэта? Н.С. Кохановская по-новому, доказательно и весьма изящно разобрала поэтические шедевры Пушкина, рассмотрела религиозные его стихотворения в едином цикле, представив вкупе как бы цельную православную поэму, энергичную в духовном выражении. Разумеется, такой очерк о Пушкине Дружинину был чужд, и он отклонил присланное произведение, снабдив отказ отвлеченными рассуждениями. Надежда Степановна послала в ту же редакцию взволнованный протест, объясняя свою позицию.

И вот писательнице пришла благая мысль: предложить «Степной цветок» в редакцию журнала «Русская беседа». Восторженный отклик Ивана Аксакова получен немедленно. И в пятом выпуске этого солидного издания за 1859 г. очерк Н.С. Кохановской был напечатан, причем открыт он протестным письмом автора. Исследовательское дарование Надежды Кохановской поистине не уступало ее художественному вкусу. Приведем выдержку из личного письма Ивана Аксакова к Надежде Степановне, посланного 20 июля 1859 г., по выходе очерка в свет: «Статья ваша о Пушкине – самое торжественное ему оправдание, его истинное прославление. Никто до сих пор не взглянул так глубоко в самую глубь его поэзии, не выхватил так смело из этой глуби самых сокровенных перлов, которые и для него самого не были предметом ясного сознания, и которые, по внутреннему инстинкту, он даже уберегал от чужого пытливого взора. Разоблачение эпопеи внутренней жизни духа, сделанное вами, само по себе художественное произведение... Вот в чем должны заключаться биографии писателей, вот

как должно изучать поэтов! Так, чтобы черты его нравственной, внутренней физиономии ярко обрисовывались перед нами».

Откликнулся на публикацию «Цветка» и сподвижник Аксакова, известный богослов и поэт Алексей Степанович Хомяков. В своем письме к другу он заметил: «Я решительно восхищаюсь “Степным цветком” Соханской и радуюсь, но только как словом прекрасной, глубоко-художественной и сочувственной души».

Между тем жизнь самой писательницы продолжалась в условиях тяжких. Бедственный быт обитательниц хуторка Макаровка, окруженного со всех сторон ковыльной степью с древними курганами, одиночество, скрашиваемое разве что литературными занятиями да с трудом добываемыми книгами. Но ведь мир не без добрых людей: Надежда Степановна вот уж который год переписывалась с другом Пушкина, Петром Александровичем Плетнёвым. Письма хуторянки содержательны и свежи по стилю.

Не выронить бы творческого дара под невзгодами – вот основа бытия писательницы Кохановской. Укреплялась силой молитвы и Евангелием – вечно живым Словом Спасителя. Такое прибежище оживотворяло творческие усилия и самого Пушкина в зрелые годы. «Степной цветок» Надежды Кохановской – посильная дань русской талантливой женщины родному слову и его гению. Очерк надолго оказался непревзойденным в нашей литературе. О духовном облике А.С. Пушкина впоследствии будут сказаны пророческие слова Ф.М. Достоевским – продолжателем дела великого поэта, а также новейшими философами, религиозными мыслителями.

После «Степного цветка» Надежда Кохановская создает повесть «Кирила Петров и Настасья Дмитрова» – напечатана в газете И.С. Аксакова «День» (1861, № 1–9). Повесть получила высокую оценку читателей, особенно тех, что приближены к Императорскому двору. Впрочем, психологическая проблема, поставленная писательницей, – сопереживание скорби близкого человека, попавшего в беду по вине постороннего лица, так прямо в прозе еще не звучала и не разрабатывалась. Мучается совестью барышня-сиротинка Настя, одновременно убивается всем простодушным существом приказчик Кирила, тоже сирота, росший как привелось. Как укротить скорбь молодой семьи – доброго мужа и виноватой жены, и возможно ли тут прощение? Оказывается, возможно и

необходимо оно. Совесть находит опору в смирении, в молитвенном устроении. Добром побеждается падение, и душа возродится, возвысившись в порыве спасительного покаяния. «Не выговоренное, а молча выплаканное горе, оно как будто святое к Богу идет» – так наставляла сама писательница некогда одну молодую особу в частном письме, а в своей остросюжетной повести она эту же свою мысль высказала открыто и прямо для всех. Касаясь этой повести, литератор П.В. Анненков заметил, что «главные действующие лица маленьких эпопеи г-жи Кохановской все написаны немного выше человеческого роста, и по духу своему очень родственны с типами сказочных богатырей». Сопереживание и добрый подход к делу превозмогают все, кладут начало счастью.

Много важного поведала Надежда Степановна Соханская в своих произведениях и в части семейной хроники, из того, что сохранилось в памяти поколений. Эти сведения тесно связаны с историей Южнорусского края, с его богатейшим наследием народного творчества. Ее отец, Степан Павлович Соханский, из черниговских дворян, служил в Глуховском кирасирском полку, ротмистр. Детство Нади Соханской прошло на родном белгородском хуторе Весёлый, в окружении первозданной природы, возле меловых гор и обильных источников. Усадьба тонула в садах и красивых кустарниках: в семье любили цветы. Но нужда рано заглянула в усадьбу. Ребенку всего было три года, как умер отец, оставив четверых детей на руках бедной вдовы. Дело в том, что та пора, когда предок был казацким сотником, давно миновала. С возросшей мощью Государства Российского надобность в старой оборонительной линии отпала, сторожевые городки-крепости теряли свое значение, постепенно глохли и превращались в заштатные. И это явление началось еще с Екатерины Великой, с устройством ею губерний, когда вместо выборных сотников назначались чиновники. С отменой местной казацкой власти настали бесконечный дележ и межевание земель, а кому сколько причтется из той общей заповедной, дарованной царем Михаилом Федоровичем земли, требовалось разбираться. Самозахваты, суды возникали повсюду. В остатке в первые десятилетия XIX в. Соханские владели Весёлым и при хуторе 175 десятинами земли: маловато, скажем. Да и тот надел целиком не свой – по закону преимущественным правом наследования пользовался старший брат матери Надежды

Степановны, а вдове приходилась лишь малая часть. На десятом году жизни Нади Соханской мать при больших хлопотах устроила болезненную девочку в Харьковский институт благородных девиц. Бедная хуторянка, воспитывающаяся на счет военных поселений, – оттого и обидная кличка «поселянка», – не прошедшая толком домашнего обучения и усвоившая лишь кое-что и кое-как, она в первые институтские годы обречена была терпеть и скорбеть, не унужаясь душой ни перед кем. Замкнется, бывало, и сделает, что прикажут, но сделает осмысленно. А училась лучше всех! Пусть и учебники выдавали ей самые потертые, и на последней скамье вели сидеть, зато – память какая, все наизусть помнит! Минуло так несколько лет, и вдруг новость – в институт благородных девиц едет царский кортеж, а с ним государь-наследник Александр и воспитатель августейших детей, поэт Василий Андреевич Жуковский. И всё сразу переменилось: директриса и классные дамы – ее сестры, клевреты и богатые институтки, бездарные, но приносящие дары – все повернулись лицом к Наде Соханской. Но сама она в это время попала в лазарет и – при всем желании увидеть живого поэта Жуковского – только слышала о нем и высоких гостях из рассказов посетителей болящей, даже сама спесивая директриса пожаловала. А когда выздоровела Соханская, всё старое, замшелое руководство заведения сменилось. Появилось новое, присланное из Петербурга, а с ним целый штат современных педагогов, для которых учебный процесс – дело живое, исключающее насилие над личностью. Вот тут-то Надежда Соханская и отличилась талантами – училась блестяще, получила доступ к книгам, делилась своими художественными фантазиями с ровесницами, пробовала писать стихи. Окончила Институт благородных девиц с золотым шифром в 1840 г., пробыв в заведении шесть лет.

В июле того же года мать приехала за дочерью и привезла ее в имение. То был хутор Макаровка, купленный еще шесть лет назад. Причем новое место в отличие от Весёлого, утопавшего в зелени, занимало кусок голой степи и находилось в пределах Харьковской губернии. Когда выпускница Надя оказалась в Макаровке, она с удивлением обнаружила, что и дома здесь у них нет, а перед нею предстала низенькая мазанка с плетневыми сенями и глино-битной кухонькой. Полы тоже глиняные, посыпанные песочком, и только в ее комнатке настлали свежие доски. Бедность, чрезмерное

убожество быта повергли впечатлительную институтку, привыкшую к паркетным залам, к уюту для сна и отдыха, в шок. Вместо веселого сада, с вишнями и грушами, только черствая земля, даже хилого куста нет. Но зато у них 400 десятин земли и 45 душ работников, и матери приходится кое-как перебиваться, выплачивая подушные налоги, проценты по залогам, в голодные годы надо было кормить всех крестьян хутора. Варвара Григорьевна, ее две незамужние сестры и два сына-подростка, осваивая Макаровку, поначалу ютились в амбаре и на ветряной мельнице, других построек не было. Теперь же хоть и маленький домик под соломенной крышей, но есть, жить можно. Благородная девица, пока еще не выросшая, по существу подросток, и на новом месте находит забавы – взапуски бегает с козами и собаками, приручает ежа. И все это скучно, одолевает смертная скука. А что хочется, не поймет. Вся радость – сердечность заботливых тетушек. Сразу повзрослела, как впервые пережила смерть одной из тетушек, осыпавшей ее ласками. Надо бы читать, но книг нет, от отца остались только сонники да поэмы Хераскова. Пробовала читать Библию, не вразумилась. «О, как я постарела за этот год, – припомнит она впоследствии. – Я поумнела, и ни одной книги у меня в руках не было. Господь бросил все книги и начал учить меня по-Своему. Дал мне книгу – самоё себя, книгу страданий ближнего – большие книги. Пора, жизнь зовет». Молодая, чуткая душа ожила. Пробудился интерес ко всему, что вокруг. Дикая степь представила свои картины: из окна виден древний сторожевой курган, вблизи подталкиваемый ветром катится клубок сухой травы, перекати-поле; стала вслушиваться в птичий напевы, останавливалася взор на гуртах овец, стремительно скачущих конях, на степенно пасущихся волах. Всё интересно – во всем движение и лад. Захотелось творческого труда: «Пусть напрягаются силы души, сердце трепещет под ощущением, ширится чувство, и всё это кипит деятельностью и подымается к небу – о, вот это труд, вот эта жизнь!». Примирилась сама с собой – примирилась со всеми. И так укрепилась в себе, что даже пожар не поверг в отчаяние. Когда ночное небо озарило пламя горящего их дома, и люди визжали и рыдали, Надежда спокойно вошла в гудящий, охваченный огнем дом и вынесла из него Библию и свой золотой шифр. Так началось стояние мужества. Окрепшую девушки «одолела сила читать». И не сдержать порыванье души.

Хотелось хороших книг, а их в степи не достать. Но, оказывается, всему свой срок. И он настал. После пожара благородную барышню пригласила пожить у нее соседка, богатая помещица, Мария Ивановна Шидловская (ск. 1855), именитая на всю губернию. Вот в этом-то имении Надежду Степановну снабдили вволю и книгами, и журналами. Прозу и критику журнальную читала с отвращением: много лжи, заимствованных истин и надуманных идеалов. Зачем же завозное, когда своего вволю; жизнь в людях, в них и правда. Соханская попробовала сама писать повести, пока неумело, с чужой подачи. А раз начала творить, то, естественно, возникло желание печататься. Но где и как это делается – не знала. Попробовала послать в «Современник», журнал, который больше других приглянулся. К повестям приложила длинное письмо на имя редактора П.А. Плетнёва. И каково же было удивление Н.С. Соханской, когда вскоре получила от Петра Александровича весьма благожелательный ответ. Повести он не одобрил – французская манера чувствовалась, а вот само письмо пришлось ему по душе – тут и чувство, и знание тонких переживаний, и художественный тракт. Только так и надо писать, и великий почитатель и друг Пушкина, Петр Александрович Плетнёв, буквально умоляет незнакомую степную барышню Сохансскую написать о своих институтских годах, о том, как велось в этом заведении воспитание характера и молодых чувств, всё, что давало и что могло бы дать институткам это привилегированное учебное заведение. Ведь сам П.А. Плетнёв был профессором Патриотического института в столице, и ему ли не близка педагогика? Пишите всё, что запечатлелось на душе. И Надежда Степановна принялась за автобиографические записки: целые тетради паковались в пакеты и отсылались почтой из ближайшего к Макаровке городка Изюма в Санкт-Петербург. Так продолжалось в 1846–1847 гг., было написано в общей сложности несколько сот страниц.

Петр Александрович был в восторге от написанного, не скрывая своего глубокого впечатления перед своими друзьями – В.А. Жуковским и Я.К. Гротом. А как в 1849 г. вдовий П.А. Плетнёв опять женился, и вместе с Александрой Васильевной стали переписываться с Надеждой Соханской. Александра Васильевна и Надежда Степановна потом сделались ближайшими подругами до конца жизни. Но увиделись они впервые только в 1862 г.

А пока она – взыскующая благодати, талантливая степная барышня, зорко вглядывающаяся в действительность. Ведет себя исключительно скромно и не перед кем не заискивает. Впрочем, перед ней заискивают многие. Как же, среди дикой степи живет воспитанница Императорского института благородных девиц, барышня образованная, владеет свободно французским и манерам обучена. Но Надежда Степановна всем претендентам отказалася, главное для нее – не выронить богоданный дар самобытного творчества, сохранить чистоту души, и пожить с пользой для людей и своей державы. Проходили десятилетия, разгоралась, а то и тускнела литературная звезда, но в себе Надежда Степановна оставалась все такой же, просвещенной хуторянкой. После приема в Царском Селе императрицей Марией Александровной в июле 1862 г. Надежда Степановна особенно сблизилась с фрейлиной Анной Федоровной Тютчевой, устроившей ей посещение с царскими детьми детской фермы, где маленькая цесаревна сама вела хозяйство: ухаживала за животными, выращивала огородные растения и садовые цветы, осваивала рукоделие. В царской семье любили читать повести Надежды Кохановской. Документальная повесть «Старина. Семейная память» писалась туга, слишком многими историческими подробностями надо было обрасти, добывая сведения из устных рассказов и письменных источников. В ткань повествования включались судьбы конкретных людей, хорошо знакомых Надежде Степановне.

Семейные предания и документы уводили собирательнице в отдаленную глубь веков, проявляя живые подробности существования людей в условиях грозных и повсюду непростых. Об этом она много слышала от людей бывалых, росших еще в XVIII в. Так, в своем произведении «Старина. Семейная память», напечатанном в «Отечественных записках» 1861 г., Надежда Степановна, уже давно подписывающаяся псевдонимом Кохановская, многое использовала из того, что слышала из уст Анны Константиновны Черноглазовой, слывшей в народе за «Воеводушу»: ее отчим, обрученный северянин Калинович, и вправду был воеводой, причем всемогущим и всесильным, а после отмены воеводств назначен комиссаром. Анна Константиновна, уже одряхлевшая от возраста и ослепшая, всей душой полюбила юную барышню и весьма колоритно и достоверно рассказывала ей о времени «средневековом» –

так Соханская назвала эпоху Екатерины Великой. Жила Воеводша в Савинцах, по соседству с Макаровкой, на таком же скромном хуторе. Жила старосветским бытом, его придерживались и многие обедневшие помещики.

По-другому была обставлена жизнь в имении Кунье, принадлежавшем уже упомянутой ранее Марье Ивановне Шидловской. Это имение тоже находилось невдалеке от Макаровки. Именитая помещица обладала изрядной памятью, и ее воспоминания о стародавнем житье-бытье этого края наполнялись бесценными подробностями о конкретных людях. Самобытная речь старинных людей привлекала образностью и мудрым разумением. Надежда Степановна с годами и сама умудрялась и богатела опытом. Что касается духовной составляющей, то она в жизни Н.С. Кохановской была определяющей. Свой бого诞ный дар – талант она оберегала от чуждых влияний, применяла его лишь для создания произведений благочестивых, нравственных и людям полезных. В Макаровке же, в своем хуторском уединении, она написала большую повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокое». Создавалась она на протяжении ряда месяцев 1863 г. и уже к концу декабря была вполне завершенной. Первым слушателем нового произведения в авторском чтении был недальний сосед по Изюмскому уезду, Григорий Петрович Данилевский. В письме к Надежде Степановне от 7 января 1864 г. Иван Сергеевич Аксаков писал: «На днях был у меня Данилевский и рассказывал, что вы ему прочли половину вашей повести. Он в совершенном восхищении, но тоже говорил, что язык представляет некоторую странность, именно там, где говорится от лица автора. Трудно судить об этом заранее, не прочитавши всего произведения, и потому я воздерживаюсь от всякого преждевременного суждения». Но уже 1 февраля И.С. Аксаков, после внимательного прочтения «Роя» наедине и дважды вслух перед близкими ему людьми, с волнением признается писательнице: «Это великое, серьезное творение. Его нельзя назвать повестью; это поэма, но поэма в роде Илиады и Одиссеи, или лучше сказать – эпопея, которой содержание взято из русского народного эпоса. В том-то и состоит заслуга художника, что он даже в нашей или близкой к нашей современности русской народной жизни, умеет познать и услышать ее эпический склад. Поэтому в вашем новом произведении было бы совершенно ложно отыскивать ту мелочную,

пошлую натуральность, ту будничную, внешнюю правду действительности, которую так легко воспроизводят наши дешевые романисты» (Русское обозрение. 1897. Август. С. 476–477). Вся действительность повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» взята из эпохи царствования Елизаветы Петровны, царствования благочестивого, умеренного в жестокостях и совестливого в правлении. Барство еще жило по-старозаветному, придерживаясь русского обыкновения, народной поэзии и природного языка. Чуткая писательница создает образы вполне душевных людей, выражающих в общении свой мирный характер. И сам сударь Рой-Феодосий, отдав ряд молодых лет коронной службе, уйдя секунд-майором в отставку, на спокой, и все его близкие и домочадцы устраивают свою жизнь по совести, нравственно, как бы осуществляя божественный идеал, выраженный в святости. И святой в повествовании присутствует, Паstryр добрый и суровый, личность историческая, известная всему Южнорусскому краю, – Владыка Иоасаф (Горленко), духовный водитель совести православных душ на Белгородчине, включающей тогда и Курские, и Воронежские земли, и часть Слободчины, потянувшейся под скипетр Российского самодержавия. Крепкая связь с родным народом и с родной верой отцов и являлись основой для жизни благополучной и деятельной. Это в значительной степени был идеал самой писательницы Кохановской. Родилась она на Белгородчине, а с юности и до конца дней своих прожила на своем хуторе Макаровка, в 80 верстах от Харькова, в глуби украинских степей, где и в 40-х годах XIX столетия еще сохранялся быт и уклад времен стародавних, когда благовествовал епископ Белгородский Иоасаф. Умонастроение Соханской, ее жизненные ощущения были в лад духовным стремлениям верных церковных чад, и свой исключительный талант она целиком положила на пользу людям. Ко времени создания «Роя» Кохановская была не только замечена, но и весьма уважаема в отечественной словесности. Ее повести с самого начала привлекли пристальное внимание вдумчивых критиков. Привлекла позиция новой писательницы, она находит в русской жизни положительных героев, делая упор на самостоятельность поведения и на гармонию отношений в семье и окружающем мире. В своих повестях Надежда Степановна показывает мелкопоместную жизнь как она есть, несколько поэтизируя быт и взаимоотношения людей

разного уровня достатка и социального положения. Зорким глазом подмечены тревожные признаки перемен, расшатывающих устойчивость нравственных принципов, составляющих основу здоровой, счастливой жизни. В повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» писательница показывает натуральную быль середины XVIII в., с ее опасностями, путями их преодоления под благодатным покровом духовной стойкости. Иван Аксаков, редактор газеты «День», в десяти номерах которого, с пятого по пятнадцатый, за 1864 г. и печаталась это крупное произведение Надежды Кохановской, был и первым благожелательным, но строгим критиком «Роя», как в отношении композиции повести, так и со стороны необычного языка. В том же письме от 1 февраля Иван Сергеевич пишет: «В “Рое” все фигуры размеров эпических, гомерических, но тем не менее они вполне верны высшей внутренней народной правде, вполне согласны с тою подпочвенной действительностью, которой и не видят близорукие очи наших народолюбцев. Речь не обыденная, не будничная, прозаическая, но настоящая, русская речь, только высшего подъема, выше настроена, звенящая, как натянутая тетива. И чисто эпический склад, не то былина, не то сказка, не то язык древних грамот, всё слышится в этой речи, и в то же время это не подбор слов, выражений и оборотов народных, а живая, самородная, творящаяся под пером автора, органическая речь... Все действующие лица в “Рое”, как оно и есть в истинной русской жизни, действуют и стоят как бы перед лицом Божиим, и лицо Божье как бы смотрит на них и светит им». Далее Аксаков восклицает: «Какою страшною наделены вы силой! Какая мощь слова, мощь образов, мощь духовная ощущается в “Рое”!» Были в письме и упреки автору в употреблении слов и выражений, несогласных с общим эпическим течением повествования. Светская, лощеная публика негодовала и даже бранилась, читая это новое произведение Кохановской, зато люди, проникнутые началами славянофильства, любящие свою Родину, были вознаграждены и утешены обильным пиршеством красок и созвучий родного языка. Будто отживающая старина и не отодвинута в прошлое целым столетием! «Конец “Роя” не удовлетворил никого, а меня раздосадовал, — признание самого Ивана Сергеевича. — Рой из христианского деятеля обращается в пошлого человека, который во славу Божию ест, пьет и прохлаждается, бездействует и сибаритствует, который

скучает и не знает, что с собой делать». Досталось и женским персонам. «Да и матушка хороша! Стоило так пострадать, так поэтически воспитываться среди красоты Удолья и сиротской скорби, стоило познать цену Книги, вложенной ей в руки крестьянством, – для того, чтобы превратиться в пошлую барыню, разъезжающую по гостям и не заботящуюся о дочерях, оставляющую их баловаться и укореняться в невежестве и дурных привычках у бабушки! Сам Рой был в детстве иначе воспитан». Зато образ Владыки Иоасафа (Горленко) выписан превосходно, его приезд в имение на освящение церкви, его нравоучительные слова – всё это «прелест несказанная». Давая общую оценку новому произведению Н.С. Кохановской, публицист и общественный деятель И.С. Аксаков заключает свое письмо так: «Вы совершили такой громадный, исполнинский труд, требовавший таких сил духовных, такого всепроникновения духом народной жизни, которого не было в нашей литературе». Надежда Степановна, как натура строптивая – в этом сама признавалась – упреки и товарищеские замечания отводит. В письме из Макаровки от 14 мая того же 1864 г. она прямо заявляет: «Вас и многих из вас не удовлетворил конец, не ответивший вашим ожиданиям. А ожидали вы чего? Сколько я могу судить по вашим требованиям, вы ожидали от “Роя” громкого провозвестника и образца в жизни того, что зовется в литературе “славянофильскими началами”. И “Рой” народно и вполне верен им, насколько эта верность свободно и художественно может совмещаться в произведении, которое писано не на заданную тему, не в видах провозглашения того или другого начала, а просто писано, как пишется живо, почти помимо воли автора, создающееся в его душе произведение».

Публикация новой, крупной повести Надежды Кохановской не стала в полемике тех лет явлением оживленным, резонансным: эпоха реформ ставила на видное место критику радикальную, разоблачительную. Умеренные взгляды известных литераторов были обращены на злобу дня, и поместная жизнь даже далекого прошлого пересматривалась согласно этим взглядам. Так, Федор Михайлович Достоевский в письме из Милана поэту Аполлону Майкову 26 октября 1868 г. назвал повествование «Рой на спокое» Кохановской как «каллилу с маслом, от которой даже Аксаков морщился». Вот если бы писательница предоставила «что-нибудь

вроде “Гайки”, ну тогда и погордиться можно». Недоволен был повестью и Тургенев: «Каждое слово “Роя” словно в мурмолке ходит, и потому всё впечатление тяжелое. Всё уж это больно искусственно, хотя талант большой» (Тургенев И.С. ПСС. Письма. Т. V. С. 268). Общее мнение русских писателей-классиков о творчестве Н.С. Кохановской высокое, раздражительные оценки относились лишь к явно славянофильским вещам, да и то диктовалось это разве что предпочтениями в мировоззрении на статусное устройство России.

А что говорили об эпическом полотне другие люди? Может быть, менее известные на ту пору, но кто захватил и знал стаинную русскую жизнь, пусть и в самом ее конце. Откроем страницы отзыва Елизаветы Николаевны Львовой (1788–1864), дочери знаменитого архитектора, что была секретарем Г.Р. Державина. Вот что пишет Е.Н. Львова в своем отзыве после прочтения «Роя» Н.С. Кохановской. О языке творения сказано так: «Речь чисторусская, тароватая, заливная-соловыиная приветствует нас во всякой ее строке. Она скорее прибегнет к выражению местному или обветшалому, или почти новому, но самою странностью некоторых оборотов будто придает более значения самому месту и времени, которые описывает, и выражает свою мысль во всей ее яркости и вдохновенной самородности». И это говорит человек, чье детство прошло в XVIII в., когда еще были живы свидетели далекой поры, опоэтизированной талантливой писательницей. Мнение это весьма важно в литературной оценке современников небесспорного произведения писательницы.

В ту пору Надежда Степановна тщательно собирала народные песни и сказки. Ведь только в звучащей песне, по мнению собирательницы, выражен в полной мере простор русского мира, его стихия и поэзия переживаний. Душа возносится, восторг внутренних сил раскрывается в лад настроению голоса, выводящего напевы – заливисто, с перекатами, либо напряженно-изобразительно, и тоже звучно. Надежду Кохановскую по праву считают выдающимся знатоком народной песни, в ее записях с голоса сохранился огромный запас песен – лирических, бытовых, сословных. Надежда Степановна всю жизнь мечтала положить на музыку свои полевые записи, чтобы живыми голосами передать то, что слышала, непосредственно общаясь с одаренными людьми, наделенными

завидной памятью и чутким слухом. И как же она обрадовалась, узнав об учреждении в Москве Общества любителей русского народного пения, и тому, что одним из деятелей в нем будет Иван Сергеевич Аксаков. Из своего степного хутора пишет 15 декабря 1871 г. ему письмо, в нем, в частности, сказано: «В голосе простонародной нашей песни поет дух русский – осмелимся сказать – великой народности, и на этот голос нет такого человека, родившегося русским, которого бы не отзывалась душа, не замирала и не воскресала в нем, не пела и не рыдала, не вставала вдруг в бурном веселье и не заносилась... под какие высокие и далекие небеса!». Получается, иметь слова песен – этого мало, надо еще записать музыкальные мотивы, исполняемые голосом, этим живущим и поющим народным духом. Углубляясь в существование проблемы песенного мастерства, Н.С. Кохановская убедилась, что в личном письме всего не высказать, что перечувствовано и передумано ею за десятилетия собирательства и поклонения русскому народному пению, – требуются литературные исследования, с характерными, живыми примерами. И такое исследование она создает, называя его просто: «О русской песне». Напечатано отдельным сборником редакцией журнала «Гражданин» (1872). Манера личного письма здесь внешне сохранена, но его выводы и акценты получили общественное звучание и другой смысловой вес. С детства на хуторе Весёлый она слышала славные голоса, здесь, на Белгородчине, любили и помнили народные песни, в почете был голос, в почете была и фантазия. Позже Надежда Кохановская попадает в среду южнорусского быта, и там, на ее хуторе Макаровка, она вплотную занялась колядками. Ревнительница исконной поэзии тщательно записывала песни, слышанные ею из уст людей разного возраста, сличала тексты, собранные лично, с теми, что предлагали этнографы. В результате она пришла к мнению, что ряд опубликованных текстов искаженно передают подлинный оригинал: утрачивался сам дух народной песни, тускнела искренность чувств и стародавняя достоверность. В солидном литературном сборнике «Воронежская беседа», вышедшем в свет в 1861 г., она публикует обширную статью «Сличение нескольких русских песен», в ней подробно рассматривает известную публикацию этнографа Павла Ивановича Якушкина с тем, что записала сама с голоса. Статья Н.С. Кохановской оканчивается словами: «Нельзя не заметить,

какими вольными, широкими волнами наша простая песня переливается из края в край по всему необъятному простору Русского мира! С неизбежными вариантами, но в основном тоне всё одна и та же, она звучит в Коле и Таганроге, слышится отголоском в Сибири, гребет с гребцами по Волге, проносится по отзывным пустынным Новороссийским степям – и где, где ее нет! Она всюду, где только вступила нога русского человека. Не думая – не гадая, он всюду переносит с собой своё простое неотъемлемое сокровище». Надо сказать, что литературный сборник «Воронежская беседа» – в нашей словесности тех лет явление весьма заметное. Задумали его видные местные краеведы Михаил Федорович Де-Пуле и Петр Петрович Глотов при непосредственном участии поэта Ивана Саввича Никитина. Естественно, на видном месте в сборнике представлены неопубликованные рукописи почитаемого Алексея Кольцова и безвременно угасающего, слабого здоровьем, но сильного духом И.С. Никитина. Представлен здесь был также рассказ молодого беллетриста А.С. Суворина, опубликованы важные исторические и этнографические разыскания. Публикация Н.С. Кохановской оказалась кстати и в нужную пору: в России широко развертывалась собирательская деятельность фольклористов, создавались капитальные книги народных сказок, пословиц, загадок, добытые в глубинах крестьянской жизни, сберегались языковые сокровища говоров. Всё это близко душе Надежды Степановны, и она плотно включилась в живое всенародное дело. В первом выпуске «Русской беседы» 1860 г. напечатан большой труд Н.С. Кохановской «Несколько русских песен», в котором представлено 120 песен, тексты собраны в полевых условиях за годы общения писательницы с песенницами и самобытными певцами. Это был ее значительный вклад в национальную сокровищницу мелоса. Записи Кохановской дают представление о бытовавших песнях моло-децких, девичьих и тех, что пели замужние женщины, вдовы и монахини. Особо выделены песни шуточные.

Важнейшее событие в жизни Надежды Степановны – дружба с братьями Аксаковыми – Иваном и Константином Сергеевичами. Это ревнители патриотического мышления и крепкого стояния за национальные устои гражданской жизни. Присланную рукопись Н.С. Кохановской «Несколько русских песен» И.С. Аксаков передал на просмотр брату, Константину Сергеевичу, главе славяно-

филов, подвижнику крестьянской культуры и большому знатоку народной песни. Завязалась переписка. В феврале 1860 г. Константин Аксаков в письме, отправленном на хутор Макаровка, пишет Кохановской о глубинном источнике их общих интересов и задач, говорит об идейной стойкости славянофилов, полагая на основании им прочитанных ее повестей и собранных ею песен, что его адресатка находится с ним в одном русле исповедания истины – святыни духа. И вот принципы – никаких уступок: «Во весь путь своей славянофильство не сделало ни одной уступки: это его клич военный... Строгость принципа, полнейшая ему последовательность – вот дух действий славянофильства: это должно быть и теперь, и всегда. Мы никому не мешаем сочувствовать нам на половину, на четверть, и еще менее; но уж и стой на своем месте, на законном отдалении, не подходи ближе того, как ты стоишь на самом деле. Ни в свой тесный круг, ни в свои действия, ни тени сделки мы не допускаем». И далее: «Какое счастье, что говоря о духе, говоришь о духе Русского народа, что, стоя за истину – стоишь за Русь. Я всего более боюсь нечистого союза». И Н.С. Кохановская не осознала этот твердый принцип Константина Аксакова, она пыталась разбавлять славянофильский «символ веры». А ведь обращались к ней, «как к старой знакомой», близкой по убеждению. Не получилось, с ее «вечным характером спорщицы». В письме к Ивану Аксакову сама же и посетовала: «Он было пожаловал меня в старые знакомые, и потом разжаловал». На чем же обозначилась несходимость, только ли на восприятии идеала? Для Константина Сергеевича идеальное существо – крестьянин, а его осмелились учить чиновники. Ведь великорусский крестьянин – «самое нравственное, самое высокое и единственное свободное лицо во всем мире, стоящее далеко впереди человечества, – самое высокое лицо, не только по нравственному строю своему, но и по своему созерцанию, по своему возврению. Он научил нас понять то, что без него мы едва ли поняли». На это Надежда Кохановская ответила, что не в проигрыше, не зная великоросса, но зато зная малоросса. Константин Сергеевич заметил ей: «...Судить об этом вам мудрено, если вы не знаете одного из них. И смею думать, что мы скорее бы поняли друг друга, если б перед вами был истинно величавый, разумный, человеческий вполне, образ великорусского крестьянина... Я не раз доказывал сильное присутствие

в вас великорусского элемента: он есть без сомнения, но не вполне. Вы – не малороссиянка, вы – дочь Украины, в том смысле, как понимала Украину наша старина, – Украины, где оба элемента встречаются, взаимно помогают друг другу, но и взаимно ослабляют друг друга. Всегда и везде можно достигнуть всей полноты созерцания, но для этого уже необходим здесь (вне великороссского мира) – особый личный подвиг духа».

Предмет спора как бы исчерпан. И это обилие цитат из «Русского обозрения» за 1897 г. необходимо, чтобы уяснить позиции людей мыслящих и талантливых, но несходимых по важным вопросам, что и поставило Н.С. Кохановскую на некоторое отдаление от славянофилов и их вождя-теоретика, главным принципом которого было «не уступать, не входить в нечистый союз». Сама же Надежда Степановна признавалась славянофилам, что она с ними заодно – «Я ваша!». А расхождение с Константином Сергеевичем должно было возникнуть: две девственные души непременно схлестнутся характерами. И «спорщица» отступила, а вскоре произошла и трагическая развязка: в декабре 1860 г. Константина Сергеевича Аксакова не стало. С его же братом, Иваном Сергеевичем, Н.С. Кохановская еще долго будет вести яркую, важную переписку.

Весной 1876 г. Надежда Кохановская вместе со своею спутницей отправились в Крым, чтобы самим осмотреть развалины Севастополя, увидеть следы ожесточенной битвы наших воинов с полчищами иноземных пришельцев, стремившихся унизить Россию, лишить ее собственного флота. Замыслы врагов героически срывал Севастополь – русская твердыня на Черном море. Коалиция стран-захватчиков столкнулась с беспримерным сопротивлением защитников, вдохновленных всенародным сочувствием и помощью. Этот сюжет отображен в пьесе «Сцены мира» (1857). А когда город-герой все же пал, вместо него остались опаленные огнем руины на перепаханной взрывами земле, где два десятилетия спустя потом ничто не росло. Такой в прямом смысле убитой и предстала перед глазами писательницы-патриотки поверженная севастопольская земля,зывающая к возрождению.

Не прошло и года, как в газете «Русский мир» начали появляться крупные публикации Н.С. Кохановской с описанием впечатлений от посещения Крыма. Пропитанные терпкой горечью

обиды, вдохновленные стойкостью и храбростью севастопольцев, очерки волновали читателей правдивостью и сожалением. И впечатления эти усиливались при осмотре Малахова кургана, изрытого воронками от взрывов снарядов, оборонительными сооружениями и не извлеченными пока тяжелыми пушками, затащенными на высоту с затопляемых кораблей, остатками сметенных с лица земли строений. Богатырская грудь кургана была изъязвлена ранами и глубокими шрамами, как у побывавшего в бою героя. В своем очерке «Малахов курган» Кохановская всё увиденное мужественно описала, затем она отправилась на место захоронения героев, и там, в «Стотысячном», оглядела бесконечные ряды могил защитников Севастополя, участливо справляясь о том, как помечают и берегут дорогие братские захоронения. Очерки Н.С. Кохановской внимательно читались по всей России, и повсюду вызывали жажду мщения вероломным врагам и скорейшего прекращения условий унизительного Парижского трактата 1856 г., чтобы снова деражать русский военно-морской флот в Черном море.

Осенью 1873 г. Надежда Кохановская гостила в Москве, где у нее к тому же было важное дело – в Малом театре готовилось представление ее пьесы «Кража невесты». Появилась возможность встретиться с московскими друзьями – с четой Аксаковых, а также с Михаилом Петровичем Погодиным, Александрой Плетнёвой, вдовой ее литературного наставника П.А. Плетнёва, с Авдотьей Петровной Елагиной, матерью славных братьев Киреевских, и многими другими важными лицами. Тогда-то наша «Степная барышня» и узнала о благородном порыве столичных писателей оказать возможную помощь бедствующим крестьянам Самарской губернии в связи с сильнейшим неурожаем. В Петербурге писатели решили издать в пользу голодающих литературный сборник «Складчина», в нем известные столичные прозаики и поэты поместят свои новые произведения. Издать «Складчину» должен был публицист правого толка князь Владимир Петрович Мещерский, внук Н.М. Карамзина. К литературному сборнику предполагалось привлечь художников и графиков, это возложили на М.О. Микешина. В издательский комитет вошли А.А. Краевский, И.А. Гончаров, Н.А. Некрасов и В.П. Мещерский. Вокруг «Складчина» собрался весь цвет русской словесности: Ф.М. Достоевский, А.К. Толстой, П.А. Вяземский, А.Н. Майков, Г.П. Данилевский

и другие. Сборник, составленный из произведений русских авторов, представит солидную книгу, объемом 700 страниц. Среди приглашенных авторов были И.С. Тургенев и Н.С. Кохановская. Взнос Надежды Кохановской в «Складчину» – повесть «Словесная кроха хлеба». В «Крохе» трогательно рассказывается о мытарствах в чиновном Петербурге секунд-майора Глеба Ситникова по прозванию Сударь Прусс – воина Пруссского похода, напоминающего пращура Кохановской, настойчиво искавшего справедливости против местного самодура, ограбившего его вотчину, лишив владения. Повесть создана писательницей в Петербурге зимними днями 1874 г., весьма насыщенными заботами. Постановка в Императорском театре ее пьесы «Кража невесты» намечалась праздничной – в честь помолвки дочери царя, Марии Александровны, выходившей замуж за герцога Эдинбургского. К встрече высших гостей готовились с размахом, и само представление прошло успешно. Ю.Ф. Самарин, повстречав автора в антракте, воскликнул: «Да вы обогатили театр, не говоря о пьесе, а вы обстановку-то дали такую, о которой Московский театр и думать не смел». А М.П. Погодин заметил: «Да вы что думаете, ведь это Бог дал! Ведь так это нельзя, невозможно так». Писательница после признавалась: «Давно ли я сидела у себя в Макаровке в невозмутимой тишине! А теперь целый шумный, невообразимый мир кулис и сцены движется вокруг меня!». Между тем «Словесная кроха хлеба» поступила на рассмотрение в редакционно-издательский комитет сборника «Складчина». По прочтении рукописи Н.С. Кохановской Иван Александрович Гончаров в своем отзыве заметил: «Имя автора само отвечает за себя, и от нее всякое деяние благо, тем более, что комитет наш очень старательно добивался ее участия в сборнике». Повесть напечатана в сокращенном виде: В.П. Мещерский снял концовку, ссылаясь на нехватку места. Возможно, что были и другие мотивы: кому-то из членов комитета претил настрой эпилога, но сама Надежда Степановна завершающими страницами «Крохи» дорожила, негодяя против допущенного произвола. «И вот этот конец я нашла у себя и, признаюсь, восхищалась сама собою, – просто прелесть!» – сообщила она в одном из писем. Понадобилось много времени, чтобы эта повесть была опубликована полностью. Только через 25 лет после кончины Кохановской публикатор ее

архива библиограф Степан Иванович Пономарёв напечатал «Словесную кроху хлеба» полностью в журнале «Русское обозрение».

В феврале 1874 г. Н.С. Кохановская, будучи снова в Москве по делам, связанным с представлением ее «Кражи невесты» в Малом театре, по приглашению Общества любителей русской словесности выступила в Большом зале Московского университета на публичном торжественном чтении. Приглашались ее слушать все желающие, билеты раздавались бесплатно. Зал переполнился, «не было места, где шляпу положить». Надежда Степановна читала своего «Пруссса». Слушали трогательную повесть внимательно, кое-кто даже всплакнул. Писательница вспоминала: «Я своими глазами, — конечно, несмелыми и устремленными в рукопись, как-то мельком увидела — у ближайшего окна стоял молодой священник, у него слезы катились из глаз». Это было в воскресенье, 17 февраля, в день рождения Н.С. Кохановской. С утра она сходила в церковь Параскевы-Пятницы в Охотном Ряду, затем — университетская аудитория, где и устроены торжественные чтения.

Ошеломляющий успех, который имела писательница в 1850–1860-х годах, сменился длительным молчанием — Н.С. Кохановскую уже считали позабытой, да и жива ли она? И вот появилась «Словесная кроха хлеба», в театрах ожила ее драматургия, а тут еще личная встреча с московской публикой в университете. Стали выходить рецензии, возобновился интерес к Н.С. Кохановской, что несколько приободрило ее. Но хутор Макаровка оставался без хозяйствского пригляду, надо возвращаться, и она срочно вернулась домой. Там ведь еще в апреле 1873 г. скончалась ее престарелая мать, Варвара Григорьевна. «Я теперь совершенно одна во внешнем жизненном смысле, — с горечью писала она А.В. Плетнёвой, — но я не одна, потому что Отец со мною». Верующая душа с Богом не остается в сиротстве. За годы терпеливого труда, в не-когда дикой степи, возникло ее симпатичное имение: возле построенного дома раскинулся сад, украшенный цветами, в нем роились пчелы на пасеке, а на подворье — своя лошадь и мелкая живность. Земельный надел все же давал какой-никакой доход. Теперь надо хлопотать признать за собою наследственные права, а для талантливой писательницы всякие формальности — невозможные тяготы. Все лето 1873 г., да и потом, в 1874 г., много сил отняло оформление сдачи земли в аренду. Обширная переписка со

знакомыми, родственниками, неотступная потребность продолжить роман «Наталья Федосеевна» или «Степная барышня», да и проездиться для души по России охота, скажем, в Крым или на Волынь. Всюду требуется здоровье, а свежих сил уже нет. Но когда творчески вдохновлялась Надежда Степановна, энергии прибавлялось. Всего несколько дней потребовалось писательнице на воплощение замысла ее повести «Словесная кроха хлеба». Без подготовки, набело записывала карандашом дивную историю – и получилась повесть, достойная пера даровитой писательницы.

Впрочем, творческий путь Н.С. Кохановской не заканчивался. Он будет отмечен взволнованной публицистикой, письмом к графу Л.Н. Толстому. Этот литературный эпизод разворачивался так. Летом 1882 г. Надежда Степановна гостила в соседнем имении Каменка у своей приятельницы, Марии Васильевны Вальховской, и там впервые ознакомилась с рукописным текстом «Исповеди» графа Л.Н. Толстого, ходившим по рукам в петербургских кругах образованного общества и только что попавшим в южный степной край. То, что высказывал, исповедуясь, великий писатель, делая упор на собственные толкования Священного Писания, на переоценку церковной традиции, прямым образом оскорбляло верующую душу Кохановской. И перегруженная нуждами и недомоганиями, несколько отставшая от литературы, уже немолодая писательница набралась сил поднять «духовный меч», чтобы сразиться с «ересиархом», отстаивая учение заповедей истинных Путей жизни. Переполненная выпадами «Исповедь» возмущала верующую душу, порождала страх от разлагающего воздействия яснополянской проповеди на неокрепшие умы молодого поколения. Надежда Степановна решила обратиться к графу с личным письмом. Но чем глубже Н.С. Кохановская вникала в текст своего опровержения, тем настойчивее вставали вопросы богословского порядка. Написание затягивалось. В письме к М.В. Вальховской в декабре 1882 г. Надежда Степановна признавалась: «По мере того, как приходится вникать и разбирать ложь и сбивчивость его положений, ответ выходит пространнее; потому что если возражать с Божией помощью, то возражать обстоятельно, полно, без всяких недомолвок, чтобы святыни истина были выражены с такою определеною ясностью, которая бы не допускала никаких лже-толкований». Письмо графу Л.Н. Толстому окончила «с духовной

радостью» лишь в начале февраля 1883 г. Вложив в пакет автограф, Н.С. Кохановская, никому не показывая написанного, послала 1 марта заказную посылку, с расчетом, что граф получит письмо на первой неделе Великого поста. И стала ждать ответа. Но проходили дни и недели, а ответа от графа не поступало. Возможно, писательница не знала, что Лев Николаевич на критику своих произведений принципиально не отвечал. Тогда к своему скорбному слову, негодяя, Н.С. Кохановская привлекает внимание верных друзей: отослала копии письма Льву Николаевичу супругам Аксаковым, Ивану Сергеевичу и Анне Федоровне, а также С.И. Погодиной, А.В. Плетнёвой и другим близким лицам. К печати пока не прибегала, ведь «Исповедь» под запретом цензуры, и отвечать на нее можно лишь «на равных» – рукописным же образом. А время шло. В церковной и затем светской печати стали просачиваться критические замечания против исканий «новых христиан» с явным намеком на «Исповедь» графа Толстого. Стало быть, этическая преграда снята, путь в печать открыт. И Надежда Степановна, еще раз пересмотрев свой ответ графу Л.Н. Толстому, почистила немного текст и послала письмо в редакцию газеты «Гражданин», на имя князя В.П. Мещерского. Другого «родного литературного угла» у нее не было – все славянофильские издания Аксакова закрыты, а других подходящих для нее изданий не было. И хотя «Гражданин» ей не симпатизировал, из-за личности самого князя, но с ним у писательницы некоторое знакомство все же было: повесть «Словесная кроха хлеба» недавно опубликована в его сборнике «Складчина». «Письмо графу Л.Н. Толстому», посланное в газету «Гражданин», Н.С. Кохановская сопроводила краткой запиской, а в ней были такие слова: «Неужели философия гр. Льва Толстого так сильна, что 19-вековая сила веры Христовой может молчать перед нею, и мы, называемые верующие, должны поникнуть головами и принять определение всех нас в глупцы, и Святое святых душ наших слышать названным, в философских терминах графа, прямым словом: лжи, бессмыслицы и вздора. – Ваше издание [«Гражданин»] единственное, в котором можно попытаться представить возражение... Письмо довольно велико. Иначе и не могло быть. Если писать возражение, то должно было написать его во всей полноте, твердости и силе, чтобы ничего не оставить недоказанным и недосказанным в шаткости мыслей и положений

графа. – Может быть, это есть не совсем обычное явление в литературе: отвечать печатно на статью не напечатанную, но эта статья известна – читается и перечитывается в обществе». Обличительное письмо Н.С. Кохановской напечатано в четырех номерах (с 8 по 11) газеты «Гражданин» за 1884 г. Экземпляр текста «Письма», посланный чете Аксаковых, выйдет в свет лишь в 1898 г. в журнале «Русское обозрение», полтора десятка лет спустя после кончины писательницы.

С критикой по поводу Письма к графу Л.Н. Толстому выступил В.П. Буренин. В газете «Новое время» (1 июня 1884 г.) опубликована его рецензия «Напрасные тревоги г-жи Кохановской», в которой всякого рода богословствования Толстого относит к его личному взгляду, не нуждающемуся в проверке на истинность. На что писательница заметила: «Благоговеть перед заблудшим умом великого писателя я не могла, имея свои высокие, непреложные предметы благоговения в душе». Послание Кохановской к критикам было последним выступлением писательницы, угнетенной неизлечимой болезнью и уже стоящей «над раскрытоей могилой». Н.С. Кохановская скончалась 3 декабря в своем хуторе Макаровка...

«Материалы к библиографии» Н.С. Кохановской по возможности полностью вбирают все выявленные публикации как в части ее произведений, так и литературы о ней.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

1840

Прощальные стихи, сочиненные девицею Соханскою [на выпускное торжество] // Прибавление к Харьковским Губернским Ведомостям. 1840. № 26 (6 июля). Об испытании воспитанниц Харьковского Института. С. 236.

1844

Майор Смагин // СО. 1844. № 11 (май). С. 321–325; № 12 (май). С. 347–358; № 13 (июнь). С. 369–377. Подпись: Надежда С***.

1848

Графиня Д***. Повесть // ОЗ. 1848. № 12 (декабрь). Отд. I. Словесность. С. 333–356. Подпись: Надежда ***.

1849

Первый шифр. (Из жизни счастливой). Посвящено Петру Александровичу Плетневу // СПб. Вед. 1849. № 154 (14 июля). С. 613–614. (Начало).

1850

Первый шифр. (Из жизни счастливой). Посвящено Петру Александровичу Плетневу // СПб. Вед. 1850. № 21 (26 янв.). С. 35–36; № 22 (27 янв.). С. 89–91; № 23 (28 янв.). С. 93–94; № 27 (2 февр.). С. 109–111; № 28 (3 февр.). С. 113–114; № 29 (4 февр.). С. 117–119; № 32 (8 февр.). С. 129–130; № 33 (9 февр.). С. 133–134; № 35 (11 февр.). С. 141–143. Подпись: Надежда.

Соседи. Повесть // Современник. 1850. Т. 24. № 12. Отд. I. С. 161–244. Подпись: Надежда...

1851

Вот случай! // СПб. Вед. 1851. № 9 (13 янв.). С. 33–35; № 10 (14 янв.). С. 37–39. Подпись: Надежда...

1854

Письмо из Малороссии. 20 марта // СПб. Вед. 1854. № 91 (27 апр.). С. 447–448. Подпись: Макаровская.

Еще письмо из Малороссии. 27 марта 1854 // СПб. Вед. 1854. № 125 (8 июня). С. 617–619. Подпись: Макаровская.

1856

Гайка. Повесть Н. Кохановской // Пантеон. 1856. Т. XXVII. Кн. 5. С. 9–88; Кн. 6. С. 7–74.

Сцены мира (игранные в саду, на домашнем театре) // СО. 1857. № 1 (6 янв.). Отдел литературный и ученый. С. 10–20. Подпись: Кохановская (Автор «Гайки»).

1858

Любила. (Маленькая история) // БдЧ. 1858. Т. 150. № 7 (июль). Отд. I. С. 5–86. Подпись: Кохановская.

После обеда в гостях // РВ. 1858. Т. 16. Август. Кн. 2. С. 641–696. Подпись: Кохановская.

1859

Из провинциальной галереи портретов. (Выдержки на пробу) // РВ. 1859. Т. 20. Март. Кн. 1. С. 61–157. Подпись: Кохановская.

Степной цветок на могилу Пушкина. – Письмо к одному из редакторов петербургского журнала [«Современник»] // РБ. 1859. № 17 (V). Отд.: Критика. С. 11–64. Подпись: Кохановская. 1857. Малороссия. Хуторок Макаровка. (Отд. отт. М. 1859.)

Степной цветок на могилу Пушкина. М.: Тип. Александра Семена. 1859. [2], 74 с. (Псевдоним автора – Кохановская – указан в предисловии). (Отт. из «Русской Беседы». 1859.)

Ответ г. Г-ву [Гилярову] на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» («Русская беседа», 1859 г. Книга III) // РБ. 1859. Кн. 18 (VI). Отд.: Критика. С. 123–152. Подпись: Кохановская. Степь. Хуторок Макаровка. [О рецензии Н.П. Гилярова-Платонова; примеч. ред. [И.С. Аксакова] на с. 129–131.]

1860

Гайка. [Повесть] // РС. 1860. № 4 (апрель). С. 119–284. Подпись: Кохановская.

Несколько русских песен. (С примечаниями А.С. Хомякова) // РБ. 1860. Кн. 19 (I). Отд. I. С. 41–132. Подпись: Кохановская. (См. Хомяков. Сочинения. Т. I. С. 490.)

Остатки боярских песен // РБ. 1860. Кн. 20 (II). Отд. I. С. 71–142. Подпись: Кохановская.

1861

Сличение нескольких русских песен // Воронежская Беседа на 1861-й год. Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб. 1861. С. 381–400.

Черты из нашей народности (записано в 1860 году): Холера. – Каменные бабы // Русская Речь. 1861. № 41 (21 мая). С. 597–601. Подпись: Кохановская.

Старина. Семейная память // ОЗ. 1861. № 3 (март). С. 209–246; № 4 (апрель). С. 355–390. Подпись: Н. Кохановская. (Отт. из журнала «Отечественные Записки». 1861.)

Кирила Петров и Настасья Дмитрова. Повесть // День. 1861. № 1 (15 окт.). С. 8–11; № 2 (21 окт.). С. 4–6; № 3 (28 окт.). С. 3–5; № 4 (4 ноября). С. 3–6; № 5 (11 ноября). С. 3–6; № 6 (18 ноября). С. 4–7; № 7 (25 ноября). С. 5–10; № 8 (2 дек.). С. 4–7; № 9 (9 дек.). С. 3–4. Подпись: Кохановская.

1862

Письма с хутора, из Малороссии. (I–II) // День. 1862. № 13 (6 янв.). С. 10–11. Подпись: Кохановская. Малороссия. Хуторок Макаровка.

Давняя встреча. Маленькое воспоминание // День. 1862. № 20 (24 февр.). С. 1–5; № 21 (3 марта). С. 2–5. Подпись: Кохановская.

Ольдридж – Отелло. (Письмо в Редакцию) // День. № 39 (29 сент.). С. 17–18. Подпись: Кохановская. 25 сентября 1862 г. Москва. (Прим. ред. С. 18. Подпись: И.А. [И.С. Аксаков].)

1863

Повести Кохановской. Т. I. М. 1863. 267 с. [Содержание: После обеда в гостях. С. 1–64. – Из провинциальной галереи портретов. С. 65–178. – Старина. Семейная память. – С. 179–267]; Т. II. М. 1863. 318 с. [Содержание: Гайка. С. 1–180. – Кирила Петров и Настасья Дмитрова. С. 181–290. – Давняя встреча. Маленькое воспоминание. С. 291–318.]

Из Украины: мелкопоместность // День. 1863. № 6 (8 февраля). С. 10–11. Подпись: N.N. (Прим. ред. С. 11). (*По указанию Вихровой Н.Н. «Постатейная ростпись газеты “День”» (1861–1865)*).

Из хутора // День. 1863. № 22 (1 июня). С. 6–7. Подпись: Кохановская. Слободско-Украинские хутора. Макаровка, 5 мая, 1863 г.

1864

Рой Феодосий Саввич на спокое. М.: тип. Бахметева. 1864. 350 с.

Рой Феодосий Саввич на спокое. (Повесть) // День. 1864. № 5 (1 февр.). С. 4–9; № 6 (8 февр.). С. 4–7; № 7 (15 февр.). С. 4–8; № 8 (22 февр.). С. 3–9; № 9 (5 марта). С. 5–13; № 10 (8 марта). С. 5–9; № 11 (14 марта). С. 3–9; № 12 (21 марта). С. 16–20; № 13 (28 марта). С. 7–10; № 15 (11 апр.). С. 4–11. Подпись: Кохановская.

Письма с хутора [«Мне случилось недавно быть в Святых Горах...»] // День. 1864. № 30 (25 июля). С. 9–11. Подпись: Кохановская. Мая 15, 1864 г.

Слава Богу. [Записки о Беловодских старообрядцах] // День. 1864. № 38 (19 сент.). С. 12–13. Подпись: Кохановская. Хутор Макаровка.

С хутора. [Письмо о Святых Горах] // День. 1864. № 41 (10 окт.). С. 14–15. Подпись: Кохановская.

1865

Вести с хутора // День. 1865. № 36 (9 окт.). С. 848–851. Подпись: Кохановская.

Просьба. [О «Польском вопросе», об «общественной духовной борьбе с неотступным духом шляхетско-польского иезуитизма», с «панско-жидовской кабалой» в Западной России; об устройстве православных Братств] // День. 1865. № 52 (18 дек). С. 1245–1246.

1866

Просьба. [О «Польском вопросе», об устройстве и материальной поддержке русских Братств в юго-западном крае, «чтобы Московская воля не показалась хуже панской неволи»] // Утро. Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М. 1866. С. 422–425. (Послесловие М. Погодина на С. 425.)

Письмо от 27 января 1866 г. из Макаровки в Острожское Свято-Кирилло-Мефодиевское братство (с. Яполоти) // СПб. Вед. 1866. № 128 (13 мая). С. 3. (В статье: «Известия об Острожском Свято-Кирилло-Мефодиевском братстве. Письма и приложение к отчету Свято-Кирилло-Мефодиевского братства»). Подпись: Кохановская.

Письмо из Волынской губернии. Октября 30, 1865 // Известие о Кирилло-Мефодиевском братстве в Остроге. М.: Синод. Тип. 1866. С. 33–37. [Б. п.] (По указанию С.И. Пономарева.)

1867

Поездка на Волынь // Москва. 1867. № 67 (24 марта). С. 2–3. (Письмо I); № 68 (25 марта). С. 2. (Письмо II); № 70 (29 марта). С. 2. (Письмо III); № 76 (6 июля). С. 2–3. (Письмо III. Что есть теперь Острог?); № 82 (13 июля). С. 2–3. (Письмо IV. Великий Острог). Подпись: Кохановская.

Еврейская привилегия // Москва. 1867. № 84 (15 июля). С. 4. Подпись: Кохановская.

Возможно ли восстание Великого Острога // Москва. 1867. № 100 (5 авг.). С. 4. Подпись: Кохановская.

Межиричи [Православное селение в окрестностях Острога] // Москва. 1867. № 134 (21 сент.). С. 2–3. Подпись: Кохановская.

К делу о еврейских привилегиях // Москвич. 1867. № 5 (31 дек.). С. 4. Подпись: Кохановская.

1868

Из Изюма. (Корреспонденция «Москвы») // Москва. 1868. № 111 (18 авг.). С. 2. Подпись: Кохановская.

1870

Письмо к учредителю Русского Благотворительного Общества в Ревеле, Баженову Р.И. [В статье «Русское Благотворительное Общество в Ревеле» за подписью: «Москвич»] // МВ. 1870. № 214 (7 октября). С. 5. [«Позвольте хотя малым вещественным приношением отозваться на ваш благотворительный труд и пожелать вам сердечным словом: да поможет вам Бог! Подбирая и воспитывая русских сирот на немецкой, неприязненной окраине русского мира, вы, как добный жнец на нерадиво пожатом поле, собираете брошенные колосья; и дай вам Бог и Та Великая Заступница Усердная, к помощи Которой взывает всякое верующее сердце русского человека, Сама да поможет вам собрать все брошенные колосья и связать их в один большой крепкий сноп, полный русского благодатного зерна!»].

1871

Слава Богу, что муж лапоть сплел. (Попытка в пользу народного театра) // Заря. 1871. № 1 (янв.). С. 87–132. Подпись: Кохановская.

1872

О русской песне. Письмо к И.С. Аксакову // Гражданин. Журнал политический и литературный. Сборник. Ч. I. СПб. 1872. С. 1–14. Подпись: 15-го декабря 1871 г. Кохановская.

1873

Гласное слово на всю Москву и ее округу. [О массовом отравлении жителей соленой рыбой] // Гражданин. 1873. № 2 (8 янв.). С. 43–47. Подпись: Кохановская.

1874

Словесная кроха хлеба // Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадав-

ших от голода в Самарской губернии. СПб. 1874. С. 657–686. Подпись: Кохановская.

1877

Севастопольские впечатления. Очерки Н. Кохановской // РМ. 1877. № 36 (8 (20) февраля). С. 1; № 37 (9 (21) февраля). С. 2–3; № 38 (10 (22) февраля). С. 1–2.

Малахов курган. Очерки Н. Кохановской // РМ. 1877. № 85 (1/2 апреля). С. 1; № 86 (2/13 апреля). С. 1.

Братские могилы. Очерки Н. Кохановской // РМ. 1877. № 92 (8/20 апреля). С. 1–2.

К делу о восточном займе // РМ. 1877. № 252 (16/28 сент.). С. 2. Подпись: Н. Кохановская.

1880

Из Харьковской губернии, 19 окт. // Россия. 1880. № 42 (27 окт. / 8 ноября). С. 3. [Б. п.] (*Указание Пономарева С.И. на публикацию в газете «Россия» за 1880 год – вероятнее всего, имелась в виду эта публикация.*)

1881

[Письмо к редактору «Руси» о Цареубийстве] // Русь. 1881. № 21 (4 апр.). С. 5. Подпись: Кохановская.

Письмо в редакцию [О Цареубийстве и об увековечении памяти Царя-Освободителя] // Русь. 1881. № 24 (25 апр.). С. 5. Подпись: Кохановская, 2 апреля 1881 г.

По вопросу о волостных судах. (И. С хутора Макаровки, Харьковской губернии) // Русь. 1881. № 39 (8 авг.). С. 14. Подпись: Кохановская.

Хуторской рассказ без комментариев // Русь. 1881. № 54 (21 ноября). С. 22. Подпись: Кохановская. 21 сент. 1881 г. Хутор Макаровка.

1884

Об «Исповеди» гр. Л.Н. Толстого. [Письмо ред. «Гражданина»] // Гражданин. 1884. № 8 (19 февр.). С. 7. Подпись: Н. Кохановская. 31 января 1884 г.

Письмо к гр. Л.Н. Толстому по поводу его «Исповеди» // Гражданин. 1884. № 8 (19 февр.). С. 7–12; № 9 (26 февр.). С. 5–9; № 10 (4 марта). С. 4–9; № 11 (11 марта). С. 6–10. Подпись: Кохановская.

Несколько слов «Новому Времени». [В ответ на критику В.П. Бурениным ее «Письма к гр. Л.Н. Толстому по поводу его «Исповеди»» и на выход «Толкования на Евангелия» Л.Н. Толстого] // Гражданин. 1884. № 22 (27 мая). С. 9–10.

Письма А. Старчевскому (2) // Новости и Биржевая Газета. 1884. № 347 (16/28 дек.). С. 3. [В статье Старчевского А. «Надежда Степановна Соханская (писавшая под псевдонимом Кохановской). (Из воспоминаний старого журналиста).»]

1885

После обеда в гостях. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1885. 95 с. (Дешевая библиотека).

Кирила Петров и Настасья Дмитрова. Повесть. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1885. 162 с. (Дешевая библиотека).

Старина. Семейная память. Повесть Кохановской. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1885. 133 с. (Дешевая библиотека).

Степная барышня 40-ых годов. Роман в частях. Кохановской. [Не законч.; напечатано с перебеленной рукописи 1881 года] // Русь. 1885. № 3 (19 янв.). С. 10–13; № 4 (26 янв.). С. 9–12; № 5 (2 февр.). С. 9–12; № 6 (9 февр.). С. 7–10.

Сумеречные рассказы. (Старое воспоминание тетушки) // Русь. 1885. № 7. С. 11–13. [Примечание Ред.: «Извлечено из черновой записной тетрадки Соханской (Кохановской) 60-х годов, сообщенной нам ее родственником по жене, В.П. Мозговым. В этом интересном рассказе нет никакого вымысла, – все были первых годов текущего столетия, как она отразилась и сохранилась в памяти местных обывателей.»]

Автобиографическое письмо Н.С. Соханской к Петербургской приятельнице. Ноября 3, Суббота, 1851. (Хутор Макаровка) // РА. 1885. Т. I. № 4. С. 631–637.

Кражи невесты. Драматическое представление в 5 действиях. Кохановской (Н.С. Соханской) // Литературное Приложение к газете «Гражданин». 1885. Октябрь. С. 41–160. (Пост. в 1874 г. в Малом театре.)

Письмо к священнику с. Яполоти отцу Якову от 7 Апреля 1884 г., хутор Макаровка // НВ. 1885. № 3419 (4/16 сентября). С. 3. (В статье: [Кочетов Е.Л.] По Юго-западному краю. Религиозные секты и братства в крае. Подпись: Русский Странник.)

1889

Два письма к А.Ф. Вельтману (2). 5 апр. – 22 ноября 1868 // Пассек Т.П. Из дальних лет. СПб. 1889. Т. III. С. 296–300.

Письма Н.С. Соханской-Кохановской к С.И. Погодиной (12). [Отрывки, 1875–1884] (Сообщ. А.Д. Погодиным) // РВ. 1889. Т. 204. № 10 (октябрь). С. 358–370.

1890

Кирила Петров и Настасья Дмитрова. Повесть Кохановской. 2-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1890. 162 с. (Серия «Дешевая библиотека»).

После обеда в гостях. Повесть Кохановской. 2-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина. Ценз. 1890. 162 с. (Серия «Дешевая библиотека»).

Старина: Семейная память. Повесть Кохановской. 2-е изд. СПб.: А.С. Суворин. Ценз. 1890. 133 с. (Дешевая библиотека № 30).

1893

Выдержки из письма к Данилевскому Г.П. [Отзыв о повести И.С. Тургенева «Затишье»] // Данилевский М.Г. Г.П. Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке. (Письма братьев Аксаковых, Достоевских, кн. П.А. Вяземского, П. Плетнева,

А. Краевского, Даля Луганского, Костомарова, О. Бодянского и др.) Харьков. 1893. С. 64–68.

1895

Письмо в Общество распространения Священного Писания в России // Книжки иллюстрированного журнала «Русский Паломник» на 1895 год. Кн. IV. СПб. 1895. «История Общества распространения Св. Писания в России». [Сведения о скончавшихся членах Общества.] С. 277–278. [«В том же [1884] году скончалась усердная член-сотрудница Надежда Степановна Соханская-Кохановская, известная писательница, но не всем, может быть, известная как добрая христианка, горячо любившая Слово Божие, – она состояла членом Общества с 1874 года. Приведем здесь последнее письмо ее в Общество, написанное незадолго до кончины, – оно весьма характеристично. “Имею честь препроводить в Общество свой годовой взнос в 3 р., присоединяю к нему облигацию восточного займа за № 313.331 с тем, чтобы эта облигация поступила в неприкосновенный капитал Общества, а годовые ее проценты составляли навсегда мой годовой взнос. По всей человеческой вероятности, это едва ли не последнее мое обращение в Общество. Смерть ждет меня, указывая на то мою тяжкою, неизлечимою болезнью. Да благословит Господь святое, великое дело: сеять Слово Божие на всех путях и распутиях грешного мира!”. Оставляя этот мир для мира лучшего, покойная не хотела прервать связи с дорогим ей делом на земле...»].

1896

Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской). (Вступ. ст. и ред. С.И. Пономарева) // РО. 1896. № 6 (июнь) С. 480–488; № 7 (июль). С. 5–27; № 8 (авг.). С. 447–483; № 9 (сент.). С. 5–21; № 10 (окт.). 479–495; № 11 (ноябрь). С. 64–108; № 12 (дек.). С. 595–632. Подпись: 1848 г., 7 октября. Макаровка. Надежда Соханская (Кохановская). (Отд. отт. М.: Универ. тип. 1896. 193 с.)

Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской). (Со вступ. ст. [«П.А. Плетнев и Н.С. Соханская (Кохановская)»] и под ред. С.И. Пономарева). М.: Унив. тип. 1896. [2], 193 с.

1897

Очерк Малороссии. (Из посмертных бумаг. 1848 г.) // РО. 1897. № 1 (янв.). С. 11–19.

Голубь-вестник. [О посещении Государыней Императрицей Святых Гор 9–13 августа 1861 г.; О том, как народ, думая, что Царица будет возвращаться 11 августа, как было объявлено, целый день напрасно ждал встречи нею у почтовой станции Теплинка.] (В письме И.С. Аксакову за 1861 г.) // РО. 1897. № 4 (апр.). С. 558–562. Подпись: Кохановская. [«Иван Сергеевич! Посылаю вам образчик моей корреспонденции, – как он вам понравится? Я однажды и на все будущее время говорю вам об этих писаниях, что я не придаю им никакого литературного значения и потому предоставлю их на *всю вашу волю*, – делайте с ними, что найдете лучшим для газеты: прибавляйте, когда найдете что нужным прибавить, убавляйте по вашему усмотрению, – тем более, что цензурные требования в вещах этого рода для меня тайная канцелярия».]

Форма. [Неизданная статья об отказе священника провинциальной церкви поминать скончавшегося Цесаревича Наследника «за упокой» без распоряжения начальства, и о «кощунственном» его поминовении «о здравии» на воскресной обедне. 1865 г.] // РО. 1897. № 9 (сент.). С. 13–17. [«И никогда эта мертвящая дух форма не является так во всем ее безобразии, во всем отупении ее наглого захвата и власти над тем, что не ее – как именно в то время, когда живое и святое души человеческой внезапно подвигнется, и завет христианской любви и веры является подчиненным ярлыку формы!»]. Подпись: Кохановская.

Неизданная заметка. [«– А что *чутки* в наших газетах? (т.е., что слышно?) – обратился ко мне с вопросом местный староста...»] // РО. 1897. № 12 (дек.). С. 473–475. Подпись: 29 июня 1881 г. Кохановская.

Письма к П.А. Плетневу (12). 1847–1848 // РО. 1897. № 1 (янв.). С. 384–396; № 2 (февр.). С. 1007–1020; № 3 (март). С. 428–442. (Сообщ. С.И. Пономарев.)

Письмо к С.А. Рачинскому. (9 апреля 1860 г. Макаровка) // РО. 1897. № 3. С. 160–165.

Переписка Аксаковых с Н.С. Соханской (Кохановской). [Двусторонняя переписка (74). А.Ф. Аксаковой (5). 1855–1884. –

И.С. Аксакову (66). 1858–1883. – А.Ф. и И.С. Аксаковым (3). 1881–1883]. Сообщ. О.Г. Аксакова. (Вступ. заметка С.И. Пономарева) // РО. 1897. № 2 (февр.). С. 569–616; № 3 С. 143–176; № 4 С. 545–587; № 5 (май). С. 65–98; № 6 (июнь). С. 495–535; № 7 (июль). С. 5–16; № 8 (авг.). С. 475–518; № 9 (сент.). С. 5–31; № 10 (окт.). С. 409–430; № 11 (ноябрь). С. 3–46. [С приложением Всеподданнейшего адреса Московской городской думы от 17 ноября 1870 г. и речи И.С. Аксакова «Речь председателя Московского Славянского Комитета в заседании оного 6 марта 1877 года»]; № 12 (дек.). С. 467–485. [С приложением Неизданной заметки Кохановской (29 июня 1881 г.)].

1898

Старина. Семейная память. Гл. VI. Дед мой родной, Григорий Ефимович. (С приложением родословной таблицы автора и предисловием С.И. Пономарева) // РО. 1898. № 1 (янв.). С. 241–276. [Предисловие С.И. Пономарева – С. 241–245.]

«Сорочья кашка». (Детская игра). Из посмертных бумаг Н.С. Соханской. (Публ. и примеч. С. Пономарева) // РО. 1898. № 1 (январь). С. 502–503. Подпись: Н. Соханская (Кохановская). 1856 г.

Письмо графу Л.Н. Толстому. (С портретом автора) // РО. 1898. № 1 (янв.). С. 5–57. Подпись: 5 февраля 1883 года. Макаровка. Кохановская.

Письмо графу Л.Н. Толстому. М.: Унив. тип. 1898. 55 с. (Отт. из «Русского Обозрения» 1898 г.)

Словесная кроха хлеба. Повесть. [Воссозданный по рукописи полный вариант.] (Предисл. и примеч. С.И. Пономарева) // РО. 1898. № 2 (февр.). С. 605–643. Подпись: Кохановская. [Приведено письмо Н.С. Кохановской к М.В. Вольховской от 11 февр. 1883 г.]

1899

Степной цветок на могилу Пушкина. Статья Кохановской, из «Русской Беседы» за 1859 г. // Зелинский В.А., сост. Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Часть 7. Критика пятидесятых годов [XIX в.]. М. 1899. С. 236–245.

1900

Письма (7). [Братству с. Яполоти 5 февр. 1877. – Священнику С. К-у. (2) Отрывки. 28 июня 1867 – 2 авг. 1877. – Священнику с. Яполоти. (4). 1880–1884] // Киевская Старина. 1900. № 10. Отд. I. С. 105–120.

Из писем Н.С. Соханской (Кохановской) к М.В. Вальховской. (45). [Отрывки. 1876–1884] // РА. 1900. № 1. С. 108–140. («За сообщение этих писем в “Русский Архив” обязаны мы К.П. Победоносцеву. Примечания к ним принадлежат нашему достопочтенному библиографу С.И. Пономареву». П. Б[артенев].)

1902

После обеда в гостях. Повесть Кохановской. 3-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина. Ценз. 1902. 93 с. (Дешевая библиотека. № 29).

Старина. Семейная память. Повесть Кохановской. 3-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина. Ценз. 1902. 125 с. (Дешевая библиотека № 30.)

1903

Письма Соханской Н.С. к Данилевскому Г.П. (7). 1854–1857. (Сообщ. Багалей Д.И.) // Киевская Старина. 1903. № 2 (февр.). С. 231–244.

Письма Соханской Н.С. к Данилевскому Г.П. (7). 1854–1857 // Багалей Д.И. Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX века. I. Письма к Гр. Петр. Данилевскому. Киев. 1903. С. 32–45. (Оттиск из журнала «Киевская старина».)

1905

Уроки верующего сердца о перенесении горя. (Отрывки из писем известной писательницы.) Чернигов: тип. Губ. Правления. 1905. 8 с. Сост. С. П[ономарев]. (Извлечено из № 11 «Черниговских Епархиальных Известий». 1905 г.)

1909

Письма (23). [А.В. Дружинину. Отрывок. 17 февр. 1858. Двусторонняя переписка. – А.В. Плетневой (12). 1849–1873. Двусторонняя переписка. – П.А. Плетневу (10). Отрывки. 1846–1848. Двусторонняя переписка] // Платонова Н.Н. Кохановская (Н.С. Соханская). СПб. 1909. С. 50–211.

1912

Кантата 1840 г., сочиненная в[оспитанни]цею [Харьковского Института благородных девиц] Н. Соханской. (Стихотв.) // Жебылев Н. Исторический очерк деятельности Харьковского Института благородных девиц за 100 лет его существования (с 1812-го по 1912-й год). Харьков: Тип. «Печатное дело». 1912. С. 66–67.

«Автобиография» (отрывок). – «Давняя встречा» (отрывок) // Русские писатели о Библии. М.: Печатня А.И. Снегиревой. 1912. С. 4. (Русская религиозная мысль. № 20.)

1948

Письма А.В. Дружинину (3). (Комм. П.С. Попова) // Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). (Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 9.) М. 1848. С. 289–294.

1986

Из провинциальной галереи портретов. [Отрывок из повести] // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. (Сост., автор вступ ст. и примеч. В.В. Ученова.) М.: Современник. 1986. С. 415–451, 461–462.

2011

Рой-Феодосий Саввич на спокое. Белгород: Изд. Отдел Белгородской и Старооскольской епархии. 2011. 224 с. (Повесть выпущена в свет к 100-летию канонизации святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца.)

2014

Избранные сочинения. (Сост., предисловие, примеч. А.Д. Каплина.) СПб.: Издательский Дом «Русский Остров». 2014. 560 с. [Содержание: Александр Каплин. «Наиболее выдающаяся писательница в русской литературе вообще...». Предисловие. С. 5–26; Повести Н.С. Соханской (Кохановской): После обеда в гостях. С. 29–87. – Из провинциальной галереи портретов. (Выдержки на пробу). С. 88–187. – Гайка. С. 188–338. – Рой-Феодосий Саввич на спокое. С. 339–490; Приложения: Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской). С. 493–553. – Константин Аксаков. О повести Г-жи Кохановской «После обеда в гостях» в 16 № «Русского Вестника». С. 554–557; Примечания. С. 558; Содержание. С. 559].

2015

После обеда в гостях. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Роман-журнал XXI век. 2015. № 6 (172). С. 68–85.

После обеда в гостях. Повесть. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya1.htm>

Степной цветок на могилу Пушкина. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация на сайте «Русское Воскресение» <http://www.voskres.ru/literature/raritet/kohanovskaya.htm>

Севастопольские впечатления. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya.htm>

Кирила Петров и Настасья Дмитрова. Повесть. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya4.htm>

Словесная кроха хлеба. Повесть. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/prose/kohanovskaya.htm>

Письмо графу Л.Н. Толстому по поводу его «Исповеди». (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/raritet/kohanovskaya1.htm>

Давняя встреча. Маленькое воспоминание. (Тетушкино Евангелие.) (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2015/12/06/2381>

2016

Словесная кроха хлеба. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2016. № 3 (март). С. 49–57; № 4 (апр.). С. 47–55.

Святые горы. Письмо с хутора. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // НКР. 2016. № 9 (сент.). С. 34–37.

Русское богатство. Из национального наследия. Н.С. Кохановская. Степная барышня 40-х годов. – «Святые горы» Надежды Кохановской. – Н.С. Кохановская. Письмо с хутора. (Публикации А. Стрижёва и М. Бирюковой) // Роман-журнал XXI век. 2016. № 3 (175). С. 5–67.

Старина. Семейная память. (Публ. Бирюковой М.А. и Стрижёва А.Н.) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya3.htm>

Старина. Семейная память. Глава VI. Дед мой родной Григорий Ефимович. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2016/02/07/1508>

Степная барышня 40-х годов. Летописное сказание. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya2.htm>

Сумеречные рассказы. Старое воспоминание тетушки. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2016/11/04/1867>

[Два письма] О Цареубийстве. 1881 год. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2016/11/04/1867>

Святые горы. Письма с хутора. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2016/01/27/243>

О Русской песне. Письмо к И.С. Аксакову. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <http://www.voskres.ru/idea/kohanovskaya.htm>

2017

Каменные бабы. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2017/02/14/859>

2018

Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884). [170 писем]. (Сост., вступ. сост., подгот. текста, comment. О.Л. Фетисенко.) СПб.: Пушкинский Дом. 2018. 600 с., [8] с. илл. (Славянофильский архив. Кн. IV).

Сцены мира. Пьеса. (Публ. Бирюковой М.А. и Стрижёва А.Н.) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/library/kohanovskaya5.htm>

Малахов курган. Очерк. (Публ. Бирюковой М.А. и Стрижёва А.Н.) // Интернет-публикация: <http://www.voskres.ru/literature/prose/kohanovskaya1.htm>

Майор Смагин. Повесть. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/03/26/117>

Графиня Д***. Повесть. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/03/28/2153>

Соседи. Повесть. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/04/09/639>

Любила. Маленькая история. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/04/13/186>

Кража невесты. Драматическое представление в 5 действиях. (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/05/13/1324>

Вот случай! (Рассказ). (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/09/02/1013>

Слава Богу, что муж лапоть сплел. (Попытка в пользу народного театра.) (Публ. М.А. Бирюковой) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/08/31/305>

Несколько слов «Новому Времени». [К Критикам письма гр. Толстому] // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/09/14/57>

Братские могилы. (Публ. М.А. Бирюковой и Стрижёва А.Н.) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/09/16/1008>

Гласное слово на всю Москву и ее округу. (Публ. Бирюковой М.А. и Стрижёва А.Н.) // Интернет-публикация: <https://www.proza.ru/2018/10/08/1646>

**ЛИТЕРАТУРА
О Н.С. КОХАНОВСКОЙ (СОХАНСКОЙ)**

1840

Велихов. Об испытании воспитанниц Харьковского Института // Прибавление к Харьковским Губернским Ведомостям. 1840. № 26 (6 июля). С. 234–240. [«Воспитанницы, составив из себя хор, пели прощальные стихи, сочиненные девицею Соханскою. Мы не могли сами себе дать отчета, что более нас восхищало – гармония ли приятных, нежных звуков хора, или слова прощальной песни. Как трогательно, как разительно выражены в ней те чувства, с какими воспитанницы расстаются со своими милыми подругами, с своим приютом детства; те чувства, на которые смотрят они на грядущую судьбу свою, и обращаются к Царю Царей, моля его о счаствии Царя-Отца, Царицы-Матери. Сохраним же навсегда эти стихи, как памятник прекрасных чувств девицы Соханской и всех ее подруг».]

1849

[Дружинин А.В.] Современные заметки. (Письмо иногородного подписанчика в редакцию Современника о русской журналистике. I. Декабрь 1848.) [О повести «Графиня Д...»] // Современник. 1849. Т. XIII. № 1. Отд. V: Смесь. С. 46–47. Подпись: ***.

1856

[Зотов В.В.] Критика. «Переселенцы», роман из простонародного быта, в шести частях, г. Григоровича («Отечественные Записки») и начало повести г-жи Кохановской «Гайка» // СО. 1856. № 29 (21 окт.). С. 52–56; № 30 (28 окт.). С. 71–75. [Б. п.] (Автор установлен С.И. Пономаревым.)

1858

Аксаков К.С. О повести г-жи Кохановской «После обеда в гостях» в 16 № Русского Вестника // РБ. 1858. Кн. 12 (IV). Отд. V: Смесь. С. 141–144.

Русская литература. Журналы. «После обеда в гостях» (в «Русском Вестнике») // СПб. Вед. 1858. № 239 (1 ноября). С. 1399–1401. Подпись: Н.Н. [«Наибольше внимание привлекает к себе в 16 № “Вестника” превосходный рассказ г-жи Кохановской: *После обеда в гостях*. Чем-то чудным, музикально-гармоническим веет на вас от этой повести. Обаятельная прелесть этого поэтического рассказа охватывает душу вашу и наполняет ее какими-то смутными ощущениями, сладостными и – вместе – томительными. Так действуют на вас в сумерки, в пору мечтаний, грез и безотчетной, тихой грусти, дивные звуки лучших нумеров Россини и Моцарта или заунывной русской песни. Нет в повести г-жи Кохановской ни мировой идеи, ни решения современных вопросов, ни самих вопросов даже, но, тем не менее, от повести вы не оторветесь, и долго-долго будут носиться перед вами вызванные ею образы и слышаться пробужденные ею звуки. Никакою внешнею потребностью не вызван рассказ автора – это грациозная картинка, слегка подернутая грустным колоритом, это пейзаж, не намекающий ни на какое событие, вовсе не подкрашенный актуальностью публицизма: а между тем живое чувство действительности проникает читателя до глубины души. Речь идет об одном из самых незаметных звеньев общей цепи человеческого общества, о мурашке, никогда почти не выходящей из своего муравейника, и эта мурашка переворачивает вверх дном все мысли ваши и чувства, стесняет грудь вашу, вызывает у вас слезы, наполняет все существо ваше благодатным чувством общечеловеческой любви – вы рветесь к этой маленькой героине маленького рассказа, простираете к ней свои объятия и, подобно рассказчице, с умилением восклицаете: «Милая Любовь Архиповна! <...> Теплое чувство любви проникает весь рассказ г-жи Кохановской, а грациозная безыскусственность изложения, соединенная с какою-то особою меткою выразительностью, возвращает мысль нашу к поэзии самобытной, к поэзии народной и непосредственной. <...> Нет в рассказе ее ни лирических отступлений, ни сентенций, ни возгласов,

одно простое, безыскусственное изложение – и какая, тем не менее, прелест! какая сила мысли и слова! Какая правда, какая живая действительность!..»]

1859

[Писарев Д.И.] [Рец.] «Русский Вестник» 1858 года. После обеда в гостях. Кохановской. (№ 16) // Рассвет. 1859. Т. II. № 5. Библиография. Русские периодические издания. С. 59–66. [Б. п.]

Де-Пуле М.Ф. Критика. О повестях г-жи Кохановской. (И.А. Придорогину) // РС. 1859. № 12. Отд. II. С. 1–36. Подпись: Михаил Де-Пуле. Воронеж. 26 сентября 1859 г.

[Гиляров-Платонов Н.П.] О новой повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов» («Рус. вест.»). 1859 г. Март, книга 1) // РБ. 1859. Кн. 15 (III). Отд. V: Смесь. С. 65–86. Подпись: Н. Г-въ. Москва. 13 мая 1859.

[Алмазов Б.Н.]. Взгляд на русскую литературу в 1858 году. [О повестях Кохановской «После обеда в гостях» и «Любила»] // Утро. Литературный сборник. М. 1859. С. 78–83. Подпись: [Б. А.] [«Огромное достоинство произведений г-жи Кохановской заключается тоже в редком знании характера русского человека и русской жизни. Все драматические мотивы ее повести [“После обеда в гостях”] взяты из русской жизни: нет ничего навеянного чтением иностранных романов»].

Аксаков И.С. От редакции («Статья г-жи Кохановской, написанная в 1857 году...») [«Степной цветок на могилу Пушкина»] // РБ. 1859. № 17 (V). Отд. Критика. С. 11. [Б. п.]

Шевырёв С.П. Введение в Историю Русской словесности. [О статье «Степной цветок на могилу Пушкина»: «С именем Пушкина срослась для всякого Русского идея красоты художественной, как постигал ее и воплощал в Русском слове Русский художник. Но принялась ли идея Пушкина в нашей литературе? Нет, она встретила даже диких противников, и некоторые приверженцы великого поэта, в новом поколении, воспитанные на его произведениях, вменили себе в обязанность взять оружие защиты и рыцарски оборонять память славного Русского художника против ограниченного невежества, которое его не понимает. Такой подвиг недавно возобновлен в Русской Беседе писательницей-женщиной,

которая ярким светом великого дарования озарила новый небосклон нашей литературы»] // Шевырёв С.П. История Русской Словесности. Лекции Степана Шевырёва, Ординарного Академика и Профессора. Изд. 2, умноженное. М.: Тип. Бахметева. 1859. Ч. I. С. XVII–XVIII.

Русская литература. Журналы. Разбор нескольких статей «Русского Вестника» (№ 5–11) // СПб. Вед. 1859. № 155 (18 июля). С. 675. Подпись: Н. Н. [«В “Русском Вестнике” за последнее время появилось несколько интересных повестей; две из них – даже прекрасные, а именно: повесть *Семейное счастье* (графа Л.Н. Толстого) <...> и очерк *Из провинциальной галереи портретов* (г-жи Кохановской)». Далее автор рецензии ошибочно утверждает, что настоящее имя г-жи Кохановской – *К. Вахновская*].

Промах фельетониста // Развлечение. 1859. № 30 (1 августа). С. 56. [Об ошибке фельетониста Н. Н. из «Санктпетербургских Ведомостей», который написал, что г-жи Кохановская и Вахновская одно лицо. «Г-жа Кохановская – писательница с замечательным талантом».]

Русская литература. Журналы. Беллетристика, философия, критика и политика «Русской Беседы» (кн. 3 и 4). – Поправка // СПб. Вед. 1859. № 165 (1 августа). С. 717–719. Подпись: Н. Н. [«Гораздо интересней критические статьи “Русской Беседы”. Укажем <...> на превосходный разбор повести г-жи Кохановской “Из Провинциальной Галереи Портретов”, сделанный г. Г-вым; в разборе этом беспристрастно указаны достоинства и недостатки этого прекрасного произведения, и как нельзя более отчетливо выяснена сущность дарования г-жи Кохановской». – «В фельетоне нашем в № 155 “Санктпетербургских Ведомостей” мы сделали, по неведению, очень грубую ошибку. Мы сказали, что повести г-жи Кохановской изданы отдельным изданием и что настоящее имя этой даровитой писательницы Вахновская: ни то, ни другое никако несправедливо. Рассказы и Очерки г-жи Вахновской (С.) действительно изданы на днях в Москве отдельною книгою: но между ею и г-жею Кохановской, как увидит читатель в одном из следующих фельетонов наших, нет и не может быть ничего общего – у одной талант, ничем не выдающийся из уровня посредственности – у другой чрезвычайно-крупное и яркое дарование... Непременно

представлю читателю подробный разбор повестей г-жи Кохановской, имя которой все-таки псевдоним, а не настоящее имя».]

Письма в редакцию «Санктпетербургских Ведомостей». I. Москва, 2-го августа 1859 г. – Письмо редактору «Развлечения» (Москва, 2-го августа 1859 г.) // СПб. Вед. 1859. № 172 (11 августа). С. 747. Подпись: Н. Н. [Автор извиняется за допущенную им «нечаянную грубую ошибку», когда он написал «о тождестве между г-жами Вахновскою и Кохановскою.】

Русская литература. Книги. Рассказы и очерки С. Вахновской... [О повестях Кохановской «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов»] // СПб. Вед. 1859. № 202 (19 сент.). С. 879–880. Подпись: Н. Н. [«Рассказы и очерки г-жи С. Вахновской не заслуживают ни строгого, ни просто серьезного разбора; <...> все в них гладко, ровно и – бесцветно. <...> То ли дело г-жа Кохановская? Она не только выделилась из ряда писателей силою и степенью своего дарования, но и самим его родом; она внесла в литературу новое и самобытное начало, начало живое и живительное, поэтическое до идеализма и действительное до самых крайних пределов реализма. <...> В произведениях г-жи Кохановской мы видим то самое художественное и полное слияние литературы с народною поэзией, литературного языка с языком народным, слияние, которое всегда было конечною целью исторического развития нашего языка и словесности и о котором мечталось еще Пушкину».]

Заметка // РВ. 1859. Т. 22. Июль. Кн. 1. Современная летопись. С. 125. [Б. п.] [«Повести Кохановской служили не раз украшением *Русского Вестника*, и редакция этого журнала считает своею обязанностью объяснить, на основании самых положительных данных, что псевдонимы Вахновской и Кохановской принадлежат двум различным авторам»].

1860

[Рец.] Критика. Гайка. Повесть г-жи Кохановской // Дамский Вестник. 1860. № 2 (авг.). С. 234–246. Подпись: М.

Соколовский Н. [Рец.] Гайка. (Повесть г-жи Кохановской. Русское Слово, кн. 4, 1860) // Светоч. 1860. № 6. Отд. III: Критическое обозрение Русской литературы. С. 1–44.

Хомяков А.С. Речь Председателя [Общества Любителей Русской Словесности], читанная в публичном заседании 2-го февраля 1860 года // РБ. 1860. Кн. 19 (№ I). С. 31. [«Прошлый год... вывел на поприще нашей словесности новый блестящий талант в повествовательном роде. Никогда, может быть, со временем нашего бессмертного Гоголя, не видали мы такой светлой фантазии, такого глубокого чувства, такой художественной истины в вымысле, как в произведениях, подписанных именем г-жи Кохановской. А ее печатные статьи о Пушкине и о критике одной из ее же повестей доказывают, что в ее художественных произведениях мы видим не простые и, так сказать, дикорастущие плоды творчества, но произведения сильного художественного таланта, постоянно направляемого и оберегаемого тонким и строгим анализом».]

1861

[Рец.] Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта <...> 7) Две статьи г-жи Кохановской в «Русской Беседе» 1860 и 1861 гг. 1) О русских народных песнях. 2) Русские боярские песни // Время. 1861. Т. II. № 4. Отд. II. Критическое обозрение. С. 163–181. [Б. п.]

[Григорьев А.А.] Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести // Время. 1861. Т. V. № 9. Отд. II. Критическое обозрение. С. 20–23. [Б. п.]

Котляревский А. Новые труды по русской старине и народности (П. Воронежская Беседа на 1861 год, изд. Де-Пуле и П. Глотова. СПб. 1861) // МВ. 1861. № 263 (30 ноября). С. 2130–2131. [О статье «Сличение нескольких русских песен».]

После дождя. (Стихотв.) // Развлечение. (Прибавление к газете «Московский Листок»). 1861. № 6 (31) (11 августа). С. 65. Подпись: Надежда С**. (Указание Масанова И.Ф.)

1862

Жемчужников Л.М. [Рец.] Несколько замечаний по поводу народных песен. [О статье «Сличение нескольких русских песен» в «Воронежской Беседе на 1861 год»] // Основа. 1862. № 2 (февраль). С. 87–100. Подпись: Л. Жемчужников. 28 декабря 1861 г.

[Зайончковская (Хвошинская) Н.Д.] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо второе. Византийский пафос или Повесть г-жи Кохановской: Кирила Петров и Настасья Дмитрова // ОЗ. 1862. Т. CXL. № 1. Отд. I. С. 364–374. Подпись: В. Поречников.

1863

Мотивы современной литературы. Г-жа Кохановская. (Повести Кохановской, два тома. Москва, 1863) // ОЗ. 1863. Т. CXLIX. № 7–8. Отд. III. С. 31–58. [Б. п.] «...Пушкинская строгость линий в рисунке, выбор лиц в повестях, большею частию отчетливых по своей идее, не сложных по внутреннему характеру, проживающих всю жизнь двумя-тремя обиходными понятиями – всё это бросалось в глаза. Кроме того, г-же Кохановской доступны непосредственная поэзия природы и безыскусственные движения сердца. Она – великая мастерица наблюдать и чуять истину сердечных движений. Она описывает их с талантом, который в художественном отношении равен таланту гр. Толстого, с симпатией, которой недостает холодному анализу гр. Толстого».

[Салтыков-Щедрин М.Е.] Новые книги. Повести Кохановской. Москва, 1863. 2 тома // Современник. 1863. № 9. Отд. II: Современное Обозрение. С. 67–83. [Б. п.]

Один из цветков на славянофильской почве. (Повести Кохановской. 2 тома. Москва, 1863) // РС. 1863. № 3 (март). Отд. IX. С. 32–40. [Б. п.]

[Острогорский В.П.] Русская литература. Г-жа Кохановская и ее повести. (Повести Кохановской. Москва, 1863. Т. I. После обеда в гостях, Из провинциальной галереи портретов, Старина. Т. II. Гайка, Кирила Петров и Настасья Дмитрова, Давняя встреча) // БдЧ. 1863. № 7 (июль). Современная летопись. С. 1–40. Подпись: В. О-ский.

Анненков П. Г-жа Кохановская. (Повести Кохановской. Т. I, II. М., 1863) // СПб. Вед. 1863. № 172 (2 авг.). С. 1; № 173 (3 авг.). С. 1.

[Рец.] Библиография. Начала мира, Жуванселя; Повести г-жи Кохановской // Голос. 1863. № 60 (12 марта). С. 237–238. [Б. п.]

Повести Кохановской. Т. И. М., 1863. Т. Бахметева. 318 стр.
[Упоминание в перечне книг] // Книжный Вестник. 1863. № 4
(28 февр.). С. 62. (№ 245).

[Рец.] Повести г-жи Кохановской. 2 тома. Дополнение
к прежней библиографии // Книжный Вестник. 1863. № 9 (15 мая).
С. 159. (№ 245). [Б. п.]

Григорьев А.А. По поводу одного, малозамечаемого совре-
менною критикою явления. Письма из Оренбурга к Н. Косице.
Письмо первое. [Высказывание о повести Кохановской «Кирила
Петров и Настасья Дмитрова»] // Якорь. 1863. № 2 (одобрено цен-
зурой 22 марта). С. 24.

1864

[Павлов Н.М.] Письма к редактору «Дня» по поводу послед-
ней повести г-жи Кохановской. [«Рой Феодосий Саввич на спо-
кое»] // День. 1864. № 23 (6 июня). С. 15–18; № 24 (13 июня).
С. 19–20; № 25 (20 июня). С. 16–18; № 26 (27 июня). С. 17–20.
Подпись: Н. Б. (Также Павлов Н.М. Наше переходное время. М.
1888. С. 85–116.) [«Новое произведение г-жи Кохановской бес-
спорно характернейшее изо всех ее произведений; именно на
“Рое” остановится будущий критик г-жи Кохановской для ее оцен-
ки, как автора. Если живость образа – всегда с ясностью масляной
картины Тициана, а не с бледным очерком карандаша – составляет
неподражаемое достоинство г-жи Кохановской, – в “Рое” она
выступает ярче. Если в каждой повести г-жи Кохановской вас по-
ражает пристальное знакомство с старинным бытом – не урывками
вычитанное из книг знание о нем, а какое-то непосредственное
к нему отношение автора, цельное и живое, при чем многое из ста-
рины метко угадано, другое еще впервые сознано, – всё это вас не
только поразит, а даже ослепит в “Рое”. Если наконец чудные вы-
мыслы поэта и грэзы художника доходят всегда у г-жи Коханов-
ской до форм столь определительных, достигают всегда той степе-
ни реальности, что всякий образ ее кажется только сейчас
списанным с натуры, вся же повесть анекдотом, – то и это отличие
г-жи Кохановской особенно бросится в глаза в “Рое”. Точно так же
и все своеобразные, – не говорим: недостатки ее таланта, а все рез-
кости его склада, – проглянули именно в “Рое” с особенной силой.

<...> Легко читается повесть г-жи Кохановской от доски до доски в один присест, и оттого это: что строка, то образ! и один развиваясь в другом, воссоздают они выводимый мир со столь гармонической полнотою, что и само впечатление, складываясь все стройнее и цельнее в душе читателя с ходом повести, только уже на последних ее строках чувствует себя и вполне оправданным и вполне удовлетворенным. Повесть г-жи Кохановской представляет действительный интерес современности, и это оттого, что Русской литературе, Русскому искусству, Русскому таланту было и есть всегда современно одно: стремиться понять Русскую жизнь, Русский мир и быт, выразить наш идеал, – идеал, который не возьмутся разгадать ни Немец, ни Француз, ни Англичанин».]

[Аксаков И.С.] Примечание к статье «Письма к редактору “Дня” по поводу последней повести г-жи Кохановской»] // День. 1864. № 23 (6 июня). С. 15–16. Подпись: Ред. [«Мы не считаем неуместным предложить несколько критических замечаний на повесть, напечатанную в нашей газете. Талант г-жи Кохановской так самобытен и независим, составляет такое общее достояние Русской публики, что при всем сочувствии к его направлению, мы не считаем себя вправе применять к автору-художнику обычные отношения Редакции к своим постоянным сотрудникам. Мы не везде впрочем согласны с замечаниями г. Н. Б., что и будем оговаривать там, где подобная оговорка покажется нам нужною. Ред.»].

Повести Кохановской. Москва 1863 г. 2 тома // Русский Базар. 1864. № 5 (5 марта). С. 73–75; № 7 (11 апреля). С. 109–111. Подпись: Н. С.

[Субботин Н.И.] Несколько слов по поводу статейки г-жи Кохановской в № 38 Дня. [«Слава Богу»] // РВ. 1864. Т. 53. № 9. С. 381–390. Подпись: Н. С-нь.

[Эдельсон Е.Н.] Русская литература. [«Рой Феодосий Саввич на спокое» г-жи Кохановской] // БдЧ. 1864. № 4–5 (апрель и май). Отд. XVIII. Русская литература. С. 7–13. Подпись: Е. Э-нь. [«...Как и все, что выходит из-под пера г-жи Кохановской, эта повесть носит на себе печать яркого таланта, не раз производит сильное, незабываемое впечатление в читателе и, что главное, производит это впечатление правильным образом, затрагивая в душе чисто русские, народные струны»].

[Львова Е.Н.] [Рец.] Библиография. Новая повесть г-жи Кохановской: Феодосий Саввич Рой // Семейные Вечера. (Старший возраст). 1864. № 6 (июнь). С. 435–455. Подпись: Ел. Л-а.

1865

Дружинин А.В. Письма иногородного подписчика о Русской журналистике. (Письмо первое. Декабрь 1848 г.). [Отзыв о повести «Графиня Д***»] // Собрание сочинений А.В. Дружинина. Т. 6. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук. 1865. С. 17–18.

1866

Книжные заграничные вести. [О публикации перевода повести «Кирила Петров и Настасья Дмитрова» на франц. яз.] // РА. 1866. № 2. Стб. 260. [Б. п.]. [«В летних номерах журнала “Bibliothèque Universelle de Genève” напечатана во французском переводе повесть Кохановской “Кирилл Петров и Настасья Дмитрова”, появившаяся по-русски в *Дне* и обратившая на себя общее внимание. Искусный перевод принадлежит, как нам известно, одной из наших соотечественниц»].

Справки о церкви с. Яполоти, представленные Острожским Свято-Кирилло-Мефодиевским братством в ответ на письмо Кохановской от 27 января 1866 г. из Макаровки // СПб. Вед. 1866. № 128 (13 мая). С. 3. (В статье: «Известия об Острожском Свято-Кирилло-Мефодиевском братстве. Письма и приложение к отчету Свято-Кирилло-Мефодиевского братства».)

1867

Священник Иоанн Вержековский. Поправка и дополнение к статье г. Кохановской: «Еврейская привилегия» // Москва. 1867. № 143 (3 окт.). С. 4.

1870

Из писем П.А. Плетнева к В.А. Жуковскому. Письмо XV от 4/15 марта 1850. (О рукописной Автобиографии Н.С. Соханской) //

РА. 1870. № 7. Стб. 1303–1306. [«Есть у меня (по выражению Ф.Н. Глинки) “знакомая незнакомка”, девушка лет 23-х, вышедшая из Харьковского института и живущая с матерью и теткою на бедном хуторе близ Изюма. Вот это – так явление изумительное. Ее зовут С-ая. <...> Я попросил ее заняться написать для меня коротеньку биографию ее. <...> Она присыпала мне последовательно одну тетрадь за другою, одну другой интереснее, так что теперь эта автобиография, по моему признанию, есть лучшее что только явилось у нас оригинального в последние пять лет. Тут исчерпаны все роды красоты и все оттенки Русской жизни. А сама она является таким неподражаемо-милым существом, что не расстался бы с нею. Одну из этих тетрадей (описание жизни в институте) я пропровождал для прочтения к Государыне Императрице, и Ее Величество разделяет мое мнение»].

Последняя почта. «В Киевлянине пишут...» // МВ. 1870. № 230 (27 октября). С. 3. Стб. 4. [«В Киевлянине пишут, что известная писательница Н.С. Кохановская, посетив в 1866 году Волынь, учредила в глухи ее, на Полесьи, четыре сельские заемные банка...»].

1873

[Погодин М.П.] О новой пьесе Г-жи Кохановской [«Слава Богу, что муж лапоть сплел», комедия в 3 д.] // МВ. 1873. № 321. (20 дек.). С. 4–5. Подпись: М. П. [«Автор назвал свою пьесу попыткой для народного театра, и надо сознаться, что попытка оказалась блистательною. Пьеса, понятная вполне, занимательная для простого народа, доставит большое удовольствие зрителям всех сословий.】

1874

Театр и музыка. [О «Краже невесты»] // Биржевые Ведомости. 1874. № 34 (5 февр.). С. 4. [Б. п.]

Московские заметки... Г-жа Кохановская на поприще драматурга и ее «Краже невесты» // Голос. 1874. № 36 (5/17 февр.). С. 1–2. [Б. п.]

Список драматическим сочинениям на русском языке, дозволенным к представлению. За декабрь. Пьесы, дозволенные с исключениями: Добро что муж лапоть сплел. Ком. в 3 д. Кохановской. – Кража невесты. Др. в 5 д. Кохановской // Указатель по делам печати. 1874. № 2 (15 янв.). С. 35.

1876

Цебрикова М. Русские женщины-писательницы // Неделя. 1876. № 13–14 (30 мая). С. 439–443. (Статья первая); № 21–22 (11 июля). С. 695. (Статья вторая). [«...Чувство народности, т.е. учения славянофильства, имело представительницей в нем женщину замечательного таланта, г-жу Кохановскую... Она – талант несомненно крупный. Все, что она писала, проникнуто чувством; своеобразная речь ее, сложившаяся отчасти под напев народной песни, отчасти под живую речь народа, придает поэтический колорит ее произведениям. Она умеет переживать душой и тяжелые скорби, и немногие радости простых людей и показывать их живьем читателю».]

1879

Анненков П.В. Г-жа Кохановская // Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. (1849–1868 гг.). Отдел 2-й. СПб. 1879. С. 303–313.

1882

Буренин В.П. Нечто // НВ. 1882. № 2445 (17 дек.). С. 2–3. [Взгляды В.П. Буренина на Л.Н. Толстого и его «неопубликованные произведения», высказанные в данной статье, Н. Кохановская подвергает критике в статье «Несколько слов “Новому Времени”».]

1884

Буренин В.П. Критические очерки. Напрасные тревоги г-жи Кохановской. [О «Письме к графу Толстому по поводу его “Исповеди”»] // НВ. 1884. № 2965 (1 июня). С. 2–3. [Приведена цитата из

статьи Буренина «Нечто» (НВ. 1882. № 2445), которую имела в виду Н.С. Кохановская, говоря, что в «Новом Времени» Л.Н. Толстого назвали «Отцом Церкви»: «В настоящее время в среде немногочисленных читателей обращается замечательный рукописный труд Л.Н. Толстого религиозного характера. Труд этот, без всякого сомнения, плод самой глубокой мысли и в то же время, плод самого глубокого религиозного одушевления. Этот труд не только умственный, но в то же время и душевный подвиг знаменитого писателя. По искренности мысли и искренности веры, по великой жажде правды, труд Л.Н. Толстого, в наше время всяческой лжи, всяческого притворства, всяческой боязни искренности, представляет нечто феноменальное, нечто такое, что ставит его автора уже не в ряду писателей, а в ряду “учителей”».]

Балавинской П. Дневник. Среда, 19-го декабря. [Некролог] // Гражданин. 1884. № 52 (23 дек.). С. 23.

Н.С. Соханская. (Некролог) // МВ. 1884. № 351 (19 дек.). С. 4. Стб. 4. [Б. п.]

Старчевский А. Надежда Степановна Соханская (писавшая под псевдонимом Кохановской). (Из воспоминаний старого журналиста) // Новости и Биржевая Газета. 1884. № 347 (16/28 дек.). С. 3.

Аксаков И.Н. С. Соханская (Кохановская) // Россия. 1884. № 48 (22 дек.). С. 12–13.

[Аксаков И.С.] Н.С. Соханская (Кохановская) // Русь. 1884. № 24 (15 дек.). С 12–13. [Б. п.] (Название указано в оглавлении номера.)

Некролог // Современные Известия. 1884. № 341 (12 дек.). С. 2. [Б. п.]

[Некролог] // СПб. Вед. 1884. № 346 (15/27 декабря). С. 3. Стб. 2. [Б. п.]

Лесков Н.С. Княжьи наветы. [О «Гражданине» князя Мещерского; упомин. письмо Н.С. Кохановской к гр. Л.Н. Толстому] // Новости и Биржевая Газета. 1884. № 253 (13/25 сент.). С. 2–3.

1885

Кохановская и Самойлович. (Некролог) // Женское Образование. 1885. Кн. 1 (январь). С. 87–90. Подпись: -Я.- [Согласно

«Словарю псевдонимов...» Масанова И.Ф., эта подпись может принадлежать Языкову Д.Д. или Познякову Н.И.]

Позняков Н. Кохановская (Критический очерк) // Женское Образование. 1885. Кн. 6–7 (август и сентябрь). С. 463–474.

М. Мария [Мария (в миру Елизавета Никитична Шахова), монахиня]. Открытое письмо графу Льву Николаевичу Толстому // Новороссийский Телеграф. 1885. № 3239 (29 дек.). С. 2. [Упоминается письмо Н.С. Кохановской к гр. Л.Н. Толстому.]

Н.С. Соханская-Кохановская. (Некролог и портрет по фотографии Ю. Барановского) // Нива. 1885. № 6 (9 февр.). С. 144, 146. [Б. п.]

Н.С. Соханская (Кохановская). (+ 3 Декабря 1884) // РА. 1885. Т. I. № 4. С. 629–631. [Б. п.]

Быков П.Н. С. Кохановская. (Биографический очерк, с портретом) // Живописное Обозрение. 1885. № 3 (20 янв.). С. 33–34; № 5 (3 февр.). С. 65–68.

Некролог. (Н.С. Кохановская) // Новь. 1885. Кн. I. (Т. II. № 5). (1 янв.). С. 328. [Б. п.]

[Сообщение о кончине Н.С. Соханской] // Исторический Вестник. 1885. Т. XIX. Кн. I (январь). Смесь. С. 226–227. [Б. п.]

Скабичевский А. Литературная хроника. I. Несколько слов о Кохановской и о причинах раннего падения ее таланта // Новости и Биржевая Газета. 1885. № 3 (3/15 янв.). С. 1.

Плетнев П.А. Письма к П.А. Вяземскому (30 ноября 1861 г.) и В.А. Жуковскому (3/15 января 1850 г. и 4/16 марта 1850 г.) // Сочинения и переписка П.А. Плетнева. (Изд. Я. Гrot). Т. III. СПб.: Тип. Имп. АН. 1885. С. 490–492, 622, 641–642. [«Я попросил ее [Кохановскую] заняться написать для меня коротенькую биографию ее... Она присыпала мне последовательно одну тетрадь за другою, одну другой интереснее, так что теперь эта автобиография, по моему признанию, есть лучшее, что только явилось у нас оригинального в последние пять лет. Одну из этих тетрадей (описание жизни в институте) я препровождал для прочтения к Государыне Императрице, и Ее Величество разделяет мое мнение.】

Плетнев П.А. Письмо Князю П.А. Вяземскому от 6 января 1855 г. [«Я на днях получил из Малороссии от одной очень умной Харьковской институтки сочинение, под названием: “Старина”, еще неоконченное, но уже представляющее довольно интереса. Эта приятельница моя <...> посвятила свое сочинение вам, князь,

на том основании, что вы в книге своей о Фон-Визине напечатали следующие строки: “Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов Записок, за несколько Несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает История”. Сочинительница (Соханская) собрала множество подробностей о житье-бытие родственников своих с отцовской и материнской стороны (последнюю начинает она с князя Константина Острожского) и рассказывает очень интересно...»] – Письмо Князю П.А. Вяземскому от 30 ноября 1861 г. – Письмо В.А. Жуковскому от 3 января 1850 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Издал Я. Гrot. Т. III. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук. 1885. С. 418–418, 490–492, 620–625.

[Кочетов Е.Л.] По Юго-западному краю. Религиозные секты и братства в крае. [О братстве в селе Яполоти] // НВ. 1885. № 3419 (4/16 сентября). С. 2–3. Подпись: Русский Странник.

1886

Письмо М. Марии к графу Л.Н. Толстому. (Опыт характеристики так называемых религиозно-философских сочинений графа Л.Н. Толстого) // Дневник писателя, ежемесячное издание Д.В. Аверкиева. 1886. № 2 (февраль). С. 53–65. [Б. п.] [Упоминается письмо Н.С. Кохановской к гр. Л.Н. Толстому.]

Вяземский П.А. Старая записная книжка. Часть 3. Книжка 26. (1859–1860). [25 ноября 1859 г.: «Возвратился в Царское. Вечером был у их величеств. Читали начало Степной Цветок на могилу Пушкина – сочинение Кохановской...»] [Отзыв П.А. Вяземского о статье «Степной цветок на могилу Пушкина»] // Вяземский П.А. Сочинения. Т. 10. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1886. С. 228.

1887

Замечательные уроженцы и деятели Харьковской губернии. Соханская (Кохановская) Надежда Степановна // Харьковский Сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому Календарю» на 1887 год. Вып. 1. Харьков. 1887. С. 147–151. [Б. п.] [«Сочинения Кохановской известны гораздо менее, чем они того заслуживают, еще вследствие одного внешнего неблагоприятного

обстоятельства. Дело в том, что хотя они имели отдельное издание, но издание это попало в руки одного Харьковского книгопроправца, который разорился – товар же его, а вместе и сочинения Кохановской, пошли в продажу на пуды. Таким образом, исчезло издание, и сочинений Кохановской невозможно достать в отдельной книге; из старых же журналов раздобыывать их, конечно, слишком затруднительно».]

1888

Языков Д.Д. Соханская, Надежда Степановна // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 4. Русские писатели, умершие в 1884 году. СПб.: тип. А.С. Суворина. 1888. С. 81–83.

Петров Н.И. Волынь: Исторические судьбы Юго-западного края. Изд. при Министерстве внутренних дел П.Н. Батюшковым. СПб. 1888. (К девяностолетию крещения Руси.) С. 284; Примечания. С. 25. [«Душою Яполотского братства, Ровенского уезда, была Русская писательница Н.С. Соханская, известная в печати под псевдонимом Кохановской. На пожертвования из России, полученные главным образом из Москвы, она учредила при Яполотском братстве школу и сельский банк и оказывала помощь и другим церквам и церковно-приходским братствам Ровенского уезда. <...> Мы имеем под руками связку писем г-жи Соханской, касающихся Яполотского братства.】 (Приведен отрывок из письма П.Н. Б[атюшкова] к Н.С. Соханской.)

1889

Кн. Голицын Н.Н. Соханская, Надежда Степановна // Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: тип. В.С. Балашева. 1889. С. 233–236.

1890

Скабичевский А.М. Живая струя. (Вопрос о народности в литературе.) [О повести «После обеда в гостях»] // Скабичевский А.М. Сочинения. Т. I. СПб. 1890. С. 125–127.

1891

Протопопов М.А. Женское творчество. Статья вторая. Кохановская и Хвоцкинская-Зайончковская // Русская Мысль. 1891. № 2. Отд. II. С. 161–181.

Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. (1848–1890). СПб. 1891. С. 222. [Отзыв о творчестве Н.С. Кохановской.]

Дневник Александра Васильевича Никитенко. 1862 г. (8 июля) // Русская Старина. 1891. № 2 (февр.). С. 362. [«П-в мне рассказывал о том, какой радужный прием сделала императрица Мария Александровна – писательнице Кохановской: последняя была восхищена ее добротой. Прощаясь, императрица сказала ей: “Желаю вам всего лучшего на свете”. – “Так позвольте же, государыня, попросить у вашего величества теперь же исполнения этого желания: благословите меня”, – сказала Кохановская, тронутая ласковым обращением всего царского семейства.】

Пономарев С.И. Наши писательницы. Библиографический Словарь русских писательниц, князя Н.Н. Голицына. СПб. 1889 г. // Сборник Отделения Русского Языка и Словесности (ОРЯС) Императорской Академии Наук. СПб. 1891. Т. 52. № 7. С. 3, 5, 8, 16, 18–19. [«Н.С. Соханская [была] фрейлиною импер. Марии Александровны и получила от нее в благословение икону».]

Пономарев С.И. Наши писательницы. Дополнения к «Библиографическому Словарю русских писательниц Н.Н. Голицына» [К стр. 233. Соханская, Над. Ст.] // Сборник Отделения Русского Языка и Словесности (ОРЯС) Императорской Академии Наук. СПб. 1891. Т. 52. № 7. С. 56.

1892–1893

Языков Д.Д. Соханская Н.С. // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7. СПб. 1893 (на титуле: 1892). С. VI.

1893

Мартьянов П.К. Кохановская, Н.С. (Соханская). (Эпиграмма) // Мартьянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века, в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпиграфиям. Изд. 3, вновь испр. и доп. СПб. 1893. С. 145.

1895

[Матвеев П.А.] Письма о литературе. Письмо IV. (Повесть Кохановской [«Кирилл Петров и Настасья Дмитрова»]) // РВ. 1895. Т. 237. № 4 (апрель). С. 253–256. Подпись: П.А. Ачкасов. [«Еще раньше Достоевского, Н.С. Соханская, писавшая под псевдонимом Кохановской, в своей превосходной повести, названной ею “Кирилл Петров и Настасья Дмитрова”, раскрыла глубину религиозного строя народного духа, представив высоко-художественную картину тех сторон народного быта, которых не коснулось поэтическое творчество Пушкина и его непосредственных последователей. И.С. Аксаков видел и справедливо оценил в этой повести крупный шаг, который сделала наша литература после Пушкина, осветив скрытую в народной душе правду христианской совести. <...> Сцена объяснения с женой Кирилла Петрова представляет одну из лучших страниц в нашей литературе, посвященной народному быту.】]

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. Т. 3. (1828–1856). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1895. С. 80–81, 244–245.

История Общества распространения Св. Писания в России. [«В том же [1884] году скончалась усердная член-сотрудница Надежда Степановна Соханская-Кохановская, известная писательница, но не всем, может быть, известная как добрая христианка, горячо любившая Слово Божие, – она состояла членом Общества с 1874 года». Приводится последнее письмо Н.С. Кохановской в Общество, написанное ею незадолго до кончины] // Книжки иллюстрированного журнала «Русский Паломник» на 1895 год. Кн. IV. СПб. 1895. С. 277–278.

1896

Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4: Письма к разным лицам: Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову, 1858–86 гг. СПб.: Изд. Имп. Публичной библиотеки. 1896. С. 211–212. [Письмо к гр. А.Д. Блудовой от 14 ноября 1861 г.: «...Я вытребовал себе карточку от Кохановской. Замечательное лицо, умное, оживленное, мыслящее»]. С. 223, 233.

Плетнев П.А. Письма к Н.С. Соханской (Кохановской) (10). Отрывки // Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской). (Вступ. ст. и ред. С.И. Пономарева). М. 1896. С. 2–6.

Пономарев С.И. П.А. Плетнев и Н.С. Соханская (Кохановская). (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // РО. 1896. № 6 (июнь). С. 469–479. (Отд. отт. из «Русского Обозрения». С. 1–11.)

Пыпин А. Новые данные для биографии Кохановской. (Русское Обозрение, 1896, июнь и д. Автобиография, с предисловием г. Пономарева. – Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Том третий. СПб. 1896) // ВЕ. 1896. № 12 (декабрь). С. 717–748. [«Для всех любителей русской литературы было бы в высокой степени интересно видеть, наконец, издание сочинений Кохановской вместе со всем тем биографическим материалом, о котором говорит г. Пономарев... Для будущего собирателя заметим, что три письма Кохановской от 1861 находятся еще в Публичной Библиотеке в бумагах Краевского: в “Отечественных Записках” печаталась тогда “Старина” Кохановской.】

Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения. 1896. Т. III. С. 137, 212–213, 671, 731. [(Плетнев – Гроту). СПб., 22 октября 1847: «...Вчера получил я от Соханской (из Изюма) письмо и второй отрывок ее автобиографии. Он содержит в себе время пребывания ее в Харьковском институте. У нее талант удивительный. Никогда ни один роман не занимал меня так, как описание это. Тут все роды прекрасного сосредоточены. Трогательное, сатирическое, легкое, комическое и даже поэтическое – все есть. И между тем в изложении столько непринужденности, простоты, истины и свободы, что не оторвешься от чтения...». – (Плетнев – Гроту). СПб., 31 марта

1848: «...Не знаю, читал ли я с тобою вторую тетрадь автобиографии Соханской (институтская ее жизнь). Но верно я писал тебе, как это интересно, сколько тут таланта, юмора и комизма! Теперь она прислала мне третью тетрадь (жизнь дома, по выходе из института). Это уж так зрело и для женского ума необыкновенно, что я едва глазам верю...»]

1897

Аксаков И.С. Письма к Н.С. Соханской. [Двусторонняя переписка (1858–1884), с 1866 г. – в переписке участвует также А.Ф. Аксакова. (156 писем)] // РО. 1897. № 2 (февр.). С. 569–616; № 3 (март). С. 143–146, 157–160, 165–176; № 4 (апр.). С. 545–487; № 5 (май). С. 65–98; № 6 (июнь). С. 495–535; № 7 (июль). С. 5–16; № 8 (авг.). С. 475–518; № 9 (сент.). С. 5–31; № 10 (окт.). С. 409–430; № 11 (ноябрь). С. 5–46; № 12 (дек.). С. 467–485. [С приложением писем О.С. Аксаковой, В. Соханской, Ф.В. Чижова, О. Мартынова.]

Аксаков К.С. Письма к Н.С. Соханской. (1860 г.). (4) // РО. 1897. № 3 (март). С. 146–157.

Катков М.Н. Письма к Н.С. Соханской (Кохановской). (3). (1857–1859 гг.). (Прим. С. Пономарева) // РО. 1897. № 2 (февр.). С. 1020–1028.

Пономарев С.Н. С. Соханская и редакция «Русского Вестника». (Письма Каткова к Соханской) // НВ. 1897. № 7516 (29 янв. / 10 февр.). С. 2.

Пономарев С.И. Рукописи Н.С. Соханской (Кохановской) и письма к ней. (Вступ. ст.) // РО. 1897. № 2 (февр.). С. 561–568.

Г-жа Вера Меликова к Н.С. Соханской. [Письмо одной из почитательниц Н.С. Кохановской от 29 декабря 1861 г.] // РО. № 6 (июнь). С. 904–906.

1898

Пономарев С.И. Опись бумаг, оставшихся после Н.С. Соханской (Кохановской). [Автографы Кохановской (72 номера), письма к ней (180 номеров). Хронологический список опубликованных

произведений Кохановской (71 номер), переводы, литература о ней (64 номера)] // РО. 1898. № 1 (янв.). С. 277–312.

1899

Забытая писательница. (Литературный очерк) // ВЕ. 1899. № 2 (февраль). С. 754–776. Подпись: А. Э.

Гиляров-Платонов Н.П. О новой повести г-жи Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. Т. I. М.: Синод. Тип. Изд. К.П. Победоносцева. 1899. С. 445–470.

1900

Венгеров С. Соханская (Надежда Степановна) // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. XXXI. София – Статика. СПб. 1890. С. 11–12.

Языков Д.Д. Соханская Н.С. // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 8. Русские писатели, умершие в 1888 году. М. 1900. С. 144.

Кудринский Ф.А. Неудачные предприятия народолюбки. (К биографии Н.С. Соханской-Кохановской) // Киевская Старина. 1900. № 10 (октябрь). Отд. I. С. 83–122. (Отд. отт. Киев. 1900. 42 с.)

Хомяков А.С. Примечания к песням, помещенным в статье г-жи Кохановской // Хомяков А.С. ПСС. Т. 8. [Разные заметки, небольшие статьи и речи.] М.: Унив. тип. 1900. С. 173–177.

Речь, читанная в публичном заседании [Общества Любителей Российской Словесности] 2-го февраля 1860 года // Хомяков А.С. ПСС. Т. 8. [Разные заметки, небольшие статьи и речи.] М.: Унив. тип. 1900. С. 438.

1902

Мезиер А.В. Кохановская (Н. Соханская) // Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Часть II. Русская словесность XVIII–XIX ст. Сост. А.В. Мезиер. СПб. 1902. С. 154–155.

1904

Валуева (Мунт) А.П. Искра божия. Из жизни Н.С. Соханской. М. 1904. Искра божия: Из жизни Н.С. Соханской (Кохановской). М.: Изд. К. Тихомирова. 1904. 132 с. (Библиотека народных книг: Рассказы о великих и о хороших людях).

1905

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. XIX. СПб. 1905. С. 392–416. [Н. Барсуков: «Украшением “Дня” служили прекрасные произведения хуторянки Кохановской». Приведены отзывы М.Н. Каткова, М.П. Погодина, И.С. Аксакова и др. о творчестве Н.С. Кохановской; отрывки из писем. – М.Н. Катков в письме Н.С. Кохановской о повестях «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов»: «...Вы умеете тронуть здесь такие струны, на которые отзыается всякое сердце, которые понятны будут людям разнохарактерным, самым отдаленным и по месту, и по времени. <...> Откуда взяли вы эту всестороннюю наблюдательность – наблюдательность эпическую, которая так редко бывает сродна женщине, – эту меткость выражения, эту широкость кисти, эту силу красок?...». – М.П. Погодин в письме Н.С. Кохановской: «Сейчас кончил *Гайку* – зачитался. Целую вас в очи, в уста, в плечи, обнимаю. Прелесть! Вы уладили, разнежили, помолодили меня, старика. <...> Честь вам и слава! Есть страсти, есть черты – что ваши лучи, коими вы любите так пронизывать древесную чащу и листву. Прекрасно».]

1906

Гончаров-цензор. Неизданные материалы для его биографии. Газета «День» № 35 и 36. [Отзыв И.А. Гончарова о статье «Вести с хутора» г-жи Кохановской] // РВ. 1906. № 10 (октябрь). С. 588–591.

1908–1909

Платонова Н.Н. Кохановская (Надежда Степановна Соханская. 1823–1884) // ЖМНП. 1908. № 12 (дек.). С. 322–371; 1909. № 1 (янв.). С. 106–163; № 2 (февр.). С. 319–367; № 3 (март). С. 1–43; № 4 (апр.). С. 308–343.

1909

Платонова Н.Н. Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884. Биографический очерк. С портретом. СПб.: Сенатская тип. 1909. III, 234 с. (Посвящ.: «Памяти моей матери Надежды Дмитриевны Шамониной»). [«В бумагах моей матери Надежды Дмитриевны Шамониной, приятельницы и соседки Кохановской по имению, сохранилось около 70 писем к ней Кохановской за разные годы. Их я и цитирую в моей работе...»]

Платонова Н.Н. Соханская Надежда Степановна // Русский Биографический словарь. Изд. под наблюдением А.А. Половцева. Т. 19. Смоловский – Суворина. СПб. 1909. С. 168–171.

Писарев Д.И. После обеда в гостях. Кохановской. («Русский Вестник», 1858 г., № 6) // Писарев Д.И. Сочинения. ПСС в шести томах. Т. I. Изд. 5-е. СПб. 1909. С. 74–81.

Языков Д.Д. Соханская Н.С. // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц. Вып. 11. СПб. 1909. С. 227–228.

1910

Титов Ф.И., протоиерей. Критико-библиографический обзор новейших трудов по истории русской церкви. Вып. X. Киев. 1910. С. 13–14. [Отзыв о книге: «Святитель Иоасаф Горленко, епископ Белгородский и Обоянский. Материалы для биографии, собранные и изданные князем Н.Д. Жеваховым». Т. 2. Ч. 2. «Предания о Святителе Иоасафе» (Киев, 1908): «Книга эта заканчивается перепечаткою выдержек из прекрасной, своеобразно написанной повести Н. Кохановской (Соханской), первоначально напечатанной в Московской газете “День” за 1864 г. под заглавием “Рой-Феодосий

Саввич на спокое” и содержащей в себе несколько весьма характерных преданий о святителе Иоасафе Горленко (стр. 341–358)».]

1911

Кохановская // Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. М.: Печатня А. Снегиревой. 1911. С. 150. [«Почетн. член О., по предложению Н.П. Гилярова-Платонова, с 22 октября 1860 г. В публичном заседании О. 9 февраля 1864 г. д. ч. И.С. Аксаков читал последнюю главу ее повести “Рой Феодосий Саввич на спокое”. Спустя десять лет, 17 февраля 1874 г., также в публичном собрании О.Л.Р.С., она сама прочла свой рассказ “Глеб Иванович Ситников-Прус”, и оставила любопытные воспоминания об этом заседании...»]

1912

Языков Д.Д. Н.С. Соханская // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц. Вып. 12. СПб. 1912. С. 252.

Котляревский Н.А. Отзыв о сочинении Н.Н. Платоновой «Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884. СПб. 1909». (Отд. отт. СПб. 1912. С. 122–130.)

Леонтьев К.Н. Собрание сочинений К. Леонтьева. (Издание В.М. Саблина). Т. 8. Критические статьи. М. 1912. С. 322–323. [«Самые даровитые из наших женщин-авторов, – Евгения Тур, М. Вовчок и Кохановская... Кохановская тяжелее их, местами даже гораздо грубее; этим она ближе двух других писательниц подходит к современным мужчинам. Но зато ее поэзия так могущественна и самобытна, ее язык местами так живописно-оригинален и страстен, что за некоторые неловкости в изложении она вознаграждает сторицей. Иногда она напоминает и что-то гоголевское, – но какое?.. Она напоминает *положительные* стороны великой гоголевской музы: его мощный пафос, его выразительные, лирические, пламенные отношения к природе и т.п.» ...】

Жебылев Н. Исторический очерк деятельности Харьковского Института благородных девиц за 100 лет его существования

(с 1812-го по 1912-й год). Харьков: Тип. «Печатное дело». 1912. С. 117. [«Список воспитанниц, кончивших курс Института. Выпуск 12-й 1840 г.: ...Соханская Надежда (шифр)».]

1913

Владиславлев И.В. Русские писатели XIX–XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. Изд. 2, переработ. и доп. М.: Наука. 1913. С. 57. (Кохановская, псевдоним Над. Степ. Соханской.)

Котляревский Н.А., академик. Отзыв о сочинении Н.Н. Платоновой «Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884. СПб. 1909» // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиесю Наук. Отчеты за 1910 год. (Премии им. М.Н. Ахматова). СПб. 1915. С. 122–130. [«Биография Кохановской, написанная Н.Н. Платоновой, принадлежит несомненно к числу таких редких и ценных книг, которые позволяют читателю проникнуть в тайну народных “основ” нашей жизни, и если не раскрывают этой тайны, то по крайней мере сближают с людьми, которые верили, что они этой тайной обладают... Великое достоинство работы – ее научность... Кохановская живет на этих страницах, документально обоснованных; и целый ряд мелочей слагается в живую картину».]

1915

Хронологический список важнейших трудов С.И. Пономарева [в т. ч. о Н.С. Кохановской]. – Письмо М.П. Погодина к С.И. Пономареву (6 июня 1871 г.) // Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова, П.С. Билярского, О.М. Бодянского, кн. П.А. Вяземского, В.П. Гаевского, Г.Н. Геннади... [и др.] к библиографу С.И. Пономареву. М.: Изд. Л.Э. Бухгейм. 1915. С. СП–СВ; С. 66. [М.П. Погодин: «Я переменил маршрут и еду из Курска на Харьков, к Соханской, на Святые Горы...»]

1916

Надежда Соханская (Кохановская) // Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. С введением и примечаниями Ю. Верховского. Пг.: Тип. Имп. АН. 1916. С. XI, XV. [«Автографы. Собрание С.А. Рачинского... З. Надежда Соханская (Кохановская). Предисловие [С.А. Рачинского]. Два письма к С.А. Рачинскому: от 18 февраля и 14 апреля 1859 г., с пометою: Хуторок Макаровка.»]

1917

Письмо Н.П. Огарева к А.А. Тучкову от 26 янв. 1858 г. // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 4. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. 1917. С. 205. [«Читал ли ты, друг мой, в Рус. Вестнике № 16 (1858) повесть Кохановской – После обеда в гостях? Что это за прелесть! Кто это такое эта Кохановская? Быть не может, чтоб это была женщина, слишком видна мужская рука. – Если знаете, напишите кто это такое.»]

1935

Письма М.М. Достоевского к Ф.М. Достоевскому (2). (14–15 января 1864 г.; 21 марта 1864 г.) // Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А.С. Долинина. Л.: Изд. АН СССР. 1935. С. 545, 549, 574, 575, 577. (По указ.) [«К Кохановской писал я уже недели две тому назад. Данилевский пишет, что повесть ее уж слишком в византийском стиле, но я ее все-таки напечатаю.»]

Леонтьев К.Н. «Моя литературная судьба». Автобиография Константина Леонтьева. (Вст. ст. Н. Мещерякова. Коммент. С. Дурылина) // ЛН. Т. 22–24. М. 1935. С. 441, 464, 483–484. [«В этой книге “Складчина” из очерков и повестей только и есть две неотрицательные – Кохановской – *Кроха словесного хлеба* и Тургенева – *Живые мозги*. Да и то “Живые мозги” очень грустны. <...> У Кохановской *содержание* в высшей степени *положительное и выражение* пылкое, патетическое, восторженное (у Гоголя это есть в “Риме” и в “Тарасе Бульбе”...»]

1937

Салтыков-Щедрин М.Е. Рецензии 1863 г. Повести Кохановской. Москва. 1863. 2 тома // Щедрин Н. (Салтыков М.Е.) ПСС. Т. 5. Критика и публицистика (1856–1864 гг.). М.: Гос. изд. «Художественная литература». 1937. С. 315–329, 440, 478.

1949

Толстой Л.Н. Письмо А.В. Дружинину от 16 апреля 1859 г. (Отзыв о повести Кохановской «Из провинциальной галереи портретов») // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 60. Серия третья. Письма. М. 1949. С. 290–291.

1952

Толстой Л.Н. Отзыв о Кохановской [Дневник 31 августа 1862 г.: «Кохановская стерва, и все стервы, засохли в кринолине»] // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 48. Серия вторая. Дневники. М. 1952. С. 42, 465.

1956

Могилянский А.П. Н.Д. и С.Д. Хвощинские // История русской литературы. Т. IX. Кн. 2. Литература 70–80-х годов XIX века. М.; Л.: АН СССР. 1956. С. 228–229.

1957

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты. 1957. С. 75 [Кохановская; Кохановская Н.]; С. 174 [Макаровская]; С. 248 [Надежда..., Надежда***, Надежда С***].

1960

Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1960. С. 148, 211. (По указ. – Соханская.)

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учебных и общественных деятелей. Т. 4. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты. 1960. С. 449. [Соханская Надежда Степановна. Псевд: 1) Кохановская; 2) Кохановская, Н.; 3) Макаровская; 4) Надежда...; 5) Надежда***; 6) Надежда С***].

1961

Гусев Н. Дневники [Л.Н. Толстого] // ЛН. Т. 69. Лев Толстой. Кн. 2. М.: Изд. АН СССР. 1961. С. 497–498.

1962

Кохановская (псевдоним Соханской) Надежда Степановна // История русской литературы XIX века. Библиографический указатель / Под ред. Муратовой К.Д. М., Л.: Изд. АН СССР. 1962. С. 378–380 и др. (По указ. С. 901.)

Герцен А.И. Письмо М.К. Рейхель от 31 января – 1 февраля 1859 г. [«Читали ли вы повесть “После обеда в гостях” Кохановской – очень милая вещь...»] // Герцен А.И. Собрание сочинений. Т. 26. Письма июнь 1856 – декабрь 1859. М.: Изд. РАН. 1962. С. 235–236.

Кохановська (Соханська) Надія Степанівна // Українська Радянська Енциклопедія. Т. 7. Коліївщина – Ланчин. Київ. [1962]. С. 306. [Б. п.]

1966

Трофимов И.Т. Кохановская Н. // Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 3. Иаков – Лакснесс. М.: Советская энциклопедия. 1966. С. 779.

1968

Баландин А.И., Ухов П.Д. Судьба песен, собранных П.В. Киреевским (история публикации). – Соймонов А.Д. Фольклорное собрание П.В. Киреевского и русские писатели // ЛН. Т. 79. Песни,

собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М.: Наука. 1968. С. 94, 118, 158, 166. (По указ.)

1971

И.А. Гончаров – член редакционно-издательского комитета сборника «Складчина». (Публ. А.Д. Алексеева.) [Отзыв И.А. Гончарова на повесть «Словесная кроха хлеба»] // Русская литература. 1971. № 3. С. 94.

Достоевский Ф.М. Записная книжка (1863–1864) // ЛН. Т. 83. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука. С. 154, 168–172, 188, 190. (По указ.)

1973

Кохановская Н. (псевд.) // Большая советская энциклопедия. Т. 13. Конда – Кун. Изд. 3. М.: Советская энциклопедия. 1973. С. 295. [Б. п.]

1978

Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850 годы. (Курилов А.С., Мещеряков В.П. Литературные позиции «Русской Беседы». – Курилов А.С., Мещеряков В.П., Сахаров В.И. Проза славянофилов и писателей славянофильской ориентации.) М.: Наука. 1978. С. 264–266, 280–281, 449–453, 475, 482–486. (По указ.) [«Наиболее ярким и талантливым выразителем славянофильских идей в литературе по праву следует считать Кохановскую (Н.С. Сохансскую). В русской литературе 50–60-х годов творчество Кохановской – в своем роде явление замечательное... Главной чертой мировоззрения Кохановской были преданность идеалам ортодоксальной религии, проповедь смирения и всепрощения, которые она считала ведущими принципами отношений между людьми... Ее credo заключалось в принятии всего сущего: “Поживите по-нашему, как нам Господь дает жить, и не поропщите никогда. Сохраните ясность души и светлое чувство, любите, молите, трудитесь, чтобы у вас всегда была свеча Богу, ласка и помощь бедному”...»]

1980

Достоевский Ф.М. Записная книжка 1860–1862 гг. – Записная книжка 1863–1864 гг. // Записная книжка (1863–1864) [«Кохановской: Мы многому научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, что хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует»] // Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 20. Статьи и заметки. 1862–1865. Л.: Наука. 1980. С. 168, 178, 358–359, 365, 368.

Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. Л.: Наука. 1980. С. 363, 472, 512, 514. (По указ.)

1981

Тургенев И.С. Дым [Упоминание Кохановской и отзыв о ее повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое»] // Тургенев И.С. Сочинения. Т. 7. М.: Наука. 1981. С. 273, 329.

Некрасов Н.А. Дружеская переписка Москвы с Петербургом (2. Петербургское послание). – Балет // Некрасов Н.А. ПССиП. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука. 1981. С. 52–55, 62, 358, 234, 426.

1984

Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник. 1984. С. 84, 153, 224, 227, 411, 415, 417. (По указ.) [Упоминание Н.С. Кохановской в статьях об А.С. Пушкине и в критическом разборе повести «Дым» И.С. Тургенева.]

1985

Боград В.Э. Журнал «Отечественные Записки» 1839–1848. Указатель содержания. М.: Книга. 1985. С. 383, 489.

Достоевский Ф.М. Письмо М.М. Достоевскому от 5 марта 1864 г. // Достоевский Ф.М. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868. Л.: Наука. 1985. С. 68–69, 386–397. (По указ.)

1986

Ученова В.В. Забвению вопреки. Творчество русских писательниц первой половины XIX века // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. (Сост., автор вступ ст. и примеч. В.В. Ученова.) М.: Современник. 1986. С. 16–18.

Достоевский Ф.М. Письмо Н.Н. Страхову от 2 декабря 1870 г. – Письмо М.П. Погодину от 12 ноября 1873 г. // Достоевский Ф.М. Т. 29. Кн. 1. Письма 1869–1874. Л.: Наука. 1986. С. 152, 308, 393, 427, 500. (По указ.)

1987

Тургенев И.С. Письмо Н.А. Некрасову от 17 сентября 1858 г. [«Как хороша повесть – Кохановской в “Русском Вестнике”: “В гостях после обеда”. Заметил ты?»]. – Письмо А.В. Дружинину от 10 октября 1858 г. [«А что Вы скажете о повести Кохановской, помещенной в “Русском Вестнике”, “В гостях после обеда”? Замечательная барыня. Вы, помнится, были с ней в переписке. Сколько я могу судить, ей бы не худо выйти из своего гнезда; провинция отразилась на некоторых частях ее произведения – как-то в рассказе о козле и гусыне и т.д. Это пахнет Квиткой, – но вся вещь удивительная и не раз тронула меня, старика, до слез. Толстой, которого я изредка видал и который всё чудит по-прежнему, того же мнения»] // Тургенев И.С. Письма. Т. 3. 1855–1858. М.: Наука. 1987. С. 336, 340–341, 608, 610–611.

Тургенев И.С. Письмо А.И. Герцену от 2 мая 1860 г. – Письмо Е.Е. Ламберт от 31 октября 1860 г. – Письмо Н.П. Огареву от 8 ноября 1860 г. [Упоминание о Кохановской и ее повести «Гайка»] // Тургенев И.С. Письма. Т. 4. 1859–1861. М.: Наука. 1987. С. 194–195, 254–255, 262, 561, 596.

1988

Хомяков А.С. [Примечания к Песням, помещенным в статье г-жи Кохановской]. – Речь председателя, читанная в публичном заседании 2 февраля 1860 года // Хомяков А.С. О старом и новом.

Статьи и очерки. М.: Современник. 1988. С. 299–302, 328 (По указ.)

1989

Викторович Вл. Уроки одной судьбы // Литературное обозрение. 1989. № 3 (март). С. 110–112.

Тургенев И.С. Письмо Н.В. Щербаню от 24 апреля 1864 г. – Письмо Н.В. Щербаню от 13 июня 1864 г. [Отзыв о повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое»] // Тургенев И.С. Письма. Т. 6. Апрель 1864 – декабрь 1865. М.: Наука. 1989. С. 19–20, 36–37, 251, 259.

1990

Коллективное. <Постановление собраний писателей, поэтов, художников и общественных деятелей об издании сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии> 15–19 декабря 1873. Петербург // Достоевский Ф.М. Т. 30. Кн. 2. Дополнения к изданию... Л.: Наука. 1990. С. 34–35.

1994

Викторович В.А. Кохановская Надежда Степановна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. (Гл. ред. П.А. Николаев.) Т. 3. К – М. М.: Научное изд. «Большая Российская энциклопедия»; Научно-внедренческое предприятие Фианит. 1994. С. 112–113.

Тургенев И.С. Письмо И.П. Борисову от 15 марта 1870 г. // Тургенев И.С. Письма. Т. 10. 1869–1870. М.: Наука. 1994. С. 156, 441.

1997

Некрасов Н.А. Предисловие <к Сборнику «Складчина»> (1874). – <Отчет Комитета по изданию «Складчина» 23 марта 1874 г.>. – Материалы, относящиеся к изданию сборника «Складчина» (1873–1874) // Некрасов Н.А. ПССиП. Т. 13. Кн. 2. Материалы

редакционно-издательской и общественной деятельности... СПб.: Наука. 1997. С. 300–306, 349, 686.

1998

Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Часть 1 (1858–1873). (Публ. Н.П. Генераловой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб. 1998. С. 69, 81, 100. [«Вы, может быть, не получаете “Дня”? А если получаете, то читаете прелестную повесть Кохановской. Какой талант!» ...]

2000

Бережная С.В. Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск. 2000. 20 с.

2002

Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности, 1811–1930. М.: Academia. 2002. С. 158. [«Бывала на заседаниях Общества Н.С. Соханская, пользовавшаяся псевдонимом Кохановская. М.П. Погодину очень понравился ее роман “Рой Феодосий Саввич”, главы из которого читались в Обществе... В ее сочинении, отмечал он, “жизнь бьет ключом во всяком слове, во всяком положении, во всякой встрече; жизнь здоровая, своеобразная, естественная...” Н.С. Соханская 17 февраля 1874 г. прочитала в Обществе свой рассказ “Глеб Иванович Ситников-Прус”».]

2003

Платонов С.Ф., академик. Переписка с историками. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930. М.: Наука. 2003. С. 81, 87, 205, 309. (Письмо Н.П. Барсукову от 7 мая 1902. – Письмо В.И. Савве от 15 сентября 1903 г. [«Многоуважаемый Владимир Иванович! Стихи найдены в Харьк. Губ[ернских] Вед[омостях] за 1840 г. вместе с описанием акта. Ваше письмо дает ценные сведения о том, что сохранилось в Институте и вообще в Харькове.»]

Вопрос теперь совершенно выяснен, и мы с женою (это она пишет о Соханской) приносим Вам живейшую Благодарность за Вашу любезность».] – Письмо С.Д. Шереметьеву от 21 января 1915 г.)

2006

Лебедева С.Н. Фольклорно-этнографическая основа творчества Н.С. Соханской: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь. 2006. 176 с.

Лебедева С.Н. Фольклорно-этнографическая основа творчества Н.С. Соханской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь. 2006. 20 с.

2011

«Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом. 2011. 586 с., ил. (Славянофильский архив. Кн. I). (По указ.)

Перевалова Е.В. «Женская» беллетристика «Русского Вестника» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2011. № 3. С. 126–139.

2012

Чернышевский Н.Г. Полемические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского Вестника». [«Не угодно ли получить объяснение и относительно того, какую пользу моему исправлению принес “Русский Вестник”? <...> Наконец, сидя однажды у постели больного, я прочел для него несколько страниц из повести г-жи Кохановской; заглавия повести не помню, а знаю только, что в ней рассказ ведется от лица женщины, часто вставляющей в свою историю отрывки из народных песен»] // М.Н. Катков. Собрание сочинений под ред. А.Н. Николюкина. Т. 6. Михаил Никифорович Катков: pro et contra. (Институт научной информации по общественным наукам РАН.) СПб. 2012. С. 81, 725. (Впервые: «Современник». 1861. № 6. Также: Чернышевский Н.Г. ПСС: в 16 т. М. 1939–1953. Т. 7. С. 707–723.)

2013

Ростовцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 51–53.

2014

Каплин А. «Наиболее выдающаяся писательница в русской литературе вообще...». (Памяти Н.С. Кохановской (Соханской) (1823–1884)) // Интернет-ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2014/12/16/naibolee_vydayuwayasya_pisatelnica_v_russkoj_literature_voobwe/

2015

Самофалова Е.А. Жанровые признаки семейной хроники в женской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XIX века: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.01.01. М. 2015. 32 с.

Фетисенко О.Л. Н.С. Соханская (Кохановская) и ее возражение на «Исповедь» графа Л.Н. Толстого // Материалы ежегодной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской духовной академии. Материалы Международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь»: Сборник докладов. 2015. С. 127–131.

Маркова В.В. Андрей Евгеньевич Розен на Украине // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 59–61. [О дружбе А.Е. Розена с Н.С. Кохановской.]

2016

Фетисенко О.Л. Письмо без ответа: Н.С. Соханская (Кохановская) и ее возражение на «Исповедь» графа Л.Н. Толстого // Христианское чтение. 2016. № 3 (май-июнь). С. 257–275.

Буханцова Н.В. Письма Н.С. Соханская А.А. Краевскому // Гений места: человек, усадьба, литература: материалы научной

конференции (Ярославль, 30 июня – 1 июля 2016 г.). Ярославль. 2016. С. 123–128.

Фетисенко О.Л. Достоевский, «Петербургская литература» и «Русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский: материалы и исследования. 2016. Т. 21. С. 303–321.

Кунильский Д.А. Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73.

Логинова О.В. Народные песни Курского края в просветительской деятельности собирателей XIX–XX вв. // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции: в 4 т. Белгород. 2016. С. 107–112.

Стрижёв А.Н., Бирюкова М.А. Бывальщина земли Белгородской. – Львова Е.Н. Новая повесть г-жи Кохановской: Феодосий Саввич Рой // Интернет-публикация на сайте «Русское Воскресение»: <http://www.voskres.ru/literature/critics/lyvova.htm>

2017

Вихрова Н.Н. Литературно-эстетическая программа газеты «День» (Кохановская как символ славянофильской борьбы за новую литературу). – Постатейная роспись газеты «День» (1861–1865) // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”». 2017. Ч. 1. (Славянофильский архив; Кн. 5.) С. 28–32, 517–773. (Указатель: С. 799).

Вихрова Н.Н. Аксаков и Н.С. Соханская (Кохановская): перипетии творческого взаимодействия // Христианство и русская литература. СПб. 2017. Сб. 8. С. 467–486.

Фетисенко О.Л. Кохановская (Н.С. Соханская) в газете «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”». 2017. Ч. 1. (Славянофильский архив; Кн. 5.) С. 81–94.

Фетисенко О.Л. «Истина – живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н.С. Соханская) в 1860 г. // Христианское чтение. 2017. № 3 (май-июнь). С. 232–252.

Иванова Т.Г. Кохановская (Соханская) Надежда Степановна // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв. В 5 т. СПб. 2017. С. 753–755.

Сапа Н.Н. «Остатки боярских песен» Н.С. Кохановской как литературный памятник // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.Ф. Новикова. 2017. С. 181–184.

2018

Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884). (170 писем.) / Сост., вступ. сост., подгот. текста, comment. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом. 2018. 600 с., [8] с. ил. (Славянофильский архив. Кн. IV). (Содержание: Фетисенко О.Л. Радость откровенного слова: «Степная барышня» и семья Аксаковых. С. 5. – Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884). – Аксаков И.С. Н.С. Соханская (Кохановская). [Некролог.] С. 356. – Приложения. С. 359–598).

Принятые сокращения:

БдЧ – Библиотека для Чтения

ВЕ – Вестник Европы

ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения

ЛН – Литературное наследство

МВ – Московские Ведомости

НВ – Новое Время

НКР – Новая книга России

ОЗ – Отечественные Записки

ПСС – Полное собрание сочинений

ПССиП – Полное собрание сочинений и писем

РА – Русский Архив

РБ – Русская Беседа

РВ – Русский Вестник

РМ – Русский Мир

РО – Русское Обозрение

РС – Русское Слово

СО – Сын Отечества

СПб. Вед. – Санктпетербургские Ведомости

Составление и вступительная статья

М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ АРСЕНЬЕВ (1829–1915): Материалы к библиографии

В истории русской духовности и культуры вклад Василия Сергеевича Арсеньева (1829–1915) значителен. Просвещенный истинным светом православия, он, за что ни брался, все исполнял исключительно добросовестно, ревностно и разумно. Христианский философ и богослов, церковный публицист, яркий бытописатель усадебной жизни – и вместе с тем государственник, мыслящий глубоко, с сознанием ответственности перед своим народом. В лице В.С. Арсеньева мы находим лучшего представителя дворянской аристократии, двигателя национальной культуры и радетеля церковного наследства. Когда наконец-то опубликовали его замечательные воспоминания, стало ясно, какой это был одаренный человек и тонко чувствующий прекрасное художник слова, каким педагогическим тактом обладал он в общении с близкими людьми, в обществе и дома, какой радостью проникался при положительном разрешении серьезных ситуаций, таких обыкновенных в новейшее время для страны. Воспоминания и «Дневник» В.С. Арсеньева – книга уникальная, и читатели еще долгие годы будут с благодарностью произносить имя составителя памятного тома, собирателя и публикатора важных исторических материалов А.И. Серкова.

После обучения в Училище правоведения (1849) Василий Сергеевич Арсеньев служил в департаментах Сената, затем одно время состоял чиновником особых поручений при Министерстве юстиции (1853), с 1856 по 1862 г. – инспектор казенных училищ Московского округа, позже некоторое время управлял московским архивом Министерства юстиции, являлся членом судебной палаты,

а с 1874 г. – членом комиссии по принятию прошений, приносимых на Высочайшее имя. Награждался орденами и дослужился до ранга тайного советника. Заметная веха в жизни В.С. Арсеньева – 1884 год – пожалован почетным Опекуном Московского опекунского совета, и в то же время ему поручили заведовать учебной частью Московского Александровского и Екатерининского институтов, быть попечителем и женских гимназий. Его ревность высоко ценилась при дворе, и в 1896 г., в пору московских торжеств, связанных с коронованием императора Николая II, Василий Сергеевич удостоился чести везти в царский дворец большую корону императрицы. На обширном научном поприще он также снискдал уважение – избран почетным членом Общества любителей духовного просвещения в Москве и действительным членом Императорского Палестинского общества, занимаясь к тому же учеными исследованиями Тульской губернской архивной комиссии.

Как глубокий православный публицист В.С. Арсеньев во многом раскрылся в своих содержательных публикациях, напечатанных в журнале «Радость Христианина при Чтении Библии», издаваемом протоиереем церкви Константиновского межевого института в Москве Андреем Григорьевичем Полотебновым, замечательным духовным подвижником. В этом ежемесячнике – назовем его для краткости «Радость Христианина» – Василий Сергеевич поместил серию статей о православных иконах и каноничности Первообраза, тут же опубликованы материалы к познанию смысла христианских праздников и мудрой богословской сути церковных песнопений. Праздничные выпуски журнала были особенно радостны для благочестивых читателей, впрочем, и рядовые номера тщательно продумывались и печатались на лучшей бумаге. Духовная близость Полотебнова и Арсеньева сказалась и в выборе тем историко-богословского характера. Так, в завершение 1900 г. в журнале «Радость Христианина» помещен проникнутый духовной созерцательностью трактат «Цветы из сада Фомы Кемпийского», переведенный Василием Сергеевичем с уникального латинского издания.

Библиография оригинальных трудов и переводов В.С. Арсеньева улавливает также важные его публикации в других периодических изданиях: заметными были на страницах «Душеполезного Чтения» и ученого-апологетического журнала «Вера и Церковь».

Здесь помещены обширные авторские рассуждения о желательных началах воспитания юношества, а также серьезно рассматриваются пути и направления в познании природы.

К корпусу статей самого В.С. Арсеньева неразрывно примыкает творческое наследие его наставника, выдающегося московского мыслителя, протоиерея церкви Воскресения в Барашах Симеона Ивановича Соколова (1772–1860)*. Его бумаги Василий Сергеевич разобрал и напечатал в том же журнале «Радость Христианина», снабдив публикацию биографическим очерком и портретом сочинителя. В 1900 г. появился в переводе с латинского выполненный когда-то С.И. Соколовым сборник Фомы Кемпийского «Долина лилий во славу Божию и утешение искушаемым». Тогда же этот трактат вышел в свет отдельной книжкой. Следует иметь в виду, что Симеон Иванович Соколов образцово перевел и снабдил множеством ценнейших приложений основную книгу этого великого средневекового богослова «О подражании Христу». Было то в 1834 г., издание непревзойденное, поскольку многие ранние русские издания этого трактата переводились с чужих языков и не соответствовали полностью оригиналу, созданному на латыни. Перевод С.И. Соколова целиком соответствовал оригиналу, причем в основу положен текст редчайшего амстердамского издания 1607 г. В 60-е годы XIX в. книга «О подражании Христу» выйдет в новом переводе с латыни, выполненном К.П. Победоносцевым.

Василий Сергеевич Арсеньев оставил ряд печатных воспоминаний не об одном С.И. Соколове, но и о другом своем наставнике, Николае Александровиче Головине, писал также рецензии и разборы на книги Фридриха Ницше и Эрнеста Навиля. Разборы эти были актуальны в кругах как светских, так и церковных. Трактат о монархии Данте Алигьери в издании Арсеньева был также востребован в России, поскольку проблема монархической власти тогда ставилась широко. Напомним, что к событию коронования императора Николая Александровича В.С. Арсеньев напечатал в «Душеполезном чтении» крупное сочинение «О священном короновании и его действиях», весьма важное по смыслу.

6 апреля 1903 г. в честь 50-летия беспорочной службы, отмечая государственные и общественные заслуги Василия Сер-

* См.: Приложение в наст. издании.

геевича Арсеньева, император Николай Второй в рескрипте на имя юбиляра начертал: «Во внимание к отлично-усердной, продолжительной службе вашей и в воздаяние ревностных трудов на пользу ведомства учреждений Императрицы Марии Всемилостивейше пожаловали Мы вас кавалером Императорского ордена Нашего святого благоверного Великого князя Александра Невского, знаки коего, при сем препровождая, повелеваем вложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам Императорскою милостью Нашею благосклонным Николай».

Братья Василия Сергеевича Арсеньева, служившие по разным ведомствам, были хорошо известны при дворе. Так, Дмитрий Сергеевич в 60-е годы занимался воспитанием великих князей Сергея и Павла Александровичей, а в Турецкую войну он состоял при Главной квартире государя, сопровождая Сергея Александровича как попечитель. Профессиональный боевой морской офицер, этот Арсеньев впоследствии возглавлял Морское училище и Николаевскую Морскую академию, к тому же состоял почетным членом Псковского археологического общества и Тульской архивной комиссии; другой брат, Николай Сергеевич, сенатор, заведовал Московским губернским архивом, деятельно включался в преобразование общественного управления и судопроизводства в провинции.

Сыновья Василия Сергеевича тоже оставили заметный след в истории Русской православной церкви: Иван Васильевич, настоятель храма Христа Спасителя в Москве с 1918 г., крупный богослов с докторской степенью; погиб в ссылке в 30-е годы; другой сын – Николай Васильевич – священник церкви Воскресения Словущего и других московских храмов, автор богословских статей и оригинальных стихотворений. Каждый из восьми детей нашего героя оставил по себе добрую память.

Скончался Василий Сергеевич Арсеньев 19 июля (ст. ст.) 1915 г. в своем московском доме. В журнале «Русский архив» был напечатан прочувствованный некролог за подписью Иоанна Соловьёва, в котором, в частности, сказано: «Василий Сергеевич может быть назван хранителем отеческих преданий, касающихся Отечества Небесного и отношений духовных... русской Православной духовности – того, чем жила и жива была наша Родина, именно как Святая Русь».

Последние годы жизни В.С. Арсеньева омрачались действительностью любимого Отечества. Обрушение святых идеалов у части населения, расшатывание основ культуры – нравственности и понятий о чести, крикливость и демагогия во всем, особенно в сфере искусства – как тут не отчаиваться! То, что ставилось так высоко и ценилось – например воспитание чувств, теперь повсеместно опошлялось. Много горьких слов говорили два московских старца, живших по соседству, – аристократ и богослов Василий Сергеевич Арсеньев и Петр Иванович Бартенев, полвека пестовавший свое любимое детище – журнал «Русский архив», этот неиссякаемый источник знаний и необходимое пособие для историков и серьезных исследователей государственной жизни страны. Тревога этих мудрых старцев была понятна просвещенным душам. Она как бы указывала на правоту тех, кто, как В.С. Арсеньев, заповедал грядущим поколениям держаться жизни возвышенной, текущей в единении с Церковью. Сто лет, прошедшие со дня кончины замечательного человека, подтвердили правоту его мудрых дум.

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ В.С. АРСЕНЬЕВА

1881

Замечания по поводу воспоминаний М.В. Толстого // Русский Архив. 1881. Кн. II. (№ 4). С. 507–508.

1890

О церковном иконописании. По поводу последнего Археологического съезда. М.: Универ. Тип. 1890. 14 с. Отд. отт. из «Душеполезного Чтения». 1890. № 3.

1892

О символизме православного Богослужения в освящении храма. Почетного опекуна, Тайного советника В.С. Арсеньева. М.: Универ. тип. 29 с. Отд. отт. из «Душеполезного Чтения». 1892. № 5 и 6.

1893

Из воспоминаний о покойном Николае Александровиче Головине. М. 1893.

1894

О первой иконе Божией Матери, приписываемой Евангелисту Луке, в связи с другими древнейшими изображениями Богоматери. (С пятью рисунками) // Радость Христианина. 1894. Кн. IV. С. 362–375. Отд. отт.

Перевод предисловия Эрнеста Навиля к его книге «Свидетельство Христа и единство Христианского мира». (Женева, 1893) // Радость Христианина. 1894. Кн. III. С. 282–285.

Глава I из книги Эрнеста Навиля «Свидетельство Христа и единство Христианского мира» / Пер. с франц. В.С. Арсеньева. (I. Свидетельство Христа. 1) Сверхъестественное и авторитет) // Радость Христианина. 1894. Кн. IV. С. 388–401.

Глава II из книги Эрнеста Навиля «Свидетельство Христа и единство Христианского мира». (3) Доказательства свидетельства Христова) / Пер. с франц. В.С. Арсеньева // Радость Христианина. 1894. Кн. XII. С. 247–269.

О древнейших иконах Воскресения Христова. (С тремя рисунками) // Радость Христианина. 1894. Кн. V. С. 30–39. Отд. отт.

Иезек. 37, 1–14. Пророческое видение духовного и телесного воскрешения // Радость Христианина. 1894. Кн. V. С. 48–60; Кн. XII. (Оконч.). С. 346–355.

Вознесение Господа и сошествие Св. Духа по древним иконографическим изображениям и Богослужебным песням. (С тремя рисунками) // Радость Христианина. 1894. Кн. V. С. 142–157. Отд. изд. 1894.

Об иконе, именуемой: «О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь» // Радость Христианина. 1894. Кн. XII. С. 21–23.

О Преображении Господнем по иконографическим памятникам и Церковно-Богослужебным песнопениям // Радость Христианина. 1894. Кн. VIII. С. 333–338.

1895

Мысли Эрнеста Навиля о философии спиритуалистов / Пер. В.С. Арсеньева // Радость Христианина. 1895. Кн. VIII. С. 332–339.

О стремлениях общих Христианскому миру. Эрнеста Навиля / Пер. В.С. Арсеньева // Радость Христианина. 1895. Кн. XI. С. 160–171.

1896

О священном короновании и его действиях / [Соч.] Почет. опекуна В.С. Арсеньева. М.: Унив. тип. 1896. 14 с. Отд. отт. из № 5 «Душеполезного Чтения» 1896 г.

1898

Пред образом Распятого на кресте. Из новооткрытого творения Фомы Кемпийского // Радость Христианина. 1898. Кн. III. С. 321–324.

Об иконе Софии, Премудрости Божией (Новгородской) // Радость Христианина. 1898. Кн. VII–VIII. С. 49–59.

1900

Цветы из сада Фомы Кемпийского / Пер. В.С. Арсеньева // Радость Христианина. 1900. Кн. 11/12. С. 434–436. (Из размышлений «Единобеседование души с Богом»; «Вздыхание души кающейся»; «О преуспевании в жизни духовной» и «Об истинном сердечном сокрушении»).

Фома Кемпийский. Долина лилий, во славу Божию и утешение искушаемым / Пер. С.И. Соколова // Радость Христианина. Приложение. 1900. 48 с. Предисловие В.С. Арсеньева – XII с.

Учение о Пресвятой Деве Марии Богослужебных песней на Введение Ея во храм // Радость Христианина. 1900. Кн. 11/12. С. 316–320.

Внутренний человек. Устремление взора в сердце святого Апостола Павла. Георгия Лассона / Пер. В.С. Арсеньева // Радость Христианина. 1900. Кн. XII. С. 410–425.

Сретение Господа. Символизм Евангельского события // Радость Христианина. 1900. Кн. II. С. 190–199.

Слово плоть бысть. Сошествие с небес Сына Божия. Объяснение иконографического рисунка // Радость Христианина. 1900. Кн. I. С. 27–34.

Осанна Грядущему Адама возврати // Радость Христианина. 1900. Кн. III. С. 320–325.

Спасительная страсть Христа-Бога // Радость Христианина. 1900. Кн. III. С. 326–329.

Об изображениях Доброго Пастыря в римских катакомбах // Радость Христианина. 1900. Кн. III. С. 330–335.

«Пасха – Христос Избавитель» // Радость Христианина. 1900. Кн. III. С. 343–348.

Глубокие мысли в иконном изображении Вознесения Господа в Русском лицевом подлиннике (XVI в.) // Радость Христианина. 1900. Кн. IV и V. С. 435–439.

Мысли Церкви на день Живоначальной Троицы // Радость Христианина. 1900. Кн. IV и V. С. 489–497.

1901

О плащанице Христовой // Радость Христианина. 1901. Кн. V. С. 285–289.

Несколько слов о писаниях Ницше // Радость Христианина. 1901. Кн. V. С. 305–309.

Источник нашего Воскресения // Радость Христианина. 1901. Кн. V. С. 338–344.

Фома Кемпийский. Цветник роз / Пер. с латинского издания 1607 года Василия Арсеньева // Радость Христианина. Приложение. М.: Печатня А.И. Снегиревой. 1901. 32 с.

Цветы из сада Фомы Кемпийского // Радость Христианина. 1901. Кн. 12. С. 446–456.

1903

Мысли о желательных началах воспитания. М.: Универ. тип. 1904. 22 с. Отд. отт. из «Душеполезного Чтения». 1903. № 2–3.

О внутреннем соотношении между истиной, добром и изяществом и взаимной связи их и символизации. М.: Тип. М. Борисенко. 1903. 28 с. Отд. отт. из журнала «Вера и Церковь». 1903. № 4. С. 536–561.

1904

Мысли о желательных началах воспитания. Почетного опекуна В.С. Арсеньева. М.: Универ. тип. 1904. 22 с. Отд. отт. из «Душеполезного Чтения». 1893. № 2–3.

О желательном направлении в познании природы // Вера и Церковь. М. 1904. Кн. 10. Отд. 1. С. 695–714.

1906

О хранилище Священного предания, находимом в Богослужении Православной Церкви // Вера и Церковь. 1906. Кн. 3 / От редактора [прот. И. Соловьёв]. С. 423–439; Кн. 4. С. 588–594; Кн. 5. С. 777–788; Кн. 6–7. С. 9–19; Кн. 9. С. 413–421; Кн. 10. С. 555–564.

1907

О хранилище Священного предания, находимом в Богослужении Православной Церкви // Вера и Церковь. 1907. Кн. 1. С. 79–86; Кн. 5. С. 636–652.

1908

Данте Алигьери... Трактат о монархии. [Пер. кн. 1 и обзор кн. 2 и 3] / Пер. с нем. В.С. Арсеньев. Витебск: Губ. тип. 1908. 41, [2] с.

1911

Ковалинский М.И. / Публ. В.С. Арсеньева. Нечто о Григории Савиче Сковороде // Русский Архив. 1911. Кн. I (№ 4). С. 601–634.

[Посещение села Мишенское] // Старые Годы. 1911. Декабрь. С. 80–81. (См.: Лобанов В. О библиотеке В.А. Жуковского // Альманах библиофила. Выпуск III. М.: Книга. 1976. С. 74).

1912

Из семейного архива. [О.С. И. Соколов и С.И. Гамалея, духовные мистики] // Орёл. 1912. 8 с. Отд. отт. из «Сборника Орловского Церковно-Археологического Общества». 1912. Т. 3.

«Испытание в пустыне» Ф.Н. Глинки // Русский Архив. 1912. Кн. II (6). С. 240–242.

2005

Воспоминания и Дневник // В.С. Арсеньев. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых. СПб.: Изд. им. Н.И. Новикова. 2005. 568 с. / Сост., подготовка текста и комм. А.И. Серкова.

2015

Воскресение Христово на древнейших иконах / Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва // Новая книга России. 2015. № 4. С. 13–15.

День Живоначальной Троицы. Мысли Церкви / Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва // Новая книга России. 2015. № 6. С. 13–15.

ЛИТЕРАТУРА О В.С. АРСЕНЬЕВЕ

1903

Арсеньев В.С. (внук). Василий Сергеевич Арсеньев // Род дворян Арсеньевых. 1389 г. – 1901 г. Тула: М.Т. Яблочкив. 1903. С. 82–83 / Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 6.

1911

Арсеньев В.С., публ. Письма к кн. М.Л. Кутузову, гр. М.И. Платову, М.П. Дохтуровой и гр. П.Х. Витгенштейн: 1812–1813 гг. М.: Печатня С.П. Яковлева. 1911. 10 с. (В конце текста: сообщ. В.С. Арсеньев.)

1914

Арсеньев В.С. (внук). Арсеньевы... Документы к родословной рода Арсеньевых: (Из дел Тульского дворян. депутат. собр.). Тула: тип. Губ. правл. 1914. [2], 93 с.

1915

В.С. Арсеньев. Некролог // Московские Ведомости. 1915. № 168 (22 авг.). Подпись: М. Б.

Соловьев Иоанн, прот. Памяти Василия Сергеевича Арсеньева // Русский Архив. 1915. № 7. С. I–IV.

1986

Майкова К.А. Масонские рукописи в фондах РГБ // Рукописные собрания Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Указатель. М. 1896. Т. I. Вып. 2 (1917–1947). 384 с. Собрание Д.И. Попова (фонд 237). С. 53–60. Собрание В.С. Арсеньева (фонд 14). С. 187–199.

1993

Серков А.И. Судьбы масонских собраний в России // 500 лет гностиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Амстердам: Ин де Пеликан. 1993. С. 27–35.

2000

Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб.: Изд. им. Н.И. Новикова. 2000. По указателю.

2001

Серков А.И. Арсеньев Василий Сергеевич // Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН. 2001. С. 69–70.

2005

Арсеньев В.С. (внук). Василий Сергеевич Арсеньев / Потомство Михаила Ивановича Арсеньева // В.С. Арсеньев. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых / Сост., подг. текста и комп. А.И. Серкова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова. 2005. С. 485–487.

Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцерства / Сост. М.В. Рейзин, А.И. Серков. СПб.: Изд. им. Н.И. Новикова. 2005. По указателю.

2013

Арсеньев Н.С. Дедушка Василий Сергеевич (1829–1915) // Дары и встречи жизненного пути. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Вестник. 2013. С. 80–89.

*Вступительная статья А.Н. Стрижёва,
составление М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из наследия о. Симеона Ивановича Соколова

1864

Сочинения и письма // Странник. 1864. Сент. С. 77–118. (Письма покойного протоиерея С.И. Соколова. Приложения. С. 88–105; Соколов С.И., прот. Очерки мыслей, возбуждающих в слушателях отвращение от невежества и желание просвещения. С. 108–118.)

Сушков Н.В. Воспоминания о покойном протоиерее при церкви Воскресения в Барашах, Симеоне Ивановиче Соколове. (Отрывок из записок) // Странник. 1864. Сент. С. 70–87.

1894

Сочинения и письма // Радость Христианина. 1894. № 2–3, № 4–5, № 12.

Утешительные мысли при чтении Евангелия // Радость Христианина. 1894. Кн. II. С. 171–177.

Мысли о Священном Писании // Радость Христианина. 1894. Кн. III. С. 275–281. (Примечание к биографии С.И. Соколова, С. 275–277. Автор В.С. Арсеньев.)

Состав истин, возбуждающих желание духовного просвещения // Радость Христианина. 1894. Кн. IV. С. 376–387.

Струи благодатной жизни. Рукописи московского протоиерея Симеона Иоанновича Соколова (ск. 1860 г.) и портрет его // Радость Христианина. 1894. Кн. IV. С. 419–426.

Любовь Всеблагого Господа к ищущим Его. Слово в неделю св. жен мироносиц // Радость Христианина. 1894. Кн. V. С. 61–69.

Работайте Господеви в веселии // Радость Христианина. 1894. Кн. XII. С. 242–246.

1900

Фома Кемпийский. Долина лилий во славу Божию и утешение искушаемым. (Пер. с латинского издания 1607 года [прот. Симеона Соколова] // Радость Христианина. Приложение. М.: Печатня А.И. Снегиревой. 1900. 48 с.)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бирюкова Маргарита Анатольевна – писатель, библиограф, краевед. В Интернете ведет страницу «Библио-Бюро Стрижёва – Бирюковой», адресованную широкой аудитории филологов и педагогов-словесников и посвященную позабытым отечественным писателям.

rittabiruikova@mail.ru

Логвинова Ирина Владимировна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры философии, истории, теории культуры и искусства МГИМ им. А.Г. Шнитке (г. Москва).

Автор работ по истории южнославянского романтизма, русской литературе.

logrina@gmail.com

Милионщикова Татьяна Михайловна – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Специалист по древнерусской литературе, творчеству Ф.М. Достоевского, англоязычной русистике, автор аналитического обзора «Этнический колорит в русской классике XIX в.: восприятие литературоведением США» (2018).

millionshchikova14@mail.ru

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928) – д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы.

anikolyukin1928@yandex.ru

Олейник Виталий Трофимович (р. 1946) – канд. филол. наук, переводчик; сотрудник издательства «Весь мир», медиакомпании Hearst Shkulev Media. Автор статей по английской и русской литературе, литературной критике.

oleynik4646@bk.ru

Пучнина Ольга Евгеньевна – канд. полит. наук, старший научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, автор работ по истории отечественной социально-политической мысли XIX–XX вв.

srkpdv@gmail.com

Раренко Мария Борисовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела языкоznания ИНИОН РАН. Область научных интересов: теория и практика перевода, социолингвистика.

rarencor@rambler.ru

Ревяков Иван Сергеевич (р. 1979) – старший преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

revyakov@yandex.ru

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934) – писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография русских писателей, в том числе Е.И. Замятиня, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и многих других. Научно-исследовательские работы собраны в кн.: Собрание сочинений: в 5 т. (2007).

astrizhev.mbirukova@mail.ru

Федякин Сергей Романович (р. 1954) – канд. филол. наук. Доцент Литературного института им. А.М. Горького. Область научных интересов – русская литература конца XIX – начала XX в., русское зарубежье, история русской музыки. Автор книг: «Скрябин» (2004), «Мусоргский» (2009), «Рахманинов» (2014), «Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности» (2014).

serofed@yandex.ru

Цурганова Елена Алексеевна – канд. филол. наук, заведующая Отделом литературоведения ИНИОН РАН. Автор работ по теории литературы, зарубежному литературоведению, литератре США. Главный редактор реферативного журнала «Социальные и гуманистические науки. Серия 7. Литературоведение. Отечественная и зарубежная литература».

elets_2005@mail.ru

Шульц Сергей Анатольевич (р. 1970) (Ростов-на-Дону) – д-р филол. наук. Автор книг «Гоголь. Личность и художественный мир» (1994), «Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект)» (2002), «Поэма Гоголя “Мертвые души”: внутренний мир и литературно-философские контексты» (2017) и др.

s_shulz@mail.ru; shulcz-70@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2019 – № 45

Корректор М.П. Крыжановская
Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 31/VII-2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 400 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 35

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33